

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ



41 2025
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 41 (592) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Шарль Луи де Монтескьё* (1689–1755), французский философ, правовед и писатель эпохи Просвещения, один из зачинателей идеологии либерализма.

Местом рождения Шарля Монтескьё был замок Ла-Бред, расположенный недалеко от Бордо и принадлежавший отцу мальчика Жаку де Секонда, обладавшему титулом барона де Лабреда. Малыш, получивший двойное имя Шарль Луи, родился 18 января 1689 года. Когда он достиг соответствующего возраста, то, как представитель парламентского «дворянства мантии» был принят в коллеж ораторианцев. Это учебное заведение располагалось в Жюйи вблизи Парижа. Свое обучение Шарль Луи де Секонда продолжил в Бордоском университете. Изучив в нем право, он в 1708 году получил статус адвоката.

Когда спустя пять лет умер его отец, юный де Лабред стал советником (судьей) Бордоского парламента. Вскоре в его жизни произошло еще много событий: женитьба, избрание членом академии Бордо, а после смерти дяди в 1716 году — получение титула барона де Монтескьё одновременно с наследственной должностью заместителя председателя Бордоского парламента.

Но очень скоро новоиспеченный барон де Монтескьё разочаровался в карьере профессионального юриста. Его занимали глобальные вопросы, вытекающие из существующих законов, и их решения. Поэтому спустя десятилетие после вступления в должность Шарль Луи продал ее, чтобы заняться более интересными вещами.

Еще в юности Шарль Луи увлекся естественнонаучными исследованиями. Результаты проведенных экспериментов были представлены им в академии. Наблюдение за расширением и сокращением тканей под действием высоких и низких температур позднее послужило основой для философских размышлений о влиянии климата на отдельных личностей и в целом на общественные институты.

Очень интересно было Шарлю Луи и литературство, особенно сатирические произведения, высмеивающие негативные стороны французского общества. В 1728 году его литературная и научная деятельность позволила Шарлю Луи де Монтескьё попасть во Французскую академию.

Написанные им в 1721 году «Персидские письма» были по достоинству оценены читающей публикой. Писателя привлек восточный антураж, легший в основу произведения. Персидский путешественник рассказывает о своих впечатлениях от Франции и ее обычаев, включая религиозные и политические злоупотребления. Что самим французам кажется совершенно обычным, у иностранного путешественника вызывает глубокое недоумение. «Персидские письма» полны острого юмора, иногда переходящего в злую сатиру. Автор высмеивает и религиозные

войны, и абсолютную монархию, и инквизицию, и даже Папу Римского.

«Размышления о причинах величия и падения римлян» были написаны в 1734 году. В этой небольшой книге де Монтескьё разбирает причины возвышения Рима и его упадка. Их знание позволит в будущем избежать ошибок предков.

«О духе законов» (1748) — главный труд Шарля Луи де Монтескьё — итог двадцатилетних размышлений, изысканий, литературной работы, позволивший облечь социальную и политическую науку в художественную форму, понятную широким массам. В этой работе ученый исследует природу законов и их связь с типом правления, особенностями стран (климатом, количеством населения, рельефом местности и т. д.). Здесь же нашли отражение и идеи о принципе разделения исполнительной, судебной и законодательной власти, привезенные автором из Англии. Эту книгу тремя годами позже внесли в «Индекс запрещенных книг», поскольку она подрывала устои французской монархии. Ею часто интересовались первые лидеры Французской революции; огромной популярностью она пользовалась и в США.

Любознательный ум де Монтескьё требовал новой информации об устройстве мира. Сразу после принятия в академию Шарль Луи отправился путешествовать по разным странам. Он побывал в Италии, Австрии, Голландии, княжествах Германии, полтора года провел в Англии, где присутствовал на сессиях палаты общин. Его поразила правовая система, при которой была разрешена критика правительственной политики, что было невозможно в монархической Франции.

Монтескьё очень много времени уделял размышлению и написанию своих трудов. Его можно было часто видеть в Лабредской библиотеке, где он либо читал, либо диктовал секретарю наброски своей работы. Хотя по характеру де Монтескьё был немного замкнут, он все же иногда посещал парижские салоны, позволявшие ему наблюдать за поведением представителей различных сословий.

Монтескьё считается основателем количественной теории денег, которую развивали Дэвид Юм, Джон Кейнс, Ирвинг Фишер, Милтон Фридман, Артур Пигу и другие экономисты.

Незадолго перед смертью в 1752 году Монтескьё закончил «Опыт о вкусе», посмертно опубликованный в седьмом томе «Энциклопедии» (1757). Успев завоевать славу и завершить свой многолетний труд, почти ослепший из-за катаракты Шарль-Луи де Монтескьё умер в Париже в 1755 году.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Маношкина О. А.

Теоретико-правовые основы участия
прокурора в уголовном судопроизводстве..... 143

Марданова В. В.

Уголовно-правовая характеристика
мотивов совершения убийства матерью
новорожденного ребенка..... 146

Махлушева А. А.

Институт исковой давности в гражданском
праве 149

Михсин В. Б.

Проблемы реабилитации осужденных
в Российской Федерации..... 151

Михсин В. Б.

Понятие и значение реабилитации
в уголовном судопроизводстве
Российской Федерации 152

Монгуш А. О.

Основания и условия привлечения
к семейно-правовой ответственности 153

Мушкевич Е. С.

Вина как условие гражданско-правовой
ответственности: теоретические основы
и практические аспекты 156

Павлова Т. Б.

Проблемные аспекты условного осуждения ... 158

Павлова Т. Б.

Современные подходы к определению
сущности условного осуждения 159

Пензина М. С.

Особенности прокурорского надзора
за органами, осуществляющими оперативно-
розыскную деятельность..... 161

Прокликов Д. В.

Основания и порядок возникновения
интеллектуальных авторских прав..... 164

Прокликов Д. В.

Соотношение понятий охраны и защиты
интеллектуальных авторских прав..... 167

Путренкова К. А.

Функции государства в условиях глобальных
проблем современности..... 169

Ромашко В. В.

Институт потребительского банкротства
в современных реалиях 171

Рябушкина О. С.

Административные правонарушения
среди лиц, находящихся под надзором:
особенности, последствия, профилактика..... 174

Сафонова Е. В.

Историко-социальные предпосылки
установления уголовной ответственности
за вовлечение несовершеннолетних
в совершение преступления 176

Семянников В. А.

Общая характеристика и признаки договора
участия в долевом строительстве 178

Солдатов А. В.

Концессионные соглашения в сфере
обращения с твердыми коммунальными
отходами: порядок заключения соглашений
без проведения конкурса 180

Степанов А. А.

Актуальные проблемы борьбы с коррупцией
в России 182

Степанова Ю. Е.

Порядок возникновения правоотношений
в приемной семье 185

Ткаченко М. А.

История зарождения и развития
наследственного права в отечественном
законодательстве..... 187

Трегуб Ю. А.

Этапы расследования
преднамеренного банкротства
в контексте криминалистической
систематизации расследования
экономических преступлений 189

Трушникова Е. Б.

Защита прав несовершеннолетних
в брачно-семейных спорах: процессуальный
статус и участие в деле 192

Тухфетуллова А. Э.

Роль прокурора в современном гражданском процессе..... 195

Тухфетуллова А. Э.

Защита интересов неопределенного круга лиц как основание для обращения прокурора с иском в суд 196

Феденко Д. Д.

Арбитраж как форма защиты прав сторон при нарушении обязательств 198

Федоровых А. С.

Историко-правовой аспект наложения ареста на имущество 201

Харитонова К. А.

Проблемы правового регулирования камеральных налоговых проверок в контексте цифровизации налогового администрирования 204

ПСИХОЛОГИЯ

Калиниченко А. Н.

Методика воспитания доброты через сказки (из опыта работы)..... 208

Козлова М. В.

Особенности применения техник йоги в психотерапевтической практике 210

Коротких С. А.

Использование средств арт-терапии для развития эмоционального интеллекта младших школьников..... 213

Соловьева Е. Ю.

Связь особенностей волевой регуляции и самоотношения молодых людей 214

Тугушева Г. В.

Особенности формирования психологической устойчивости у кадет, мотивированных на достижение высоких результатов в спорте 218

Yunusova A. Y.

Individuality and its development characteristics in primary school 222

Janson M. A.

Professional activity satisfaction as a factor of subjective well-being of personality 224

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Теоретико-правовые основы участия прокурора в уголовном судопроизводстве

Маношкина Ольга Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Зенкин Артур Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматривается положение прокурора в уголовном процессе РФ, его цели, задачи и функции, закрепленные в УПК РФ и ФЗ «О прокуратуре РФ». Подчеркивается значимость обеспечения законности, справедливости и состязательности сторон. Анализируются проблемы реализации правового статуса прокурора, охватывая возможный дисбаланс между сторонами обвинения и защиты, недостаточную регламентацию действий прокурора в суде. Предлагаются изменения в УПК РФ, направленные на конкретизацию прав и обязанностей прокурора, обеспечение равенства сторон и предотвращение злоупотреблений, обязательное представление оправдывающих доказательств.

Ключевые слова: прокурор, законность, справедливость, состязательность, уголовное, судопроизводство.

Участие прокурора в рассмотрении судами уголовных дел в Российской Федерации является первоосновой системы уголовного судопроизводства, обеспечивающим соблюдение законности, защиту прав и свобод граждан, поддержание государственного обвинения. Прокуратура, являясь единой федеральной централизованной системой органов, осуществляет надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, в том числе в уголовном судопроизводстве. Указанное предопределяет ее особое положение в обеспечении справедливости и законности при рассмотрении уголовных дел.

Участие прокурора в судебном разбирательстве направлено на обеспечение состязательности процесса, равенства сторон и защиту прав потерпевших и обвиняемых. Прокурор выступает гарантом соблюдения процессуальных норм и предотвращения нарушений, приводящие к незаконному осуждению или необоснованному оправданию.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2019 году прокуроры приняли участие в рассмотрении около 95 % уголовных дел, поступивших в суды первой инстанции. В 2020 году этот показатель остался на уровне 94 %, а это свидетельствует о сохранении значимой роли прокурора в судебном процессе даже в условиях пандемии COVID-19 и связанных с ней ограничений. В 2021 году наблюдался небольшой рост, до 96 %. В 2022 году, в связи с геополитической обстановкой и изменениями в законодательстве, показатель несколько снизился, до 93 %, но уже в 2023 году вырос до 95 %. Данные за 2024 год показывают, что участие прокуроров в рассмотрении уголовных дел остается на стабильно высоком уровне —

около 95 %. Цифры говорят о том, что прокурор является обязательным участником уголовного процесса, и без его участия рассмотрение уголовного дела будет неполноценным. Количество апелляционных представлений, поданных прокурорами, увеличилось с 12 тысяч в 2019 году до 15 тысяч в 2024 году, рост на 25 %. Количество кассационных представлений увеличилось с 5 тысяч в 2019 году до 7 тысяч в 2024 году, рост на 40 % [7]. Следует уточнить, что количество удовлетворенных представлений остается высоким, подтверждается обоснованность доводов прокуроров и целесообразность их участия в пересмотре судебных решений.

Современные правовые основы участия прокурора в рассмотрении уголовных дел в Российской Федерации закреплены в Конституции Российской Федерации [1], Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» [3], Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) [2] и других нормативных правовых актах. Конституция РФ гарантирует каждому право на судебную защиту его прав и свобод, предписывает, что правосудие осуществляется только судом. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» консолидирует полномочия прокурора в сфере уголовного судопроизводства, в том числе его участие в рассмотрении уголовных дел судами; предписывает, что прокурор осуществляет надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации подробно регламентирует порядок участия прокурора в разных стадиях уголовного процесса, начиная

от возбуждения уголовного дела и заканчивая исполнением приговора. УПК РФ консолидирует права и обязанности прокурора, порядок его взаимодействия с другими участниками уголовного процесса (следователь, дознаватель, обвиняемый, потерпевший и адвокат). Прокурор является значимым участником судебного разбирательства, поскольку он поддерживает государственное обвинение, представляет доказательства, участвует в исследовании доказательств, заявляет ходатайства и выступает в прениях сторон.

Базисной целью участия прокурора в рассмотрении уголовных дел является обеспечение законности и справедливости уголовного судопроизводства. Прокурор призван обеспечить, чтобы уголовное дело рассмотрено судом в соответствии с требованиями закона, а права и законные интересы всех участников уголовного процесса соблюдены. Достижение этой цели требует от прокурора высокой профессиональной компетентности, принципиальности и объективности. Прокурору следует быть независимым от влияния каких-либо органов государственной власти, должностных лиц или общественных организаций и руководствоваться только законом и своим внутренним убеждением [4, с. 48].

Функции прокурора в рассмотрении уголовных дел определяются его полномочиями, установленными Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации и Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации». Базовой функцией прокурора является поддержание государственного обвинения в суде. Прокурор представляет доказательства вины подсудимого, участвует в исследовании доказательств, заявляет ходатайства и выступает в прениях сторон; прокурору следует убедить суд в виновности подсудимого и обосновать целесообразность назначения ему справедливого наказания. Поддержание государственного обвинения является сложной и ответственной задачей, требующей от прокурора высокой профессиональной компетентности и умения убеждать [5, с. 59].

Участие прокурора в судебном разбирательстве, укорененное в Конституции Российской Федерации и детализированное в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, преследует целый ряд целей и задач, направленных на реализацию принципов правового государства и состязательности сторон.

Задачи участия прокурора в рассмотрении уголовных дел судами следующие: выявление обстоятельств, содействовавших совершению преступления, и принятие мер по их устранению; обеспечение правильного применения уголовного закона; поддержание государственного обвинения в суде; участие прокурора в судебном разбирательстве также направлено на обеспечение состязательности сторон и равенства их прав перед судом.

В судебном заседании прокурор руководствуется принципами, направленными на защиту прав участников процесса и обеспечение всестороннего рассмотрения дела. Базовые принципы составляют законность, требующую неукоснительного соблюдения Конституции и УПК РФ.

Независимость гарантирует объективность и беспристрастность, исключая любое постороннее влияние. Прокурор осуществляет уголовное преследование, поддерживая обвинение, представляя доказательства и участвуя в их исследовании. Значимо обеспечение состязательности и равноправия сторон, защита прав всех участников судопроизводства, охватывая разъяснение прав и пресечение их нарушений. Прокурор участвует в рассмотрении возникающих вопросов и обжалует незаконные решения.

Базисные положения, определяющие правовой статус прокурора в судебном разбирательстве, закреплены в главе 6 УПК РФ, посвященной участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

В соответствии со статьей 37 УПК РФ, прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах своей компетенции осуществлять уголовное преследование в суде, надзор за законностью деятельности органов предварительного расследования.

В соответствии со статьей 246 УПК РФ, участие государственного обвинителя в судебном разбирательстве обязательно, за исключением случаев, предусмотренных частью 3 указанной статьи. Поддержание государственного обвинения заключается в обосновании перед судом виновности подсудимого в совершении преступления, представлении доказательств, подтверждающих его вину, в опровержении доводов защиты.

В соответствии со статьями 389.1 и 401.2 УПК РФ, прокурор вправе обжаловать приговор или иное решение суда в апелляционном и кассационном порядке, если считает его незаконным или необоснованным. Обжалование судебного решения является значимым средством обеспечения законности и справедливости в уголовном судопроизводстве, предоставляющим возможность исправить судебные ошибки и защитить права и законные интересы участников процесса [6, с. 79].

В реализации правового статуса прокурора при участии в рассмотрении уголовных дел, существует некоторая неопределенность. Так, вне зависимости от того, выступает ли прокурор в качестве государственного обвинителя, поддерживающего обвинение в суде, его полномочия и влияние на ход судебного процесса порой создают дисбаланс между сторонами обвинения и защиты. Прокурор обладает обширными возможностями в представлении доказательств и оспаривании доводов защиты, а это ставит под сомнение равенство сторон перед законом. Проблема проявляется в том, что суд, воспринимая прокурора как представителя государства, склоняется к его позиции, особенно в сложных и резонансных делах, что потенциально нарушает принцип беспристрастности и независимости судебной власти. Существующие нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ не конкретно регламентируют действия прокурора в суде, а это приводит к злоупотреблениям и нарушению прав подсудимых. Указанное касается, например, порядка представления доказательств, допроса свидетелей и участия в прениях сторон. Недостаточная регламентация полномочий про-

курора приводит к затягиванию судебного процесса и необоснованному усложнению процедуры доказывания.

Для решения данной проблемы, полагаем следует внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, направленные на конкретное и прозрачное определение процессуальных прав и обязанностей прокурора в стадии судебного разбирательства, на обеспечение равенства сторон перед судом. Предлагается внести изменения в статью 244 УПК РФ, регулируемую порядок исследования доказательств в суде.

Считаем целесообразным дополнить часть 1 статьи 244 УПК РФ следующим абзацем: «При представлении доказательств сторонами обвинения и защиты суд обеспечивает равные возможности для их исследования и оценки, не отдавая приоритет ни одной из сторон. Суд вправе задавать вопросы свидетелям и экспертам, но не подменяет функцию обвинения или защиты».

Вместе с указанным, предлагаем дополнить статью 248 УПК РФ, регламентирующую участие государственного обвинителя в судебном разбирательстве, пунктом, определяющим, что «Государственный обвинитель представляет суду все известные ему доказательства, как подтверждающие виновность подсудимого, так и оправдывающие его, доказательства, смягчающие его ответственность. Непредставление оправдывающих доказательств является основанием для отвода государственного обвинителя».

Предложенное предоставит возможность конкретнее и прозрачнее регламентировать действия прокурора в суде, обеспечивая равенство сторон и соблюдение принципа состязательности. Представленные изменения в законодательство направлены на то, чтобы исключить возможность злоупотреблений со стороны обвинения

и гарантировать справедливое судебное разбирательство. Введение нормы об обязанности представления оправдывающих доказательств будет стимулировать прокурора к объективному рассмотрению дела и предотвратит одностороннее представление информации, что, в конечном итоге, поспособствует вынесению законного и обоснованного приговора.

Таким образом, участие прокурора в уголовных делах регулируется Конституцией, законом «О прокуратуре», УПК РФ и другими актами. Целью является обеспечение законности и справедливости, защита прав граждан и государства, предупреждение преступлений. Прокурор поддерживает обвинение, надзирает за законностью и координирует деятельность правоохранительных органов. Поддержание государственного обвинения — базисная функция прокурора. Он представляет и исследует доказательства, заявляет ходатайства, высказывает мнение по вопросам и обжалует решения, руководствуясь законом. Значение имеет участие прокурора в суде присяжных, где он представляет обвинение, разъясняет нормы права и обеспечивает независимость присяжных, обжалует судебные решения, если считает их незаконными, обеспечивая законность и справедливость.

Действующие обширные полномочия прокурора в суде нарушают равенство сторон. Нечеткость УПК РФ относительно действий прокурора провоцирует злоупотребления и затягивание процессов. Целесообразно изменить УПК РФ, уточнив права и обязанности прокурора, обеспечив равный доступ к доказательствам. Следует обязать прокурора представлять все известные доказательства, охватывая оправдывающие, для справедливого судебного разбирательства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Текст Конституции приведен в соответствии с официальной публикацией на Официальном интернет-портале правовой информации (www.pravo.gov.ru), 6 октября 2022 г. (27.08.2025).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
3. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 03.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.
4. Бесполихин Д. И. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судом первой инстанции // Интернаука. — 2020. — № 47-2(176). — С. 48–50.
5. Отческая Т. И. О некоторых проблемах участия прокурора в рассмотрении уголовных дел судами // Вопросы государства и права. — 2023. — № 1(1). — С. 59–66.
6. Шумилина О. С. Особенности правового статуса прокурора в уголовном процессе // Правовые аспекты регулирования в обществе и в экономике: Сборник статей международной научной конференции, Выборг, 13 ноября 2023 года. — Санкт-Петербург: Гуманитарный национальный исследовательский институт НАЦРАЗВИТИЕ, 2023. — С. 79–82.
7. Официальные данные сайта Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — Статистические данные. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (27.08.2025).

Уголовно-правовая характеристика мотивов совершения убийства матерью новорожденного ребенка

Марданова Виктория Валерьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Боровских Роман Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой характеристики мотивов совершения убийства матерью новорожденного ребенка. Анализируются влияние психического состояния матери и социально-культурного контекста на трактовку мотива. Устанавливается морально-правовая дилемма — баланс между гуманностью (учёт тяжелых социальных и психологических причин) и необходимостью защиты прав детей.

Ключевые слова: убийство матерью новорожденного ребенка, мотивы, психическое состояние матери, страх осуждения, психическое расстройство.

Убийство матерью новорождённого ребенка является одним из видов привилегированного убийства в российском уголовном законодательстве.

При квалификации данного деяния и назначения справедливого наказания важную роль играют мотивы, которыми руководствовалась мать. Изучение мотивов позволяет не только разграничить конкретные составы преступлений, но и глубже проникнуть в суть криминальных факторов, способствующих совершению таких преступлений, и выстроить соответствующие направления для их предотвращения.

Стоит отметить, что мотивом совершения преступления является внутреннее побуждение, вызванное определенными потребностями, интересами и ценностными характеристиками. Как отмечает В. Н. Кудрявцев, мотив — это «то, ради чего совершается преступление» [5, с. 22–24]. Мотив помогает установить психологическое отношение лица к совершаемому деянию, хотя сам по себе мотив не является элементом вины.

Как известно, выделение преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, в качестве отдельной нормы обусловлено акцентом законодателя на особенностях психоэмоционального состояния матери, что находит отражение в мотиве. Поэтому субъектом данного деяния является только мать ребёнка. Важную роль здесь имеет психическое состояние матери, вызванное совокупностью факторов, характерных для послеродового периода, и оказывающее существенное влияние на ее способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими.

В юридической литературе и судебной практике выделяют некоторые основные группы мотивов и связанных с ними состояний, которые могут быть формально разделены на психические и социально-культурные.

В анализируемой норме есть понятие «психотравмирующая ситуация», что говорит о характере психической травмы женщины, а длительность воздействия обуславливается не только непосредственно ситуацией родов, но и отношением к этой ситуации [9, с. 16]. В качестве такой ситуации могут быть «стечение тяжелых личных обстоятельств, угроза или принуждение при материальной, слу-

жебной или иной зависимости виновной от другого лица, тяжелое протекание беременности и (или) родов, при состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости» [2]. Главное значение имеет то субъективное значение, которое придает женщина сложившейся ситуации. Например, требование мужа об избавлении от ребенка для двух беременных женщин будет восприниматься по-разному: для желающей иметь детей это будет травмирующей ситуацией, а для имеющей низменные моральные ценности и страдающей алкоголизмом — вполне нейтральная ситуация, возможно, даже логичная.

Говоря о влиянии психического состояния матери на трактовку мотива, стоит отметить, что давление тяжелой жизненной ситуации, стресса: насилие, алкоголизм или наркомания одного из родителей, конфликтные отношения в семье, сильные эмоциональные потрясения могут привести к временному психоэмоциональному расстройству, которое, в свою очередь, может спровоцировать преступление. Например, когда беременность наступила в результате изнасилования, эмоциональная напряженность наступает задолго до родов. Мотивом будет являться уничтожение объекта, который воспринимается ею как угроза и даже разрушение ее жизни.

В названной норме также говорится о состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Стоит отметить, что психическое расстройство личности может возникнуть на любом этапе жизни: до беременности, во время нее и после. Например, женщина может страдать слабоумием и не знать или забыть, как ухаживать за ребенком. В зависимости от степени болезни, она может и не осознавать, что беременна и родила ребенка, может испугаться и попытаться избавиться от него — в этом случае ответственность исключена, так как лицо не осознавало характер и общественную опасность своих действий.

Состояние послеродовой депрессии или психоза: это наиболее серьезные факторы, которые могут напрямую влиять на психическое состояние женщины, снижая её способность к критическому мышлению и самоконтролю. Послеродовая депрессия может приводить к бездействию в отношении ребёнка, отказу от кормления, бросанию ре-

бёнка, сокрытию факта родов. «При этом состоянии женщина чувствует бессилие, тоску, вину, опустошённость, беспричинную тревожность, навязчивый страх причинить вред малышу, чрезмерно беспокоится за его здоровье. Могут возникать суицидальные мысли и даже планы» [3, с.32–34].

Послеродовой психоз сопровождается явными изменениями со стороны сознания, нарушениями восприятия и мышления. Могут возникать «зрительные и слуховые галлюцинации, маниакальные идеи, что кто-то хочет причинить ребёнку вред либо он болен. Женщина в таком состоянии уверена, что, убивая, она его спасает» [3, с.12–13].

Так, Любовь М. задушила младшего сына детскими колготками, после она попыталась убить себя, но не смогла. Незадолго до случившегося она наблюдалась в психиатрической больнице с подозрением на шизофрению, но на учете не состояла. По словам супруга Василия, в после рождения ребенка у нее была сильная апатия. «В какой-то момент мне стало так плохо на душе, что захотела умереть, но я подумала: сын же маленький, ему будет тяжело без мамы, да и мужу будет трудно справляться со столькими детьми. Поэтому решила убить ребенка и себя. Но себя в последний момент так и не смогла...» — давала показания женщина позже [7].

По мнению В. И. Кузнецова, психологическое состояние женщины при совершении убийства своего новорожденного ребенка имеет схожесть с физиологическим аффектом [6, с.65–73]. Так, при наличии психотравмирующей ситуации, мать совершает убийство новорожденного ребенка в состоянии аффективной вспышки. Тем не менее, убийство матерью новорожденного ребенка необходимо отличать от преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ. Эмоциональное состояние матери новорожденного ребенка связано с процессами, причиной которых стал процесс родов или психотравмирующая ситуация, вызванная тяжелыми жизненными проблемами. Аффект представляет собой состояние сильного душевного волнения, вызванного действиями самого потерпевшего, но новорожденный ребенок не в состоянии совершать какие-либо провоцирующие действия. То есть квалификация по ст. 107 УК РФ полностью исключается.

Так, что касается социально-культурных источников направления мотива, Н. С. Таганцев указывал среди мотивов убийств новорожденных «стыд, страх суда, общественного мнения, боязнь за будущее ребенка» [8, с.199–204]. Недостаток средств, отсутствие жилья, невозможность найти работу — эти факторы могут порождать чувство безысходности и убежденность в том, что ребёнок обречён на нищету и страдания. Также наличие других детей и невозможность ухода за ними могут сыграть важную роль. Женщина, у которой уже есть несколько детей, может оказаться в ситуации, когда ей будет физически и морально тяжело справляться с дополнительной нагрузкой.

Стоит отметить, что огромное давление может оказать потеря поддержки со стороны близких. Например, ввиду

незапланированной беременности, женщина остается без помощи родителей или сталкивается с их равнодушием, партнер ее оставляет, не желая брать на себя ответственность отцовства — данные ситуации создают чувство предательства, что обуславливает мысли о неспособности справиться с материнскими обязанностями.

Так, в городе Курске Валерия Ф. выбросила из окна квартиры собственную дочь, потому что сразу после рождения ребенка муж ушел от нее. «Сыграло свою роль, что родные Валерии жили далеко, и она оказалась полностью зависима от мужа финансово и всё время была одна» [7].

М. Н. Гернет отмечал такой мотив этого преступления, как «спасение чести» [4, с.25]. Часто женщины желают скрыть факт беременности и родов ввиду того, что забеременели, не находясь в официальном браке с мужчиной. Данный мотив связан с религиозными и моральными нормами. Например, по религиозным традициям женщина должна не допускать сексуальные отношения до брака, иначе она станет осквернением всей семьи. Дабы избежать «позора» родственники могут требовать прервать беременность, а врачи могут отказать в аборте из-за позднего срока. Страх осуждения со стороны близких, общества, потеря работы, разрушение семьи, социальная стигматизация — всё это может подтолкнуть женщину к отчаянному поступку.

Стоит сказать, что убийство матерью новорожденного ребенка не случайно выделено в отдельную норму «смягчающего» характера. Ведь данные преступления совершают женщины, которые пережили огромный стресс, как физический, так и психологический, которые остались без поддержки в трудный период жизни, когда у них появилась огромная ответственность за другого такого же человека, но еще более уязвимого. Женщины испытывают давление со стороны общества, когда ребенок рождается не в браке, и матери приходится нести родительский долг в одиночку. При этом нельзя умалять необходимости защиты прав детей, ведь во время родов на свет появляется человек с правом на жизнь.

Сложившаяся практика применения ст. 106 УК РФ свидетельствует о необходимости ее дальнейшего совершенствования. Считается, что для защиты прав детей необходимо сначала помочь матери ребенка, ведь она является гарантом его достойной жизни. Так, необходимо введение специальных мер уголовно-правового характера, которые бы представляли собой реабилитацию и оказание помощи матерям, совершившим подобные преступления, для дальнейшего недопущения подобного и подготовки их к материнству. Например, это может включать в себя обязательное прохождение психологической терапии и социальной поддержки.

Важно усиление профилактической работы для своевременного выявления и оказания помощи женщинам, находящимся в группе риска. Это включает в себя развитие системы социальной поддержки беременных и молодых матерей, психологическую помощь, доступ к информации о возможностях ухода за ребёнком.

Для повышения осведомленности правоприменителей необходимо проведение семинаров, конференций, публикация научных статей, посвящённых проблеме убийства новорождённых, могут способствовать формированию единого подхода к квалификации таких деяний.

Конечно же, стоит отметить, что важное значение должны иметь совершенствования социально-культурной направленности. Например, поддержка материнства и детства: создание благоприятных условий для воспитания детей, обеспечение доступности медицинских услуг, образования, жилья.

Профилактика социально-экономического неблагополучия как в отношении всего населения, так и отдельная усиленная защита беременных женщин и матерей в борьбе с бедностью, безработицей, алкоголизмом и наркоманией.

Стоит закрепить в обществе толерантное отношение к женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации: преодоление стигматизации одиноких матерей. В настоящее время данное направление активно вливается в нашу жизнь, и сейчас редко можно встретить осуждение рождения детей вне брака, но данная проблема сохранилась у глубоко религиозной части населения.

При этом такое толерантное движение должно пропагандировать семейные ценности и не умалять ответственности отцов.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит сделать вывод о том, что убийство матерью новорожденного ребенка — сложное социальное и правовое явление, обусловленное целым комплексом психологических, биологических, социальных и экономических факторов. Мотивы, лежащие в основе этого преступления, тесно связаны с особым состоянием женщины в послеродовой период, её страхами, неуверенностью, а иногда и выраженными психическими расстройствами.

Для эффективного противодействия этому виду преступности необходимо сочетать меры уголовно-правового воздействия с активной профилактической работой, направленной на социальную поддержку матерей, раннее выявление групп риска и оказание им необходимой помощи. Только комплексный подход, включающий совершенствование законодательства, правоприменительной практики и активную социальную политику, позволит снизить количество подобных трагедий и защитить самое ценное — жизнь новорожденного ребенка.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. От 31.07.2025) // СПС «Консультант-плюс». — Версия Проф. — М., 2025.
2. Антонян Ю. М., Гончарова М. В., Кургузкина Е. Б. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы / Ю. М. Антонян. — Текст: электронный // Lex Russica. 2018. № 3 (136). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ubiystvo-materyu-novorozhdenного-rebenka-ugolovno-pravovye-i-kriminologicheskie-problemy> (дата обращения: 26.09.2025).
3. Брутман, В. И., Панкратова, М. Г. Некоторые результаты обследования женщин, отказывающихся от своих новорожденных детей / В. И. Брутман, М. Г. Панкратова // — Текст: непосредственный // Вопросы психологии. — 1994. — № 5. — С. 31–36.
4. Гернет, М. Н. Детоубийство. Сравнительно-юридическое исследование. / М. Н. Гернет. — Москва: Типография Императорского Московского Университета, 1911. — 208 с. — Текст: непосредственный.
5. Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии: (теория и реальность). / В. Н. Кудрявцев. — Москва: Норма, 2009. — 176 с. — Текст: непосредственный.
6. Кузнецов В. И. Сложные вопросы квалификации детоубийства / В. И. Кузнецов. // — Текст: непосредственный // Сиб. юрид. вестн. — 2013. — № 1. — С. 65–73.
7. Почему матери убивают своих младенцев и как живут с этим дальше — реальные истории и мнения экспертов. — Текст: электронный // НГС.ру: [сайт]. — URL: <https://ngs.ru/text/criminal/2022/12/02/71859344/> (дата обращения: 28.09.2025).
8. Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву. / Н. С. Таганцев. — СПб.: Типография И. Мордуховского, 1873. — Т. 2. — 324 с. — Текст: непосредственный.
9. Тайбаков, А. И. Убийство матерью новорожденного ребенка / А. И. Тайбаков, О. Погодин. — Текст: непосредственный // Законность. — 1997. — № 5. — С. 16–22.

Институт исковой давности в гражданском праве

Махлушева Анна Андреевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье изучается институт исковой давности в гражданском праве России. Актуальность аргументирована значимостью института и возможностью его совершенствования в нашей стране. Итог работы — практические рекомендации по внесению правок в Гражданский кодекс РФ.

Ключевые слова: институт исковой давности, срок исковой давности, Гражданский кодекс России, выявление ответчика, свобода договора.

Институт исковой давности в гражданском праве крайне значим, так как от него напрямую зависит, может ли в каждой конкретной ситуации лицо защитить свои права или нет. Если такой институт имеет существенные правовые дефекты, он не будет эффективным, следовательно, полная защита прав не будет наблюдаться. На данный момент можно считать, что российский институт исковой давности можно дополнительно усовершенствовать, потому тему работы требуется признать актуальной.

Институт исковой давности регулируется в первую очередь главой 12 Гражданского кодекса (ГК) РФ, в нее входят статьи с 195 по 208 включительно. Однако ряд иных нормативно-правовых актов тоже затрагивает данную сферу. Так, например, Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О противодействии терроризму» постановил, что исковая давность не применяется к преступлениям террористической направленности.

В целом, согласно статье 195 ГК РФ, под исковой давностью требуется признать срок, который предоставлен лицу для защиты своего нарушенного права. Исходя из этого, первым ключевым элементом является то, что до момента установления однозначного нарушения права исковая давность не может применяться. Далее положение раскрывается в статье 200 ГК РФ — исковая давность начинается длиться с того момента, как лицо не только идентифицировало (или должно было это сделать) правонарушение, но и выявило ответчика (или должно было это сделать) в этой ситуации. Такой день будет первым днем для исковой давности.

Буквальное толкование закона предоставляет широкие возможности для лиц в отношении защиты своих прав. Причина заключается в том, что выявить правонарушение можно за относительно короткий срок, например, лицо может установить выбытие своего имущества из владения. Однако установление ответчика может быть затруднительным действием. Таким образом, законодательное положение об обязательном соблюдении сразу двух пунктов — верный выбор.

При этом существует следующая взаимосвязанная проблема — статья 196 ГК РФ устанавливает общий срок исковой давности, который составляет три года. Также указывается, что максимальная исковая давность составляет десять лет со дня нарушения права. Исходя из этого,

формируется следующая правовая норма — если истец установил нарушение его права, у него есть не более десяти лет для идентификации ответчика. Если он его не обнаружит, защита права становится невозможной, за исключением случая, когда произошел террористический акт [1, с. 83].

Полагаем, что ситуация недопустима, так как создает для любого лица возможность избежать санкции. Это, в рамках правового государства, недопустимое положение, которое должно быть ликвидировано. По этой причине предлагаем установить бессрочную исковую давность, которая заставит каждого лица максимально ответственно выполнять свои обязательства, так как будет сформировано осознание неотвратимости санкций за нарушение прав других лиц.

В рамках этого положения также стоит отметить, что некоторые ситуации уже сейчас имеют иные сроки исковой давности, отличные от общих. Так, например, лишь год предоставляется лицу для защиты своего права на получение надлежащих по качеству услуг, выполняемых подрядчиком (статья 181 ГК РФ). Аналогичный срок отведен лицам, сталкивающимся с ненадлежащей перевозкой грузов (статья 797 ГК РФ). Положение является верным, так как подрядчик при подписании соответствующего договора известен, равно как и перевозчик, следовательно, идентифицировать ответчика не составляет затруднений.

Особые сроки также выделены для ничтожных сделок (десять лет, согласно статье 181 ГК РФ), для споров об увольнении (месяц, согласно статье 392 Трудового кодекса (ТК) РФ), для споров о нарушенных трудовых правах (три месяца, здесь и далее — аналогичная статья ТК РФ), для споров в отношении заработной платы (год), для споров в отношении причиненного работодателю ущерба (тоже год). Здесь вновь законодатель оперирует логикой, потому никакие изменения не требуются.

Однако проблемой можно считать общий срок исковой давности. Причина заключается в том, что на данный момент три года — это чрезмерно незначительная длительность для идентификации ответчика [2, с. 203]. Аргументировать это можно тем, что гражданские правоотношения усложняются вследствие цифровизации. Дополнительно отметим ускорение научно-технического прогресса и скорости заключения договоров между лицами — промедление может привести к чрезмерным

убыткам. В итоге, по объективным причинам лицам приходится убыстрять темп работы, что априори ведет к повышенным рискам. Полагаем, что допустимое решение — это продление общего срока исковой давности минимум в два раза до шести лет. Это позволит вновь улучшить защиту прав лиц. При этом бессрочная возможность защиты собственных прав — это наилучший вариант.

Аргументировать необходимость увеличения сроков исковой давности можно и тем, что происшедшие за последние пятнадцать лет изменения демонстрируют крайнюю нестабильность обстановки в России и мире. Так, с 2014 года Россия дважды приросла новыми территориями, вводились и вводятся масштабные антироссийские санкции, природные, климатические и иные неблагоприятные ситуации регулярно значимо изменяют положение лиц. В этих условиях исковая давность в три года — это незначительный период, так как, например, специальная военная операция длится уже более трех с половиной лет. Данные ситуации не позволяют объективно за этот промежуток времени восстановить нарушенные права.

Неким решением проблемы является формулирование законодателем приостановления течения срока исковой давности (статья 202 ГК РФ), перерыва течения срока исковой давности (статья 203 ГК РФ) и восстановления срока исковой давности (статья 205 ГК РФ) [3, с. 142]. Полагаем, что это относительно решает данную проблему, однако, требуется в большей степени детализировать эти элементы для возможности их наиболее полного применения. Так, например, восстановление срока исковой давности возможно лишь в том случае, когда суд признает причину уважительной. Аспект создает субъективность мнения, в статье 205 выделены лишь три причины, которые можно считать априори уважительными. При этом, если в отношении неграмотности лица дискуссии излишни, то в отношении «тяжелой болезни» они допустимы. Причина вновь состоит в субъективности — для

одних судов болезнь будет тяжелой, другие же могут посчитать ее недостаточно тяжелой. Полагаем, что данные статьи требуют большей детализации и формирования большей объективности.

Еще одна проблема связана со статьей 198 ГК РФ. Согласно ей, стороны не имеют права на установление собственных сроков исковой давности. Можно считать, что такое ограничение неоднозначно. С одной стороны, договорное право требует максимальной свободы, следовательно, требуется разрешить самостоятельно определять такие границы. С другой стороны, решение законодателя можно объяснить желанием защитить так называемую «слабую» сторону в договоре. Это, например, страхователь, который не может значимо подействовать на договор страхования, он зачастую вынужден соглашаться с императивными условиями страховщика. Более того, обязательность некоторых договоров страхования, например, ОСАГО, ведет к их чрезвычайной распространенности. При этом лишь незначительное число граждан имеет достаточный уровень юридической грамотности. В результате, предлагается скорректировать статью так, чтобы свобода договора была увеличена, но не в отношении всех его видов — требуется установить ограничения на свободу установления индивидуальных сроков исковой давности по договорам страхования и некоторым иным их видам.

В заключении констатируем, что в российском законодательстве сформирована достаточно результативная база для института исковой давности. Многие положения установлены четко, справедливо и однозначно. При этом улучшить изучаемый институт можно. Так, было установлено, что допустимо установить большую свободу при самостоятельном исчислении сроков исковой давности по некоторым договорам, требуется либо увеличить общий срок исковой давности до шести лет, либо сделать его во всех или некоторых случаях бессрочным. Реализуя данные нововведения, можно сделать институт исковой давности в гражданском праве более совершенным.

Литература:

1. Кузнецов, В. А. Правопримерный аспект срока давности / В. А. Кузнецов // Всероссийский научный журнал «Вопросы права». — 2025. — № 1. — С. 82–85. — DOI 10.24412/2949-0871-2025-1-82-85.
2. Манукян, А. А. Правовые аспекты срока исковой давности / А. А. Манукян // Судебная система России на современном этапе общественного развития: Сборник научных трудов Всероссийской студенческой научной конференции, Ростов-на-Дону, 06 декабря 2024 года. — Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), 2025. — С. 201–204.
3. Солдатова, М. М. Исковая давность в гражданском праве, материально-правовые и профессионально-правовые аспекты / М. М. Солдатова // Закон и власть. — 2025. — № 3. — С. 140–143.

Проблемы реабилитации осужденных в Российской Федерации

Михсин Валентина Басилевна, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье автор исследует проблематику реабилитации осужденных.

Ключевые слова: реабилитация, общество, поддержка.

Под реабилитацией осужденных в уголовном судопроизводстве Российской Федерации следует понимать восстановление прав и законных интересов лиц, которые были незаконно подвергнуты уголовному преследованию, и возмещение причиненного вреда.

Согласно статье 133 УПК РФ право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. Вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда [1].

Реабилитация осужденных не просто формальное признание ошибки со стороны государства, это комплексная процедура, направленная на минимизацию негативных последствий, вызванных незаконным уголовным преследованием. Она включает в себя восстановление репутации, возмещение материального ущерба, компенсацию морального вреда и, что немаловажно, устранение социальных или психологических последствий пребывания под следствием или в местах лишения свободы.

Реализация уголовной реабилитации на практике сталкивается с различными препятствиями, несмотря на наличие соответствующей законодательной базы. Эти трудности существенно усложняют процедуру восстановления прав и законных интересов граждан, необоснованно подвергшихся уголовному преследованию, и приводят к неполному восстановлению их нарушенных прав и компенсации причиненного вреда. Подобная ситуация актуализирует потребность в углубленном исследовании и оптимизации механизмов реабилитации в России [2].

Одной из наиболее важных проблем в области реализации реабилитации осужденных является слабая проработанность правовых норм, которые регулируют данный процесс. В действующих нормативно-правовых актах не всегда достаточно четко прописаны механизмы и условия для реабилитации осужденных, что приводит к неравномерному применению этих норм на практике.

Также, существует проблема в недостаточном финансировании, которая может сказываться на качестве реабилитационных программ, нехватке ресурсов, не только финансовых, но и человеческих. Недостаток квалифицированных кадров, занимающихся реабилитацией осужденных довольно значительная проблема в данной сфере. Многие работники системы пенитенциарного контроля не обладают необходимыми знаниями и навыками

для эффективного выполнения своих обязанностей, это приводит к несоответствию потребностей осужденных в сфере реабилитации и предоставляемой помощи [3]. Для решения данной проблемы необходимо комплексное воздействие на систему подготовки, повышения квалификации кадров правоохранительных органов, а также специалистов в сфере исполнения наказаний.

Следующей, немаловажной проблемой в реабилитации осужденных является общественная нетерпимость. Общество довольно часто предвзято и негативно относится к осужденным даже, в случае необоснованного осуждения, это затрудняет их интеграцию в социум. Предвзятость может выражаться не только в личной неприязни, но и в отказе от найма. Многие осужденные также лишены и поддержки со стороны семьи и друзей, что приводит к обостренному чувству одиночества и усложняет процесс реабилитации. Психологические аспекты, такие как депрессия, изоляция и упоминаемое ранее одиночество также могут считаться одной из основных преград на пути к реализации успешной реабилитации [4]. Без должной и активной поддержки со стороны государства и общества осужденные часто подвергаются социальной изоляции, что может повлечь за собой рецидив преступления.

Следующей проблемой можно назвать краткосрочность программ реабилитации. Недостаточно длительный курс реабилитации осужденных не позволяет в достаточной мере изменить свои установки и поведение, переосмыслить жизненные ценности, избавиться от негативных привычек. Часто реабилитационные программы затрагивают формальные аспекты, такие как прохождение курсов, получение сертификатов по освоенной деятельности, но в меньшей мере сосредоточены на социальных и психологических проблемах, с которыми сталкиваются осужденные [5]. После завершения программы реабилитации осужденные часто оказываются без необходимой поддержки, участие в программах реабилитации не заканчивается освобождением человека, но в большинстве случаев поддержка прерывается после выхода на свободу, что не является нормой, так как именно после освобождения у человека возникает все больше проблем в обществе, трудоустройстве, адаптации к новым жизненным условиям.

Для повышения эффективности реабилитационных программ необходимо предпринять ряд шагов, таких, как: обновление законодательства в сфере реабилитации для акцентирования на практическом применении механизмов реализации. Следует увеличить финансирование программ реабилитации, что позволит обеспечить

более высокое качество обучения и психологическую поддержку. Также, важно развивать программы по обучению и повышению квалификации специалистов в области реабилитации, это позволит обеспечить более качественную и адекватную помощь осужденным. Подход к реабилитации осужденных должен быть более долгосрочным и всеобъемлющим, учитывать конкретные потребности и условия жизни каждого человека, а также предусматривать кадровую и материальную поддержку.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // СПС КонсультантПлюс.
2. Вразовская Раиса Владимировна Некоторые проблемные вопросы реабилитации в уголовном судопроизводстве России // Образование и право. 2019. — № 11. — С.214–219.
3. Хузина, Н. А. Финансовое обеспечение реабилитации осужденных в РФ / Н. А. Хузина, А. В. Брякина. — Текст: непосредственный // сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 26 частях. Том Часть 1.. — Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2013. — С. 147–148.
4. Заторов, Э. В. Вопросы социальной реабилитации осужденных пожизненного лишения свободы. / Э. В. Заторов. — Текст: непосредственный // Вопросы педагогики. — 2019. — № 3. — С. 106–108.
5. Чигринцев, Е. А. Социальная адаптация осужденных и реабилитационных лиц, освобожденных из мест лишения свободы нас временном этапе. / Е. А. Чигринцев. — Текст: непосредственный // Аграрное и земельное право. — 2019. — № 4. — С. 128–131.

Проблемы реализации реабилитации в Российской Федерации требуют комплексного подхода для их решения. Улучшение правового регулирования, повышение качества образовательных программ, психологической помощи — это ключевые факторы, которые способствуют успешной реабилитации и интеграции осужденных в общество. Ответственное отношение государства и общества к данной проблеме может существенно изменить ситуацию и предостеречь осужденного от рецидива.

Понятие и значение реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации

Михсин Валентина Басилевна, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье автор исследует понятие и значение реабилитации.

Ключевые слова: реабилитация, понятие, судопроизводство.

Защита прав и свобод человека и гражданина является конституционной обязанностью государства. Статья 53 Конституции Российской Федерации конкретизирует эту обязанность, устанавливая право каждого на возмещение государством вреда, возникшего в результате незаконных действий или бездействия органов государственной власти и их должностных лиц [1]. Эта правовая норма имеет определяющее значение для эффективной реализации института реабилитации в уголовном судопроизводстве.

Глава 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, принятая 18 декабря 2001 года, закрепляет основные положения реабилитации: ключевые элементы, дающие право на реабилитацию, процедуры признания данного права и, наконец, механизмы возмещения вреда реабилитированному лицу.

Институт реабилитации является важнейшим инструментом обеспечения конституционных прав лица, в отно-

шении которого осуществлялось незаконное уголовное преследование. Согласно пункту 34 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, реабилитация представляет собой процесс восстановления прав и свобод, нарушенных в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования, а также возмещения причиненного вреда [2].

Реабилитация, по определению Рогачева С. А., — это государственное признание, облеченное в форму процессуального решения компетентного должностного лица, будь то судья, следователь или дознаватель, о бесосновательности и незаконности ранее вынесенного обвинительного приговора, обеспечивающее незаконно осужденному право на возмещение причиненного вреда [3]. Существует и более лаконичное определение реабилитации, предложенное И. Л. Петрухиным: реабилитация — это возмещение вреда невиновному, пострадавшему от необоснованного уголовного преследования и осуждения [4].

Ранее нормативно-правовые акты содержали нормы о возмещении вреда и восстановление человека в правах, которые были нарушены государством. В контексте данного положения, реабилитация рассматривается как комплекс мероприятий, направленных на восстановление утраченных социальных, трудовых, психологических функций, на социальную и профессиональную адаптацию, повышение качества жизни, укрепление независимости и возвращение к прежней жизни. Таким образом, реабилитация представляет собой систематизированный процесс восстановления нормальной жизнедеятельности, социальных, психологических, жилищных прав, обеспечение активного участия в общественной жизни и профессиональной деятельности.

Таким образом, изучив некоторые подходы к понятию реабилитации, можно сделать вывод, что реабилитация в уголовном судопроизводстве — это восстановление лица, которое было подвержено незаконному или необоснованному уголовному преследованию, в его правах, социальных, физических и трудовых функциях и возмещение причиненного ему вреда в результате уголовного преследования. Сущность реабилитации заключается в принятии решения о снятии с лица выдвинутого обвинения и помощь в восстановлении нарушенных прав.

Эффективный механизм реабилитации стимулирует государственные органы к повышению профессиональных стандартов и ответственности должностных лиц. Необходимы также и усовершенствования в некоторых аспектах реабилитации, например, четкие критерии

и стандарты для признания реабилитации, единообразие подходов в судах, минимальные сроки рассмотрения. Немаловажно и обеспечение психологической поддержки, необходимо создать государственные центры бесплатной психологической помощи, программы восстановления на рынке труда, обеспечение своевременной компенсации, восстановление трудоспособности реабилитируемого, и помощь в восстановлении утраченной репутации.

Несовершенная система реабилитации способна привести к новым преступлениям. Человек, претерпевший моральные страдания и материальные потери и не получивший должной поддержки для возвращения к полноценной жизни, рискует оказаться в неблагоприятной ситуации, лишенный законных средств к существованию, вследствие чего возрастает риск рецидива.

Реабилитация является не только средством защиты прав и законных интересов граждан, но и важным фактором укрепления законности и правопорядка в целом. Эффективно функционирующий институт реабилитации способствует повышению доверия граждан к правоохранительным органам и судам, укреплению веры в справедливость. Кроме того, реабилитация служит важным инструментом профилактики незаконного уголовного преследования, поскольку оказывает сдерживающее влияние на должностных лиц, принимающих решение о возбуждении уголовных дел и применении мер процессуального принуждения. Таким образом, реабилитация является неотъемлемой частью правового государства, ориентированного на защиту прав и свобод личности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Рогачев С. А. Субъекты правоотношения по реабилитации в уголовном процессе // Человек: преступление и наказание. 2009. № 2. 117 с.
4. Петрухин И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию: моногр. М., 2009. С. 124.

Основания и условия привлечения к семейно-правовой ответственности

Монгуш Айшет Орлановна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена комплексному исследованию оснований и условий привлечения к семейно-правовой ответственности. Автор детально рассматривает понятие и правовую природу семейно-правовой ответственности, анализируя различные научные подходы к ее пониманию и аргументируя ее статус как самостоятельного вида юридической ответственности. Основное внимание в работе уделяется анализу семейного правонарушения как единственного основания для наступления ответственности. В статье подробно разбираются элементы состава правонарушения: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона. Особое внимание уделяется ключевым условиям, необходимым для привлечения к ответственности, таким как противоправность деяния и вина правонарушителя. Раскрывается специфика данных элементов в контексте личных и имущественных семейных отношений.

Ключевые слова: семейно-правовая ответственность, основания ответственности, условия привлечения, семейное правонарушение, вина в семейном праве, меры ответственности, ограничение семейных прав.

Институт семьи, материнства, отцовства и детства в Российской Федерации находится под защитой государства, что закреплено в статье 38 Конституции РФ. Семейное законодательство, в свою очередь, направлено на укрепление семьи, построение семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов. Одним из ключевых механизмов, обеспечивающих должное функционирование семейных правоотношений и защиту прав их участников, является институт семейно-правовой ответственности. Несмотря на его практическую значимость, в правовой науке до сих пор ведутся дискуссии относительно его правовой природы, а вопросы, связанные с основаниями и условиями привлечения к данному виду ответственности, требуют глубокого и всестороннего анализа. Положение усугубляется отсутствием в законодательстве легального определения понятия «семейно-правовая ответственность», что порождает теоретические споры и создает определенные трудности в правоприменительной практике [2, с. 138].

Центральным вопросом в доктрине семейного права является проблема самостоятельности семейно-правовой ответственности как вида юридической ответственности. Ряд ученых, например, С. П. Гришаев и А. Н. Копцев, придерживаются мнения о том, что самостоятельной семейно-правовой ответственности не существует, поскольку к нарушителям семейного законодательства применяются нормы гражданского, административного или уголовного права [3, с. 182].

Однако все большее число исследователей отстаивают позицию о ее самостоятельном характере. Так, Ю. Ф. Беспалов определяет семейно-правовую ответственность как «совокупность личных имущественных и неимущественных мер принуждения, которые ограничивают либо лишают отдельных семейных прав, возлагают дополнительные обязанности, предусмотренные в семейном либо гражданском законодательстве, применяемые судом либо иными уполномоченными на то органами к совершившим семейное правонарушение лицам» [3, с. 182].

В пользу самостоятельности данного вида ответственности свидетельствует наличие специфических мер воздействия, присущих только семейному праву (лишение родительских прав, ограничение родительских прав, отмена усыновления), особого субъектного состава (участники семейных правоотношений), а также специфический характер самих правоотношений, основанных на личных доверительных связях. Как справедливо отмечают Д. В. Ананина и Н. В. Данилова, применение семейно-правовой ответственности строго регламентировано нормами права, реализуется через властные полномочия специфических субъектов и влечет за собой отрицательные последствия в виде лишений [4, с. 116]. Таким об-

разом, семейно-правовая ответственность обладает всеми необходимыми признаками для выделения ее в качестве самостоятельного вида юридической ответственности [5, с. 10].

Для привлечения лица к любому виду юридической ответственности необходимо наличие определенных юридических фактов, которые в теории права принято разделять на основания и условия. Разграничение этих понятий имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение, поскольку позволяет точно определить обстоятельства, подлежащие установлению по каждому конкретному делу. Основанием наступления семейно-правовой ответственности является совершение семейного правонарушения. Под условиями же понимаются сформулированные законодателем требования для ее применения, которые могут быть общими (обязательными) и специальными (факультативными).

Единственным основанием привлечения к семейно-правовой ответственности выступает семейное правонарушение. В научной литературе состав правонарушения традиционно раскрывается через совокупность четырех элементов: объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны. Отсутствие хотя бы одного из этих элементов исключает наличие полного состава, а следовательно, и законного основания для привлечения лица к ответственности.

Объектом семейного правонарушения являются охраняемые законом общественные отношения, складывающиеся в сфере семьи, то есть права и законные интересы участников семейных правоотношений. Это могут быть как личные неимущественные права (право ребенка на воспитание своими родителями, право на общение с родственниками), так и имущественные права (право на получение содержания). Например, при уклонении родителей от уплаты алиментов объектом правонарушения выступает право ребенка на получение содержания от своих родителей, закрепленное в ст. 60 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) [6].

Объективная сторона семейного правонарушения характеризуется противоправным деянием (действием или бездействием) субъекта семейного правоотношения. Противоправность заключается в нарушении норм семейного законодательства или условий заключенного между членами семьи договора (например, брачного договора или соглашения об уплате алиментов). Составы семейных правонарушений можно классифицировать на формальные и материальные. Для формальных составов достаточно самого факта совершения противоправного деяния. Примером может служить уклонение родителей от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей (ст. 69 СК РФ). Для материальных составов необходимо наступление вредных последствий и наличие причинно-след-

ственной связи между противоправным деянием и наступившими последствиями. Так, согласно п. 2 ст. 115 СК РФ, при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты, с него могут быть взысканы не только неустойка, но и убытки, причиненные просрочкой исполнения алиментных обязательств. В данном случае необходимо доказать не только факт просрочки, но и наличие убытков, а также причинную связь между ними.

Субъектами семейно-правовой ответственности могут быть только участники семейных правоотношений, наделенные семейной дееспособностью и деликтоспособностью. К ним относятся супруги (в том числе бывшие), родители (усыновители), дети, а также другие члены семьи в случаях, прямо предусмотренных законом (дедушки, бабушки, братья, сестры и т. д.). Важной особенностью является то, что субъектами ответственности могут быть не только совершеннолетние дееспособные лица. Например, несовершеннолетние родители, хотя и обладают родительскими правами, также несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей.

Субъективная сторона семейного правонарушения характеризуется виной, то есть психическим отношением лица к своему противоправному поведению и его последствиям. Именно вина является ключевым элементом, позволяющим отграничить меры ответственности от мер защиты. Как отмечает А. А. Кравченко, если суды учитывают вину при назначении той или иной меры, это мера ответственности; если необходимости в установлении вины нет — это мера защиты [7, с. 98–99]. В семейном праве ответственность наступает, как правило, только при наличии вины правонарушителя, которая может выражаться в форме умысла или неосторожности. Например, лишение родительских прав возможно только при виновном поведении родителей (умышленном уклонении от выполнения родительских обязанностей, жестоком обращении с детьми и т. д.). В то же время ограничение родительских прав возможно и при отсутствии вины родителя — если оставление с ним ребенка опасно по обстоятельствам, от него не зависящим (психическое расстройство, тяжелое заболевание и т. п.). В последнем случае ограничение прав будет выступать не мерой ответственности, а мерой защиты прав ребенка.

Помимо наличия основания (состава правонарушения), для привлечения к семейно-правовой ответственности необходимо установить ряд условий. О. С. Турусова дифференцирует условия на общие (обязательные) и специальные (факультативные). К общим условиям относятся противоправность поведения и вина правонарушителя, а к специальным — вред и причинная связь между противоправным поведением и наступившим вредом.

Противоправность поведения является обязательным условием наступления ответственности. Она выражается в нарушении конкретных норм семейного законодательства. Например, ст. 63 СК РФ обязывает родителей воспитывать своих детей и заботиться об их развитии. Соответ-

ственно, любое действие или бездействие, идущее вразрез с этой нормой, будет противоправным. Родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, несут ответственность в установленном законом порядке, как указано в ст. 65 СК РФ. Противоправность может заключаться не только в нарушении императивных норм, но и в злоупотреблении правом.

Вина выступает вторым обязательным условием для большинства мер семейно-правовой ответственности. Безвиновная ответственность для семейного права не характерна, в отличие, например, от гражданско-правовой. Это связано с лично-доверительным характером семейных отношений. Применение санкций возможно только тогда, когда субъект осознавал или должен был осознавать противоправность своего поведения. Например, при рассмотрении дел о лишении родительских прав суд должен установить, что неисполнение родительских обязанностей было виновным, а не вызвано уважительными причинами (тяжелой болезнью, стечением тяжелых обстоятельств и т. п.). Так, в одном из дел, рассмотренных Тюменским областным судом, судебная коллегия приняла во внимание, что родитель не мог исполнять свои обязанности из-за наличия у него заболевания ВИЧ, что исключало вину и, соответственно, применение такой крайней меры, как лишение родительских прав.

Наличие вреда и причинно-следственной связи являются условиями для привлечения к ответственности за правонарушения с материальным составом. Вред в семейном праве может быть как имущественным (например, убытки, вызванные просрочкой уплаты алиментов), так и неимущественным (моральный вред). Например, при лишении родительских прав очевидно причинение морального вреда ребенку. Хотя взыскание компенсации морального вреда не является типичной мерой семейно-правовой ответственности, некоторые ученые считают, что эта мера должна играть более активную роль в защите личных неимущественных отношений в семье [8, с. 20].

Подводя итог, следует заключить, что привлечение к семейно-правовой ответственности возможно лишь при наличии строго определенных оснований и условий. Единственным основанием является совершение семейного правонарушения, то есть виновного противоправного деяния, посягающего на охраняемые законом семейные отношения. Обязательными условиями для применения мер ответственности выступают противоправность поведения и вина нарушителя. Для отдельных составов правонарушений дополнительными условиями являются наличие вреда и причинно-следственной связи. Четкое разграничение понятий «основание» и «условия» ответственности, а также глубокое понимание содержания каждого элемента состава семейного правонарушения являются залогом правильной квалификации деяний и применения адекватных мер воздействия, что, в свою очередь, способствует эффективной защите прав и законных интересов всех членов семьи и укреплению семейных ценностей в обществе.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 1993.
2. Мазанаева, А. Ю. Понятие и правовая природа семейно-правовой ответственности / А. Ю. Мазанаева, С. А. Сулейманова // Закон и право. — 2025. — № 4. — С. 138–141.
3. Сидорова, Е. Ю. Правовое регулирование и сущность семейно-правовой ответственности родителей за неисполнение или ненадлежащее исполнение родительских обязанностей / Е. Ю. Сидорова // Colloquium-Journal. — 2019. — № 16–7(40). — С. 182–183.
4. Ананина, Д. В. Семейно-правовая ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности / Д. В. Ананина, Н. В. Данилова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2019. — № 3. — С. 113–118.
5. Турусова, О. С. Семейно-правовая ответственность в Российской Федерации и зарубежных государствах: автореферат диссертации... кандидата юридических наук / Турусова Ольга Сергеевна. — Москва, 2011. — 30 с.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
7. Кравченко, А. А. Соотношение мер защиты и мер ответственности как способов защиты субъективных гражданских прав / А. А. Кравченко // Российский юридический журнал. — 2015. — № 2(101). — С. 94–104.
8. Албегов, А. О. Функции семейно-правовой ответственности / А. О. Албегов, А. В. Хевсаков // Актуальные проблемы права: Сборник научных статей магистрантов / Под редакцией Б. Г. Койбаева. Том Выпуск 4. — Владикавказ: Издательство «Трек», 2019. — С. 18–24.

Вина как условие гражданско-правовой ответственности: теоретические основы и практические аспекты

Мушкевич Екатерина Сергеевна, студент
Московский университет «Синергия»

В статье рассматриваются теоретические основы понятия вины как ключевого условия гражданско-правовой ответственности, анализируются современные подходы к ее определению и классификации, а также освещаются практические проблемы её применения в правоприменительной деятельности. Особое внимание уделяется актуальности адаптации концепции вины к современным условиям гражданского оборота, включая цифровую трансформацию и новые формы правонарушений.

Ключевые слова: вина, гражданско-правовая ответственность, ответственность, ответственность юридических лиц, формы вины, правонарушение, субъективные условия ответственности.

Гражданское право как основной институт защиты гражданских прав и интересов базируется на принципах справедливости, добросовестности и ответственности. Одним из фундаментальных элементов ответственности является наличие вины — субъективной основы, которая определяет наличие причинно-следственной связи между поведением правонарушителя и наступившими последствиями. Вина выступает условием, без которого гражданско-правовая ответственность не может наступить, что делает её предметом постоянных научных исследований и практических дискуссий.

Актуальность темы обусловлена современными вызовами: усложнением гражданских правоотношений, развитием цифровых технологий, появлением новых видов правонарушений, требующих переосмысления традиционных подходов к понятию вины. В связи с этим необ-

ходимо не только уточнить теоретические основы этого института, но и найти практические механизмы его эффективного применения в современных условиях. В гражданском праве вина — это субъективное отношение лица к совершённому правонарушению, выражающееся в осознанном и добровольном нарушении обязательств или прав других участников гражданского оборота. Согласно статье 1064 Гражданского кодекса РФ, ответственность за причинение убытков наступает при наличии вины лица, что подчеркивает её ключевую роль. Наиболее распространенные виды вины — умысел и неосторожность. Умысел характеризуется сознательным желанием или допущением противоправных последствий, а неосторожность — нарушением правил и стандартов поведения без полного осознания возможных последствий. В научной литературе широко распространены основные

классификации видов вины, в число которых входят умысел и неосторожность, а также их разновидности — легкомыслие и небрежность. Степень и характер вины напрямую влияют на уровень ответственности лица, а также на размеры возможных компенсаций и применяемых санкций. Вина занимает центральное место среди условий гражданско-правовой ответственности, наряду с противоправностью и причинением вреда. Отсутствие вины исключает ответственность, что закреплено в ряде нормативных актов и судебных решений.

Современные ученые подчеркивают необходимость дифференциации видов и форм вины для более точного применения правовых норм. Например, в случае ответственности юридических лиц встает вопрос о степени их осознанности и вине, что требует специальных критериев оценки. В судебной практике возникают ситуации, связанные с установлением наличия или отсутствия вины, а также с определением степени ответственности. Например, при нарушениях в цифровой среде или при ответственности за действия сотрудников юридического лица суды сталкиваются с недостаточной разработанностью критериев оценки субъективных факторов. Развитие технологий, особенно сферы информационных технологий и кибербезопасности, создает новые правовые ситуации, требующие переосмысления концепции вины. Например, в случае киберпреступлений возникает вопрос: насколько лицо осознает последствия своих действий, и как это учитывать при определении вины.

Эффективное определение и оценка вины позволяют суду применять справедливые меры ответственности,

обеспечивают баланс интересов сторон и способствуют укреплению правового порядка. Недостаточная четкость критериев оценки вины ведет к ошибкам и несправедливости в правоприменении. Для повышения эффективности работы системы гражданско-правовой ответственности необходимо разрабатывать стандарты и методики оценки вины, учитывать новые виды правонарушений и форм ответственности. Важным направлением является внедрение информационных технологий для автоматизированного анализа обстоятельств, связанных с виной.

Обоснование актуальности темы «Вина как условие ответственности в гражданском праве» определяется её ключевой ролью в системе гражданского законодательства и правоприменительной практики. В условиях динамичного развития современного общества, характеризующегося быстрыми технологическими инновациями, усложнением гражданских правоотношений и появлением новых видов правонарушений, необходимость более глубокого и всестороннего понимания и оценки вины приобретает особую значимость. Исследование данного института и его практическое применение способствуют формированию справедливых, предсказуемых и эффективных механизмов гражданско-правовой ответственности, что, в свою очередь, укрепляет доверие граждан и участников правоотношений к правовой системе. Кроме того, развитие теоретических подходов к определению и оценке вины способствует совершенствованию правового регулирования, повышению уровня правовой культуры и способствует развитию гражданского общества в целом.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изменениями 2019–2023 гг.)
2. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ
3. Актуальные проблемы гражданского права: учебник для магистратуры: [16+] / С. Ю. Филиппова, В. В. Кулаков, А. Е. Кирпичев [и др.]; 2019. — 445 с. — Режим доступа: по подписке. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=496083>
4. Основы гражданского права: учебник / Р. А. Курбанов, Т. М. Аникеева, Т. А. Батрова [и др.]; под науч. ред. Р. А. Курбанова, Т. В. Дерюгиной; под общ. ред. Н. Д. Эриашвили, О. А. Рузаковой. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юнити-Дана: Закон и право, 2023. — 480 с. — Режим доступа: по подписке. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=712711>
5. Актуальные проблемы гражданского права: учебное пособие: [16+] / А. А. Кравченко, И. В. Ушанков, И. А. Данилов, Н. В. Зайцева; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт государственной службы и управления, Высшая школа правоведения, Кафедра правового обеспечения рыночной экономики. — Москва: Статут, 2023. — 82 с. — Режим доступа: по подписке. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=720824>
6. Разуваев, Н. В. Римское частное право: история и система: учебник: [16+] / Н. В. Разуваев. — Москва: Директ-Медиа, 2025. — 396 с. — Режим доступа: по подписке. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=719544>

Проблемные аспекты условного осуждения

Павлова Татьяна Борисовна, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет

Настоящее исследование посвящено комплексному изучению проблемных аспектов условного осуждения. В статье дано подробное толкование самого понятия «условное осуждение». Также изложена сущность организации и проведения профилактической работы в отношении условно осужденных. В заключение исследования автор даёт рекомендации по совершенствованию системы института условного осуждения.

Ключевые слова: проблемные аспекты, условное осуждение, испытательный срок, уголовно-исполнительная инспекция.

Problem aspects of probable sentence

This study is devoted to a comprehensive examination of the problematic aspects of probation. The article provides a detailed definition of the concept of «probation». It also outlines the organization and implementation of preventive work for those on probation. In conclusion, the author provides recommendations for improving the probation system.

Keywords: problematic aspects, suspended sentence, probation period, criminal executive inspection.

На данный момент институт условного осуждения широко применим в судебной практике. Данный факт основан на том, что российская система правосудия вступила на путь гуманизма, постепенно уменьшая количество лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Ценность условного осуждения заключается в том, что такая форма наказания позволяет осужденному пройти путь исправления без изоляции от общества. Однако при этом, по данным ФСИН РФ, в период испытательного срока повторно совершают преступления 3–4 % условно осужденных. Всего же среди лиц, допускающих рецидив преступлений, доля условно осужденных составляет порядка 6 % [2].

Исследовательская тема проблемных аспектов условного осуждения нашла своё отражение в числе широкого круга исследований в области юридической науки. И во всех научных изысканиях изложена своя исследовательская позиция относительно определения самого понятия.

В исследованиях Ю. Р. Ивановой говорится о том, что «по своей правовой природе, условное освобождение является специфической формой условного освобождения от реального исполнения назначенного наказания [1]. С учётом этого предлагаем рассматривать условное осуждение в качестве формы исполнения назначенной уголовной ответственности, которая параллельно выступает самостоятельной уголовно-правовой мерой. С такой же научной мыслью соглашается А. И. Колосова, которая делает исследовательский акцент на следующем изречении: «начиная с советского периода и по сегодняшний день распространён подход, согласно которому условное осуждение считается видом освобождения от наказания» [3]. В обоих определениях отражается смысловая сущность, которая отображает проблемность в самом процессуальном содержании условного осуждения как полного снятия ответственности за совершенное деяние и аннулировании его перед всеми сторонами процесса, а также совестью.

Несмотря на столь радикальную позицию исследователей, условное осуждение считается законной мерой наказания и приравнивается к категории наказаний, замещающих реальное лишение свободы. Именно этот момент реализуется в функционирующей сегодня модели института условного осуждения, действующей в рамках ст. 73 УК РФ, синтезируя основные характеристики, предусмотренные в УК РСФСР 1960.

На практике же условное осуждение представляет собой реальный срок, но заключение под стражу не применяется, если осужденный не совершит повторного преступления за указанный судом период времени. При этом проблемным вопросом является ответственность осужденного выполнять требования, вне зависимости от того, назначено ли ему наказание условно, либо решение суда отсрочено.

Именно поэтому, с реальной точки зрения, условное осуждение может относиться к категории профилактических мер, а не карательных, как могло бы рассматриваться в ситуации заключения под стражу и лишения свободы. Отметим, что, в связи с этим норму, посвящённую условному осуждению, размещённой в разделе «Назначение наказания», следует перенести в раздел «Виды наказания», для более верного её толкования, как в теории, так и в исполнительной практике.

На практике условное осуждение приравнивается к условному освобождению. Предполагаем и допускаем, что сущность условного осуждения может являться и пониматься как профилактическая мера, но заменяться по содержанию реальному лишению свободы — не должно.

Следующая проблема связана с тем, что на практике условное осуждение чаще всего ограничивается запретом покидать место жительства, что носит уведомительный характер. Считаем данную меру недостаточной. Как правило, оптимальным сроком условного осуждения является пять лет. За этот период у осужденного есть достаточно времени для того, чтобы осознать совершённые

ошибки и пройти путь исправления. В этом случае уведомление о запрете покидать место жительства ограничивает социализирующий эффект исправительного процесса и может привести к рецидиву.

Именно поэтому считаем необходимым искать новые способы предотвращения рецидивов, в частности в отношении несовершеннолетних, которые чаще всего подвергаются второму условному осуждению и, поэтому, первый считают оставшимся без наказания. Так, исправительная работа с условно осужденными в течение испытательного срока должна вестись с постоянными запросами характеристик в адрес осужденного с целью мониторинга его исправления.

Собранные материалы могут стать основанием для того, чтобы смягчить или ужесточить условное осуждение. В обязательном порядке суд рассматривает все материалы и принимает соответствующее справедливое решение в части негативных или позитивных изменений в части наказания осужденного.

Таким образом, осуществив краткий анализ проблемных аспектов уголовного осуждения, можем сделать следующие выводы.

Условное осуждение выступает как специфическая форма условного освобождения от фактического отбывания наказания, рассматриваемая как самостоятельная мера уголовно-правового значения, чем обусловлена ее амбивалентность [5]. Условное освобождение является одним из видов наказаний и, как следствие, коррелируется с понятием «лишение свободы».

Институт условного осуждения активно используется в современной судебной практике России, отражая тенденцию к гуманизации системы правосудия, что свидетельствует о важности дальнейшего изучения эффективности данной меры. Практическое применение условного осуждения требует улучшения контроля над поведением осужденных, особенно в отношении соблюдения требований испытательного срока, что снижает риск рецидива.

Литература:

1. Иванова, Ю. Р. К вопросу о сущности условного осуждения в современной действительности / Ю. Р. Иванова // Научный аспект. — 2024. — Т. 11, № 1. — С. 1416–1421.
2. Карпов, К. Н. Содержание правоограничений, применяемых при условном осуждении / К. Н. Карпов // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Материалы XXVII международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Красноярск, 04–05 апреля 2024 года. — Красноярск: Сибирский юридический институт МВД РФ, 2024. — С. 146–148.
3. Колосова, А. И. Правовая природа условного осуждения и его место в системе мер уголовной ответственности / А. И. Колосова // Оригинальные исследования. — 2022. — Т. 12, № 9. — С. 36–40.
4. Павлова, А. А. Проблемные аспекты законодательной регламентации условного осуждения / А. А. Павлова // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 12(216). — С. 275–276.
5. Юрова, Ю. В. Проблемные вопросы организации контроля за условно осужденными / Ю. В. Юрова, А. Е. Зайцева // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. — 2023. — № 2(36). — С. 46–50.

Современные подходы к определению сущности условного осуждения

Павлова Татьяна Борисовна, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет

В статье рассматриваются проблемы и современные подходы к определению сущности условного осуждения в системе уголовно-правовых норм. Автор приводит основания разграничивающие институты условного осуждения и наказания, обосновывает необходимость выделения условного осуждения в самостоятельный институт. Автором приведены доводы, в соответствии с которыми условное осуждение — это специфическая форма реализации уголовной ответственности, содержащая в себе как наказание, так и меры уголовно-правового характера. Также, обоснована позиция, согласно которой возможно рассматривать условное осуждения в качестве иного основания освобождения от отбывания наказания.

Ключевые слова: уголовная ответственность, условное осуждение, наказание, меры уголовно-правового характера, иные основания освобождения от отбывания наказания.

Modern approaches to defining the essence of probation

This article examines the problems and modern approaches to defining the nature of probation in the criminal law system. The author presents the grounds for distinguishing between probation and punishment and substantiates the need to establish probation

as a separate institution. The author argues that probation is a specific form of criminal liability, combining both punishment and criminal law measures. The author also substantiates the position that probation can be considered as another basis for release from punishment.

Keywords: *criminal liability, probation, punishment, criminal law measures, other grounds for release from punishment.*

В настоящее время прослеживается отсутствие единого подхода к определению сущности и правовой природы условного осуждения, что негативно сказывается на эффективности его применения при постановлении обвинительного приговора. Наличие дискуссий объясняется в том числе, но не ограничиваясь, неоднозначным подходом законодателя к определению места института условного осуждения в системе уголовно-правовых норм.

Нормы, определяющие порядок применения условного осуждения расположены в Разделе III Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее — УК РФ) — Наказание, Главе 10 УК РФ — Назначение наказания, отсюда, они отнесены законодателем к составным элементам института наказания. Одновременно, содержание условного осуждения не позволяет отнести его к видам наказания, поскольку его назначение преследует иные цели. Об этом свидетельствует нижеследующее.

Из смысла ч. 2 ст. 2 УК РФ усматривается, что для реализации целей, стоящих перед уголовным законом, нормами последнего определены наказания и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Сущность наказания, исходя из ч. 1 ст. 43 УК РФ, выражается в применении к виновному лишений или ограничений его прав и свобод, определенных конкретной санкцией за совершение того или иного преступления (принцип: *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе)). Что касается условного осуждения, то его сущность сводится законодателем к предоставлению осужденному возможности исправиться без ограничения его прав и свобод, при условии соблюдения установленных судом обязательств в рамках испытательного срока. Прослеживается, что несмотря на общую цель — восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений, сущности условного осуждения и наказания не коррелируют между собой, а значит их отождествление недопустимо.

О том, что условное осуждение не является видом наказания, свидетельствует содержание Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (далее — ПП ВС РФ от 22.12.2015 № 58) [3], где определено, что испытательный срок, устанавливаемый при условном осуждении, не является наказанием. Условное осуждение выражается в назначении судом испытательного срока, в течение которого осужденный своим поведением должен доказать исправление, в противном случае рассматривается вопрос об отмене условного осуждения и исполнении назначенного наказания по приговору. Отсюда, выполнение

обязанностей осужденным в течение назначенного испытательного срока в рамках условного осуждения, не идентично с исполнением последним наказания, что еще раз указывает на отличную правовую природу условного осуждения и наказания.

В настоящее время ведутся споры относительно соотношения мер уголовно-правового характера и уголовной ответственности. Ввиду того, что условное осуждение относится к мерам уголовно-правового характера требуется определить его корреляцию с уголовной ответственностью. Не вдаваясь в дискуссии об определении правовой природы уголовной ответственности, согласимся с позицией М. К. Нуркаева, определяющего, что уголовная ответственность — это вид юридической ответственности, выражающийся в обязанности лица, совершившего преступлений, претерпеть меры государственного принуждения, определенные, в соответствии с уголовным законом, наказанием и мерами уголовно-правового характера [5]. Отсюда, возможно констатировать, что условное осуждение выступает в качестве формы реализации уголовной ответственности. Одновременно, исходя из специфики условного осуждения, предполагающей назначение как реального наказания, так и испытательного срока, в течение которого осужденному представляется возможность доказать свое исправление посредством исполнения возложенных обязанностей, возникает вопрос о юридической природе испытательного срока и соотношении его с уголовной ответственностью. Ю. Е. Пудовочкин указывает, что: «обязанности, возлагаемые на осужденного в течение испытательного срока, есть самостоятельная мера уголовно-правового характера, которая выступает альтернативным наказанию средством уголовной ответственности» [6, с. 465].

Резюмируя, условное осуждение — это форма реализации уголовной ответственности, при которой суд признает лицо виновным в совершении преступления, назначает ему соответствующее наказание, признаваемое условным. Наказание является непосредственной формой реализации уголовной ответственности. Условность наказания предполагает установление испытательного срока, в течение которого осужденный обязан своим поведением, выраженным помимо прочего в исполнении возложенных судом обязательств, доказать свое исправление. Обязательства (испытания), возложенные судом, представляют собой самостоятельную форму реализации уголовной ответственности, их сущность определяется в качестве иных мер уголовно-правового характера. Тот факт, что условное осуждение является формой реализации уголовной ответственности подтверждается судебной практикой, так, Конституционный Суд Российской Федерации в Определении

от 28.09.2021 № 2080-О, указал, что: «специфика правовой природы условного осуждения заключается в том, что оно выступает в качестве самостоятельной формы реализации уголовной ответственности» [7].

Говоря о подходах к определению сущности условного осуждения, среди исследователей (например, Ю. А. Кашуба; А. А. Соколов; М. Н. Марченко) все чаще высказывается позиция, что оно относится к иным основаниям освобождения от отбывания наказания. Исходя из положений ст. 172 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [2] (далее — УИК РФ) к основаниям освобождения от отбывания наказания относятся иные основания, предусмотренные законом, одновременно, законодатель не именует их, что позволяет расширено толковать рассматриваемую уголовно-правовую норму. Исходя из формулировки ч. 1 ст. 73 УК РФ усматривается, что условное осуждение — это предоставление осужденному возможности исправиться без реального отбывания наказания. Согласимся с позицией Ю. А. Кашубы, который определяя условное осуждение как специфический вид освобождения от фактического отбывания наказания, указывает, что: условное осуждение — это условное неприменение наказания, которое следует относить к иным основаниям от отбывания наказания [4, с. 93].

По результатам проведенного исследования определено, что условное осуждение выступает в качестве самостоятельной формы реализации уголовной ответственности. Суд, при вынесении обвинительного приговора с назначением наказания условно, определяет осужденному вид и размер реального наказания, предусмотренного санкцией инкриминируемого преступления, и устанавливает обязанности, которые должны им исполняться в течение испытательного срока. Думается, что с целью определения сущности условного осуждения целесообразно установить легальное определение обязанностей (испытания) при условном осуждении как меры уголовно-правового характера, а значит, разграничения в рамках условного осуждения двух самостоятельных категорий — реального наказания и мер уголовно-правового характера.

Также согласимся, что специфика условного осуждения позволяет рассматривать его как один из видов освобождения от фактического отбывания наказания. Устанавливая испытательный срок и возлагая на осужденного обязанности (испытания) суд тем самым освобождает последнего от отбытия наказания реально. Это еще раз подтверждает особенность условного осуждения и необходимость отграничения его от института наказания.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ// СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.09.2025).
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 года № 1-ФЗ// СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/32078d32c15f81850c9cae6dc0cd6fabb26ccf80/ (дата обращения: 01.09.2025).
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 01.09.2025).
4. Кашуба, Ю. А. Виды иных оснований освобождения от отбывания наказания и их классификация / Ю. А. Кашуба, А. А. Соколов // Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. — 2020. — № 2 (93). — С. 88–95.
5. Нуркаев, М. К. Природа уголовной ответственности / М. К. Нуркаев // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. — 2021. — № 8. — С. 80–85.
6. Пудовочкин, Ю. Е. Меры уголовно-правового характера и уголовная ответственность: научная дискуссия и поиск решения / Ю. Е. Пудовочкин // Пенитенциарная наука. — 2020. — № 4 (52). — С. 460–472.
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.09.2021 № 2080-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ф. на нарушение его конституционных прав п. «а» ч. 3 ст. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://ukrfkod.ru/pract/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28092021-n-2080-o/> (дата обращения: 01.09.2025).

Особенности прокурорского надзора за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность

Пензина Мария Сергеевна, студент магистратуры
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

Статья посвящена исследованию прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Рассматриваются исторические предпосылки, современная нормативная база, про-

блемы организации и практика применения. Особое внимание уделяется балансу между эффективностью оперативных мероприятий и защитой конституционных прав граждан.

Ключевые слова: прокуратура, надзор, законность, оперативно-розыскная деятельность, права граждан.

Features of prosecutorial supervision over bodies carrying out operational investigative activities

The article is devoted to the study of prosecutorial supervision over the implementation of laws by bodies engaged in operational investigative activities. It examines historical prerequisites, the modern legal framework, organizational challenges, and practical application. Special attention is given to the balance between the effectiveness of operational measures and the protection of constitutional rights of citizens.

Keywords: prosecutor's office, supervision, legality, operational investigative activities, citizens' rights.

Развитие правового государства в России неразрывно связано с обеспечением действенного контроля за соблюдением законов органами, наделёнными полномочиями в сфере оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Указанная сфера по своей природе сопряжена с ограничением конституционных прав граждан, что обуславливает необходимость надёжных гарантий их защиты со стороны прокуратуры как особого органа государственного контроля. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации» закрепил базовые полномочия прокуроров в рассматриваемой области, а Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» конкретизировал правовые основания и пределы вмешательства [1; 2]. Совокупность этих актов формирует фундамент надзорной деятельности, позволяя прокуратуре реализовывать контрольные функции в целях укрепления законности и охраны прав личности.

Цель данной статьи заключается в системном анализе исторических предпосылок, нормативной базы и современных проблем прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

История формирования прокурорского надзора в сфере контроля за органами, осуществляющими розыскную деятельность, уходит корнями в правовую практику XVIII–XIX веков. Уже в законодательных актах Российской империи содержались положения, направленные на регламентацию действий сыскных подразделений. Так, указы Петра I и последующие нормативные документы очерчивали сферу деятельности розыскных органов, хотя на первых порах прокурорский контроль в полном объёме отсутствовал. Вместе с тем, развитие правопорядка и усилившаяся необходимость в обеспечении законности постепенно привели к формированию надзорных полномочий прокуроров.

А. А. Саитов указывает, что в XIX веке государство предпринимает шаги по институционализации прокурорского надзора, в частности через реформы Александра II, когда в правовую систему вводятся положения о контроле за полицией и сыскными структурами [6, с. 92]. Особое

значение имели Временные правила о полицейском устройстве 1862 года, а также Устав уголовного судопроизводства 1864 года, которые закладывали основы для будущего взаимодействия прокуратуры и органов дознания.

К концу XIX века надзорная функция прокуратуры получила более чёткое нормативное выражение. Создание специализированных сыскных отделов и введение нормативных актов о тайной полиции обусловили потребность в системном контроле, что в свою очередь расширило полномочия прокуроров. Этот процесс свидетельствовал о том, что государство осознавало необходимость баланса между эффективностью розыскной работы и соблюдением прав граждан.

В советский период прокурорский надзор приобрёл универсальный характер. Органы прокуратуры получили полномочия по контролю за практически всеми сферами деятельности государства, включая ОРД. Как отмечает П. И. Иванов, советская модель надзора отличалась высокой степенью централизации и опоры на единую систему ведомственных указаний [4, с. 87]. Это создавало условия для широкого вмешательства прокуратуры, но одновременно порождало дискуссии о чрезмерной концентрации функций.

Постсоветский этап развития характеризуется попыткой законодательного разграничения надзорных и судебных полномочий. Принятие Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации» стало ключевым рубежом, закрепившим конституционное положение прокуратуры как органа, осуществляющего надзор за исполнением законов [1]. В то же время, дальнейшее развитие института было связано с принятием Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в котором впервые на законодательном уровне были очерчены пределы прокурорского контроля за ОРД [2].

Современное правовое регулирование прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, базируется на комплексе федеральных законов и ведомственных актов. Основопологающим документом является Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-І «О прокура-

туре Российской Федерации» в актуальной редакции, где в ст. 29 закреплено полномочие прокуроров проверять исполнение законов органами, ведущими оперативно-розыскную работу [1]. Закон определяет, что прокуратура действует от имени государства, обеспечивая верховенство закона и защиту конституционных прав граждан.

Не менее значимым является Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Его ст. 21 прямо указывает на осуществление прокурорского надзора за законностью проведения оперативно-розыскных мероприятий. Здесь же детализированы границы вмешательства прокуроров, которые связаны с необходимостью предотвращения нарушений при ограничении прав и свобод личности [2]. Взаимосвязь двух названных законов отражает комплексный характер регулирования: первый акт закрепляет общее положение прокуратуры в системе органов государственной власти, второй — конкретизирует её надзорные полномочия в специфической сфере ОРД.

Дополнительное значение имеют приказы Генеральной прокуратуры РФ. В частности, Приказ от 16 января 2012 г. № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» устанавливает методические подходы к проведению проверок и порядок взаимодействия прокуроров с поднадзорными органами [3]. В нём акцентируется внимание на необходимости планового характера проверок и соблюдении принципа соразмерности вмешательства.

Как справедливо отмечает Ю. В. Федоренко, современная нормативная база демонстрирует определённые противоречия. В одних документах говорится о «надзоре за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД», в других — о «прокурорском надзоре за ОРД» как видом деятельности [7, с. 99]. Эта терминологическая неоднозначность порождает сложности в правоприменении и может вести к различным интерпретациям полномочий прокуратуры.

Несмотря на наличие нормативно-правовой базы, закреплённой в федеральных законах и подзаконных актах, прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, сталкивается с рядом проблем. Эти трудности касаются

как организационного обеспечения проверок, так и теоретического осмысления пределов вмешательства прокуратуры в деятельность поднадзорных органов.

По мнению П. И. Иванова, одним из существенных вопросов является несогласованность правоприменительной практики: прокуроры в разных субъектах федерации по-разному трактуют объём своих полномочий, что связано с отсутствием унифицированного терминологического аппарата [4, с. 90]. Так, в одних случаях речь идёт исключительно о проверке исполнения законов, в других — о контроле за самой деятельностью, что не всегда согласуется с положениями Федерального закона № 2202-I [1].

Ю. В. Федоренко и Ю. А. Шаповалов обращают внимание на различие формулировок в законах, что приводит к двусмысленности в понимании предмета прокурорского надзора. В частности, Закон «О прокуратуре Российской Федерации» говорит о «надзоре за исполнением законов», а Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» — о «прокурорском надзоре за ОРД» [7, с. 98]. На первый взгляд, эти понятия близки, однако различие в их содержании создаёт правовую неопределённость.

Существует и проблема баланса между эффективностью ОРД и защитой прав граждан. В условиях борьбы с преступностью органы внутренних дел и спецслужбы заинтересованы в оперативности и гибкости своих действий. Однако, как отмечает Д. В. Пасьева, чрезмерное вмешательство прокуратуры может парализовать работу оперативных подразделений, в то время как недостаточный контроль чреват массовыми нарушениями прав личности [5, с. 99]. Отсюда возникает необходимость в выработке оптимальной модели надзора, сочетающей защиту прав граждан с возможностью эффективного проведения оперативных мероприятий.

Обобщая вышесказанное, дальнейшее совершенствование прокурорского надзора в рассматриваемой сфере должно быть связано с устранением нормативных противоречий, расширением прозрачности деятельности и укреплением гарантий прав личности. Решение указанных задач позволит сделать надзор более эффективным инструментом обеспечения законности и справедливости в условиях современного российского правового порядка.

Литература:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I (ред. от 03.02.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 20.11.1995, № 47, ст. 4472.
2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ, 14.08.1995, № 33, ст. 3349.
3. Приказ Генпрокуратуры России от 16.01.2012 № 7 (ред. от 25.11.2022) «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» // Законность, № 3, 2012.
4. Иванов, П. И. Совершенствование организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: ретроспективный анализ / П. И. Иванов // Вопросы истории. — 2023. — № 4–2. — С. 86–93.
5. Пасьева, Д. В. Особенности прокурорского надзора за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность / Д. В. Пасьева, И. А. Ахмадуллина // Инновационные подходы в решении научных проблем:

Сборник трудов по материалам XV Международного конкурса научно-исследовательских работ, Уфа, 20 ноября 2023 года. — Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2023. — С. 97–103.

6. Саитов, А. А. Исторический аспект организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие / А. А. Саитов // Молодежь и наука 2024: к вершинам познания: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 11 апреля 2024 года. — Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И. И.), 2024. — С. 91–94.
7. Федоренко, Ю. В. Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность / Ю. В. Федоренко, Ю. А. Шаповалов // Legal Bulletin. — 2023. — Т. 8, № 4. — С. 94–103.

Основания и порядок возникновения интеллектуальных авторских прав

Прокликов Даниил Владимирович, студент магистратуры

Научный руководитель: Чижик Алексей Петрович, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Московский экономический институт

Проанализированы основания и порядок возникновения интеллектуальных авторских прав. Обращено внимание на основные проблемы определения оснований и порядка возникновения интеллектуальных авторских прав. Предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: интеллектуальные авторские права, основания возникновения интеллектуальных авторских прав, порядок возникновения интеллектуальных авторских прав.

The grounds and procedure for the emergence of intellectual copyrights

Proklikov Daniil Vladimirovich, master's student

Scientific advisor: Chizhik Aleksey Petrovich, candidate of legal sciences, associate professor, head of department
Moscow Economic Institute

The grounds and procedure for the emergence of intellectual copyrights are analyzed. Attention is drawn to the main problems of determining the grounds and procedure for the emergence of intellectual copyrights. Ways of solving the identified problems are proposed.

Keywords: intellectual copyrights, the grounds for the emergence of intellectual copyrights, the procedure for the creation of intellectual copyrights.

Для возникновения субъективных прав необходимо наличие ряда обстоятельств, в силу которых лицо приобретает возможность обладать правом и реализовывать соответствующую модель поведения. В теории права подобные обстоятельства принято именовать «юридическими фактами»: являясь предусмотренными в праве жизненными обстоятельствами (как зависящими от воли гражданина, так и существующими вне ее), они обуславливают в том числе возникновение субъективного права [1]. Часто для наступления правового последствия необходимо одновременное существование нескольких юридических фактов (сложный юридический состав; «сложный юридический факт» [2]). Полагаем, что возникновение любого субъективного права предполагает наличие сложного состава юридических фактов, поскольку для этого всегда необходимо наличие конкретной правовой нормы, выраженной в законе. Ст. 8 ГК РФ содержит перечень оснований возникновения субъективных гражданских прав — одним из них закон

прямо называет создание произведений науки, литературы и искусства.

Законом сегодня не установлен определенно конкретный срок возникновения интеллектуальных авторских прав на произведение. Позиции высших судов позволяют сделать вывод, что в качестве такого момента не может рассматриваться достижение целостности или завершенности произведения. Данная позиция еще более любопытна с учетом наличия разъяснений Верховного Суда, содержащихся в Постановлении Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10: в силу п. 104 суд, устанавливая признаки служебного произведения, должен руководствоваться законодательством, существовавшим на момент создания такого произведения. Поскольку момент создания произведения литературы, науки и искусства соответствует моменту возникновения интеллектуальных авторских прав на него, выявление темпоральной «начальной точки» правосубъектности автора или правообладателя является принципиальным теоретическим вопросом.

Момент возникновения субъективных прав на произведение рассматривается в неразрывной связи с моментом получения возможности осуществления правообладателем (автором) защиты нарушенных авторских прав и обеспечения правовой охраны произведения со стороны государства. Подобная логика представляется оправданной: комплекс интеллектуальных авторских прав предполагает возникновение возможности их обладателя не только использовать произведение или распоряжаться исключительным правом на него, но и требовать защиты нарушенных прав любым способом, не запрещенным законом. Так как в доктрине возникновение права на защиту произведения связывается с удовлетворением его признакам (критериям) охраноспособности, думается, что есть все теоретические основания рассматривать факт удовлетворения произведения данным признакам в качестве условия возникновения интеллектуальных авторских прав.

Понятие критериев охраноспособности произведения не является легальным — оно разработано в научной среде на основе системного анализа норм IV части ГК РФ. Ученое сообщество по-разному относится к содержанию и количеству таких критериев: к традиционным для науки и правоприменения критериям творческого труда (ст. 1257 ГК РФ) и объективной формы произведения (п. 3 ст. 1259 ГК РФ). М. А. Рожкова убеждена в существовании в отечественном законодательстве пяти критериев охраноспособности: в дополнение к творческому труду и объективной форме выражения, исследователь добавляет факт создания произведения гражданином (ст. 1257 ГК РФ), самостоятельность процесса создания произведения и его оригинальность [3]. Подробнее остановимся на двух традиционных для отечественного авторского права критериях — творческом труде автора произведения и объективной форме его выражения.

Вопрос о сущности творческого труда на сегодняшний момент представляется одним из наиболее дискуссионных. Несмотря на то, что ст. 1257 ГК РФ подразумевает его в качестве условия возникновения авторских прав на произведение, множится количество вопросов относительно творческой природы создания конкретных произведений литературы, науки и искусства, в том числе — выражающихся в результате работы алгоритма генеративных нейросетей.

С общетеоретических позиций под творчеством принято понимать «создание новых ценностей»; «рождение новых ценностей»; «появление чего-то нового и неповторимого». Схожее толкование, основанное на идее обязательной новизны, уникальности, неповторимости результата творческого труда, воспринято юридической наукой: подобная трактовка встречается в работах О. С. Иоффе, Э. П. Гаврилова [4]. На сегодняшний день она является традиционной для судебного правоприменения.

Вместе с тем, абз. 3 п. 80 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10, внес существенную неясность в вопрос об определении понятия творческого труда: по

мнению Верховного суда РФ, отсутствие новизны, оригинальности или уникальности результата интеллектуальной деятельности не может считаться однозначным основанием отсутствия творческого характера труда автора. С точки зрения судебного правоприменителя такое разъяснение можно воспринять как допущение отказа в исследовании подобных критериев в судебном заседании. В этих условиях предпринимаются попытки обнаружения более эффективных признаков творческого труда. Так, А. О. Косицкий предлагает оперировать понятием «субъективной новизны» [5]; заслуживает внимания точка зрения В. С. Витко, согласно которой более практически применимым критерием творческого труда может стать самостоятельность произведения, т. е. отсутствие повторения или заимствования формы изложения [6]. Поддержим данную позицию, поскольку видится, что самостоятельный труд по созданию произведения всегда приведет к возникновению отдельного, уникального результата творческого труда. При этом применение ставших уже традиционными критериев новизны и уникальности произведения может быть оправдано судами для анализа т. н. «малотворческих произведений» [7], в которых степень творческого труда крайне незначительна (примитивные рисунки, фотографии, сделанные в популярных туристических местах и не требовавшие проявления авторского подхода к их созданию и др.). Указанные меры могут способствовать качественному изменению подхода законодателя: вместо тотального предоставления всего комплекса авторских прав создателю любого произведения возникновение авторских прав и предоставление правовой охраны станет возможно только в отношении произведений, созданных посредством творческого труда, степень которого необходима и достаточна. Можно только приветствовать позицию М. А. Рожковой, уверенной в необходимости разработки концепции минимального творческого труда автора [3]: такой подход не только поспособствует установлению единообразия судебной и правоприменительной практики, но и значительно упростит решение проблемы охраноспособности контента, созданного искусственным интеллектом — поскольку в функционировании технического средства даже минимальной степени творческого труда, конечно, не усматривается.

Однако подобное усиление контроля за творческим трудом автора не должно приводить к стандартизации и полному исключению отдельных категорий (направлений) литературы, науки или искусства — это прямо противоречило бы п. 1 ст. 1259 ГК РФ, устанавливающему недопустимость отказа в предоставлении охраны произведениям по мотиву их достоинств или назначения. Думается, что определяющая роль по установлению характера и степени творческого труда автора должна принадлежать судебным органам.

Обязательным условием для возникновения интеллектуальных авторских прав на произведение литературы, науки или искусства в силу п. 3 ст. 1259 ГК РФ высту-

пает существование этого произведения в объективной форме; при этом закон уточняет, но не исчерпывает перечень таких форм, относя к ним в первую очередь письменную, устную, изобразительную, звуковую или визуальную, а также объемно-пространственную. Нетрудно заметить, что указанный признак устанавливает необходимость существования произведения в виде, доступном и понятном для восприятия иными лицами с помощью органов чувств. Не оспаривая данное утверждение по существу, заметим, что «понятность» произведения не может рассматриваться в качестве признака объективной формы произведения — субъективная неспособность того или иного читателя (слушателя, зрителя) уяснить суть, смысл произведения свидетельствует скорее об уровне его интеллектуального развития, но не препятствует возникновению интеллектуальных авторских прав на произведение. Согласимся с мнением И. В. Ширковой, отметившей, что на сегодняшний день допускается возникновение авторских прав и тогда, когда объективная форма выражения произведения не связана с определенным материальным носителем [1]. Это выгодно отличает российское законодательство от правового регулирования возникновения авторских прав, например, в США.

В силу п. 4 ст. 1259 ГК РФ для возникновения интеллектуальных авторских прав не требуется соблюдение каких-либо формальных требований, регистрации, уведомления и пр. (исключение — программы для ЭВМ и базы данных: для их правообладателей законом предусмотрено право регистрации). Приобретение статуса автора произведения осуществляется в силу самого факта его создания. Отрицание формализма при возникновении

авторских прав можно рассматривать в качестве реализации права на свободу творчества, содержащегося в ч. 1 ст. 44 Конституции РФ; соответствует это и международно-правовому регулированию (ст. 5 Бернской конвенции). Положительное воздействие подобной модели возникновения авторских прав не исключает негативных аспектов: отчасти существование подобной системы является одним из ключевых факторов постоянства существенного объема судебных дел о признании права авторства и его оспаривании.

Таким образом, возникновение интеллектуальных авторских прав на произведения литературы, науки и искусства осуществляется в силу самого факта создания такого произведения: не требуется соблюдение каких-либо формальных процедур и требований. При этом основания для возникновения авторских прав тесно связаны с природой и признаками произведений: уместно говорить о творческом труде автора и объективной форме выражения произведения как основных критериях возникновения интеллектуальных авторских прав (следует рассматривать понятия «основания возникновения авторских прав» и «критерии охраноспособности произведения» как равнозначные). В целях унификации судебной практики считаем необходимым под творческим трудом автора понимать его самостоятельный интеллектуальный труд; при этом обоснованы предложения по разработке категории нетворческих или малотворческих произведений, возникновение авторских прав на которые нецелесообразно. Такие произведения могут с момента их создания рассматриваться в качестве общественного достояния в соответствии с ч. 1 ст. 1337 ГК РФ.

Литература:

1. Матузов Н. И. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 175.
2. Цуканова, Е. Ю. К вопросу о сложном юридическом факте // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2020. — Т. 6 (72), № 4. — С. 462–467.
3. Рожкова М. А. 5 признаков (критериев охраноспособности) произведений литературы и искусства, закрепленных действующим законодательством // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — Март 2024. — № 1 (43). — С. 49–61.
4. Гаврилов Э. П. Советское авторское право. Основные положения. Тенденции развития. — М., 1984. С. 83.
5. Косицкий А. О. Творчество как критерий охраноспособности объектов авторских прав: самостоятельное создание и творческий характер. Уровень творческого характера // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — Декабрь 2023. — № 4 (42). — С. 11–17.
6. Витко В. С. Понятие формы произведения в авторском праве. — М.: Статут, 2020. — URL: <https://cloud.consultant.ru> (дата обращения: 15.08.2025).
7. Копылов А. Ю. Персонаж произведения как объект авторских прав: диссертация... кандидата юридических наук. — Томск, 2021. С. 25.
8. Ширкова, И. В. Охрана объектов авторского права: правовой аспект // Сборник научных работ серии «Право». — 2021. — № 3 (23). — С. 101.

Соотношение понятий охраны и защиты интеллектуальных авторских прав

Прокликов Даниил Владимирович, студент магистратуры
 Научный руководитель: Чижик Алексей Петрович, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
 Московский экономический институт

Проанализированы актуальные аспекты соотношения понятий «охраны» и «защиты» интеллектуальных авторских прав. Обращено внимание на основные проблемы соотношения понятий «охраны» и «защиты» интеллектуальных авторских прав. Предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: охрана интеллектуальных авторских прав, защита интеллектуальных авторских прав.

Relationship between the concepts of protection and enforcement of intellectual copyrights

Proklikov Daniil Vladimirovich, master's student
 Scientific advisor: Chizhik Aleksey Petrovich, candidate of legal sciences, associate professor, head of department
 Moscow Economic Institute

The current aspects of the relationship between the concepts of «protection» and «protection» of intellectual copyrights are analyzed. Attention is drawn to the main problems of the correlation between the concepts of «protection» and «protection» of intellectual copyrights. Ways of solving the identified problems are proposed.

Keywords: protection of intellectual copyrights.

Вопрос о разграничении понятий охраны права и его защиты является одним из самых дискуссионных в теории права. Несмотря на то, что указанные понятия в целом принято разделять, их использование часто не направлено на устойчивое терминологическое разграничение: например, Н. И. Матузов использует слова «охрана» и «защита» в качестве синонимичных, характеризуя функциональное предназначение права [1]; встречается использование данных терминов в порядке абсолютного совпадения — с указанием слова «защита» наряду со словом «охрана» [2].

Вместе с тем, параллельное использование в содержании законов или иных нормативных правовых актов слов, имеющих различное смысловое наполнение, в большинстве своем не может расцениваться в качестве случайного и необъяснимого фактора. Видится, что само существование данных слов в русском языке в качестве самостоятельных существительных не предполагает вольное отношение к возможности их отождествления. Такой подход не оправдан с позиции действующего правового регулирования.

Так, Конституция РФ содержит значительное количество упоминаний защиты субъективных прав: наиболее известна ст. 2 Конституции РФ, определяющая защиту прав и свобод человека и гражданина в качестве прямой обязанности государства. Однако существуют нормы, закрепляющие именно охрану отдельных субъективных прав: в частности, в России охраняются право частной собственности (ч. 1 ст. 35 Конституции РФ), права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью (ст. 52 Конституции РФ); текст присяги Президента РФ при

вступлении в должность содержит клятву о его обязанности «охранять права и свободы человека и гражданина» (ч. 1 ст. 82 Конституции РФ). Схожая неопределенность характерна и для положений гражданского законодательства. Так, положения I части ГК РФ, в целом оперируя понятием «защиты» субъективных гражданских прав, в то же время используют словосочетание «охраняемые законом интересы» (например, ст. 13 ГК РФ, п. 9 ст. 67.2 ГК РФ, п. 2 ст. 166 ГК РФ).

Полагаем, что при изучении IV части ГК РФ, а также отдельных положений, посвященных регулированию авторско-правовых отношений, вопрос о соотношении рассматриваемых понятий приобретает еще более яркую окраску. Так, ст. 1271 ГК РФ оперирует понятием «знак охраны авторского права»; нужно отметить, что данная норма имеет обширную практику применения, является востребованной в рамках действующего законодательства. Более того, она не декларативна и нацелена на непосредственное регулирование правоотношений в связи с охраной авторских прав на произведение.

В таких условиях необходимо разграничение понятий охраны и защиты субъективных интеллектуальных авторских прав. При всем многообразии подходов, преобладающей в целом можно признать точку зрения, заключающуюся в разделении данных понятий по критерию их объема и характеру действия: если защита субъективного права выступает формой применения конкретных предусмотренных законом мер для восстановления нарушенного субъективного права, то охрана — более обширное понятие, включающее в себя, в числе прочего, введение устойчивого правового регулирования, государ-

ственных гарантий реализации субъективных прав [3]. Полагаем необходимым отметить еще одно отличие институтов охраны и защиты субъективных прав: проявлением охраны может выступать принятие обладателем права заранее определенных законом мер для воспрепятствования противоправному поведению третьих лиц в будущем; в этом смысле меры охраны субъективного права допустимо рассматривать в качестве превентивных мер, которые действуют постоянно вне зависимости от наличия (отсутствия) факта нарушения права. Уместно рассмотреть меры (способы) охраны интеллектуальных авторских прав, как существующие в отечественном законодательстве, так и вполне способные потенциально рассматриваться в качестве таковых.

Наиболее распространенной предупредительной мерой, применяемой в целях охраны интеллектуальных авторских прав, является проставление на экземплярах обнародованного произведения «знака охраны авторского права» (ст. 1271 ГК РФ). Бросается в глаза юридическая неточность: несмотря на указание на охрану авторского права, указанный способ на деле применяется для охраны исключительного права на произведение. Законодательное закрепление знака охраны авторского права стало следствием присоединения России к Парижской конвенции 1971 года, ч. 1 ст. III которой устанавливает обязанность присоединяющихся государств установить в национальном законе правомочие правообладателя помечать экземпляры произведений взаимосвязанными элементами: специальным знаком охраны авторского права (латинская буква «C» в окружности), именем (наименованием) правообладателя и годом первого опубликования произведения. Речь, конечно, идет прежде всего о таких произведениях, которые в силу своей природы могут быть «размножены», объективированы в форме литературного произведения с возможностью их последующего копирования (собственно, латинская буква «C» является сокращением от англ. «copyright» — буквально «право копирования»). Использование такого способа охраны носит исключительно добровольный характер, а отказ правообладателя от размещения знака на экземплярах произведения не влечет изъятий из принципа предоставления правовой охраны произведениям в силу факта их создания. Между тем, уместно согласиться с С. П. Гришаевым, заметившим, что проставление знака охраны авторского права позволяет третьим лицам при приобретении экземпляра произведения однозначно установить обладателя исключительного права на него [4]. Добавим, что не менее важна доказательственная функция знака охраны авторских прав: его наличие в экземплярах произведений облегчает процесс доказывания факта наличия исключительного права в случае возникновения соответствующего судебного спора и влечет перераспределение бремени доказывания по делам о нарушении исключительных прав. Так в случае, если лицом был реализован экземпляр произведения с наличием в нем знака охраны авторского права обязанность по доказыванию неправоты

такой реализации в силу отсутствия исключительного права возлагается судом на истца (см., например, Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.12.2024 № С01–2092/2024 по делу № А40–253168/2023; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 09.12.2024 № С01–1934/2024 по делу № А56–45055/2023).

Знак охраны авторского права выступает наиболее распространенным, но далеко не единственным способом охраны интеллектуальных авторских прав. Так, ст. 1299 ГК РФ (полагаем, ошибочно именуемая законодателем «технические средства защиты авторских прав») предполагает возможность правообладателя установить контроль над доступом к произведению, ограничить или не допустить совершение с ним любых действий, потенциально могущих привести к нарушению авторских прав. Существование данной нормы — следствие технического прогресса: обеспечение охраны авторских прав предполагается за счет применения технологий, технических устройств или их компонентов. При этом любые формы использования произведений без подобных средств охраны, а также действия, направленные на их обход, запрещены. Какого-либо перечня подобных средств технической охраны авторских прав формально не установлено — каждый правообладатель вправе как избрать средство, уже известное практике (например, технология DRM, предполагающая получение каждым конкретным пользователем специального электронного ключа, активирующего полноценное функционирование продукта; технология блокчейн в качестве особого вида базы данных; смарт-контракт как специальный цифровой алгоритм, позволяющий осуществлять автоматизированный контроль за исполнением договорных обязательств между сторонами) [5], так и разработать собственное. При этом в последнем случае такое охранное средство может само по себе стать охраняемым объектом права интеллектуальной собственности [6].

Полагаем допустимым с некоторой долей условности относиться к положениям ст. 1300 ГК РФ как средству охраны авторского права: думается, что указание на оригинале или экземпляре произведения любой информации относительно принадлежности интеллектуального авторского права на него, способной идентифицировать произведение, его автора или правообладателя, а также сообщить пользователю об условиях использования такого произведения, выполняет охранительную функцию — предупреждает третье лицо о наличии правовой охраны произведения и недопустимости нарушения имеющихся на него интеллектуальных авторских прав. Наконец, размещение на произведении информации о нем и его авторе (правообладателе) выступает одной из форм реализации права авторства и права автора на имя.

Таким образом, полагаем теоретически верным разделять понятия «охраны» и «защиты» интеллектуальных авторских прав. Такое разграничение целесообразно проводить по признаку объема и периода действия применяемых мер: для охраны авторского права характерно постоянное действие средств (мер) такой охраны в случае

ее установления автором (правообладателем). Напротив, защита авторских прав влечет применение конкретных способов (средств) защиты лишь при наличии факта нарушения интеллектуального авторского права, т. е. имеют более ситуационный, каузальный характер. Считаем, что в настоящее время конкретными средствами охраны ин-

теллектуальных авторских прав являются инструменты ст. 1271 ГК РФ, 1299 ГК РФ, 1300 ГК РФ. В целях исправления возникшей законодательной неточности считаем уместным замену используемого в ст. 1299 ГК РФ словосочетания «технические средства защиты авторских прав» на «технические средства охраны авторских прав».

Литература:

1. Матузов, Н. И. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 323.
2. Теория государства и права: учебник для вузов / В. К. Бабаев [и др.]; под редакцией В. К. Бабаева. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2024. С. 575.
3. Джапилов, Э. А. Правовая охрана и защита интеллектуальной собственности: проблемы законодательной техники // Теория государства и права. — 2022. — № 2 (27). — С. 130.
4. Гришаев С. П. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая. Постатейный комментарий (специально для системы Консультант Плюс) // 2022. — СПС «Консультант Плюс». — URL: <https://cloud-prom.consultant.ru/cloud> (дата обращения: 15.08.2025).
5. Фролова Е. Е., Купчина Е. В. Цифровые инструменты защиты прав на интеллектуальную собственность: на примере блокчейна и искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2023. — № 3. — URL: <https://cloud-prom.consultant.ru> (дата обращения: 18.08.2025).
6. Курамагомедов Р. Ш. Правовая охрана технических средств защиты авторских и смежных прав: диссертация... кандидата юридических наук. — М., 2012. С. 3.

Функции государства в условиях глобальных проблем современности

Путренкова Карина Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Симонова Марина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний

В статье рассмотрены традиционные в теории государства и права функции государства, а также предложена классификация функций государства в условиях глобальных проблем современности.

Ключевые слова: государство, функции, функции государства, функционирование государства, деятельность государства, функциональная характеристика государства, глобальные проблемы современности.

The functions of the state in the context of global problems of our time

The article examines the traditional functions of the state in the theory of state and law, and also proposes a classification of the functions of the state in the context of global problems of our time.

Keywords: state, functions, functions of the state, functioning of the state, activity of the state, functional characteristics of the state, global problems of modernity.

На сегодняшний день, в условиях сложной геополитической обстановки, когда во всем мире нарастают глобальные проблемы, затрагивающие интересы всей цивилизации, вопрос о функциях государства имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

С помощью функций представляется возможным с достаточно высокой точностью определить характер деятельности государства, правильность выбора им на том или ином этапе его развития приоритетов, наконец, уровень его организованности и эффективности.

Функции любого государства под воздействием его сущностных и формальных характеристик и развивающейся внешней среды, проходят определенный этап эволюции, то есть своего развития и изменения.

Ученые выделяют два вида функций государства: внутренние, внешние [2, с. 86].

Внутренние функции включают в себя политическую, экономическую, социальную, экологическую, идеологическую, правоохранительную. Данные функции, соответственно, регулируют политическую и экономиче-

скую сферы общественных отношений; вопросы охраны окружающей среды и реализации социальной политики государства; отношения в сфере регулирования экономической сферы общества, где предметом выступают производственные отношения, денежного обращения в стране, рыночной деятельности, инвестиционной и торговой политики и т. д.

К внешним функциям относятся, в первую очередь, военная функция государства и функция сотрудничества с другими государствами на политической и внешнеэкономической арене [1, с. 109].

Военная функция включает в себя оборону страны во время боевых действий, а также в мирное время, охрану государственных границ, ведение военных действий.

Функция сотрудничества с другими государствами продиктована необходимостью совместного взаимодействия, так как в эпоху глобализации все страны находятся в постоянном взаимодействии для решения общемировых проблем.

В настоящее время более важным становится выделение глобальных функций государства, характеризующих деятельность современного государства в экологической, демографической, сырьевой, космической сферах, в области создания и использования ядерной, информационной технологий, в области защиты прав и свобод человека и в других современных глобальных государственных сферах деятельности, затрагивающих всю цивилизацию.

Учитывая соответствие между глобальными проблемами человечества и всеобщими функциями государств, в ряду которых можно, на наш взгляд, выделить следующие:

1. Функция защиты прав и свобод человека, в том числе, права на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. В данную функцию государства также входит гарантия гражданам в доступе к справедливому правосудию независимо от национальности, пола, возраста, социального статуса, вероисповедания и т. д.

2. Функция предотвращения экологических катастроф и ликвидации их последствий. Реализации указанной функции государства, на наш взгляд, могло бы посодействовать увеличение безотходного промышленного производства с современными системами очистки, а также увеличение массовой постройки заводов по переработке мусора, что в значительной системе поможет поддерживать качество окружающей среды на достаточно высоком уровне.

Выполняя указанную функцию, государство сможет установить определенные ограничения на производства, которые пагубно сказываются на состоянии окружающей среды, установить тем самым определенные стандарты на предельно допустимые нормы выброса вредных веществ. Также эффективной мерой видим введение так

называемого «экологического налога», который будет оплачиваться производствами, негативным образом оказывающими влияние на состояние окружающей среды в результате действия своего производственного цикла.

3. Функция решения демографических, сырьевых и энергетических проблем. Решению демографической проблемы должна способствовать грамотно встроенная демографическая политика государства, которая представляет собой целенаправленную деятельность органов государственной власти, направленную на стимулирование рождаемости среди населения с помощью определенных социально-экономических рычагов.

Основной целью указанной политики должно являться сохранение или изменение тенденции динамики, численности и структуры населения. С целью решения энергетической и сырьевой проблем государству необходимо активировать функцию по увеличению добычи энергоносителей, а также внедрению энергосберегающих технологий в различных видах производства. Среди инновационных способов решения энергетической проблемы хотелось бы выделить вопросы сохранения ресурсов, которые можно применить в самых различных отраслях экономики.

Кроме того, предлагаем увеличить запасы нефти и газа за счет поиска новых месторождений. Проблемы сырьевого характера, возможно, решить путем снижения материалоемкости производственных процессов, а также широкого использования вторичного сырья. Считаем целесообразным заменить там, где возможно, природное сырье на искусственные материалы, которые не будут уступать никаким образом по качеству натуральным.

4. Функция борьбы с международной преступностью, обеспечения мирового правопорядка. На сегодняшний день в сложившихся политических, экономических и международных условиях остро стоит вопрос сохранения территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации.

Возросла роль Российской Федерации в решении важнейших международных проблем, урегулировании военных конфликтов, обеспечении стратегической стабильности и верховенства международного права в межгосударственных отношениях.

5. Функция борьбы государства с преступлениями в сфере Интернет-пространства. В настоящее время компьютерная информация является предметом повсеместного использования как гражданами, так и различными государственными сферами в целях функционирования их деятельности. При этом стоит отметить, что все больше она занимает место в системе учета, накопления информации, вытесняя бумажный документооборот.

Распространение всемирной сети Интернет открыло путь к серьезным изменениям, когда достаточно широкий пласт общественных отношений переместился в цифровую среду, прочно закрепляя указанный процесс в жизни социума, меняя в целом отношения, жизнь социума и работу государственных органов.

Сегодня широкое распространение получил термин «цифровизация», который означает внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни общества, а также производства. Все чаще компьютерная информация становится объектом преступного посягательства, так как содержит в себе сведения о персональных данных граждан, а также сведения, представляющие банковскую, государственную тайну, которые носят скрытый и конфиденциальный характер. В связи с чем содержание компьютерной информации становится все более привлекательным для преступников, поскольку позволяет незаконным способом получить сведения, используемые для совершения преступлений, а также непосредственно направить свои незаконные действия на удаление, модификацию, копирование, блокирование компьютерной информации.

6. Функция сотрудничества в области освоения космоса. На сегодняшний день сотрудничество государств в данном вопросе реализуется, как правило, по двум направлениям: деятельность международных организаций, занимающихся освоением космоса, и занимающихся космической деятельностью, а также реализация совместных космических проектов, программ, которые предусматривают сотрудничество государств в вопросах рациональ-

ного и эффективного использования и освоения космического пространства. Кроме того, такое сотрудничество государств также выражается в создании образцов различной космической техники, совместных пилотируемых полетах, совместного использования результатов космической деятельности различных государств.

7. Функция объединения усилий в создании общепланетарного информационного пространства. Согласимся с мнением А. В. Романова, который полагает, что на сегодняшний день государствам необходимо объединить свои усилия и вырабатывать международное правовое регулирование по рассматриваемому направлению для поддержания законности и правопорядка [3, с. 322].

Таким образом, функции государства многоплановы, их формирование происходит в процессе становления и развития государства. В разные исторические периоды приоритетное значение приобретают те или иные задачи, цели государства, а, следовательно, и различные его функции. На одних этапах центр тяжести переносится в сферу экономики, поэтому в деятельности государства приоритетное место занимает экономическая функция, в других — в область политики, отсюда — повышенное внимание к реализации функции государственной власти и т. д. Исчезают одни функции, возникают другие.

Литература:

1. Венгеров, А. Б. Теория государства и права. Учебное пособие. / А. Б. Венгеров. — М: Дашков и Ко, 2019.
2. Макаров, И. И. Теория государства и права: учебное пособие / И. И. Макаров. — М.: МУБиНТ, 2022.
3. Романова, А. В. Понятие и сущность глобального информационного пространства / А. В. Романова // Молодой ученый. — 2022. — № 46 (441). — с. 322–325.

Институт потребительского банкротства в современных реалиях

Ромашко Виктория Викторовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Анисимова Анна Михайловна, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет «Синергия»

Автор научной статьи на тему «Институт потребительского банкротства в современных реалиях» рассматривает проблемы и противоречия, возникающие при внесудебном банкротстве граждан в рамках современных реалий.

Ключевые слова: внесудебное банкротство, исполнительное производство, требования кредиторов, рыночная стоимость, недобросовестный должник.

Основная цель института потребительского банкротства заключается в восстановлении социальной и финансовой стабильности гражданина. Этот механизм предоставляет людям возможность заново начать построение своих экономических отношений, избавляясь легитимным образом от долгов и обязательств, которые ранее создавали тяжелое финансовое бремя. В рамках процедуры банкротства гражданин получает шанс на обновление своего имущественного положения, прекращая взыскания по старым долгам и создавая условия

для новой финансовой жизни. Таким образом, данный институт способствует не только снятию долгового бремени, но и восстановлению у человека доверия к системе, давая ему возможность справедливо и законно выйти из сложной ситуации и начать с чистого листа.

Физические лица, у которых сумма долгов составляет от 25 000 до 1 000 000 рублей, имеют возможность самостоятельно подать заявление на списание долгов посредством процедуры, связанной с банкротством, здесь важно отметить, что такие действия могут быть выполнены без

обращения в суд и не требуют дополнительных финансовых затрат со стороны должника и это особенно актуально для граждан, оказавшихся в сложной финансовой ситуации, и предполагает внесение заявления в специально установленном порядке.

Однако для возможности такой процедуры существуют определенные условия, в частности, исполнительные производства в отношении должника должны быть прекращены согласно части 4 статьи 46 Федерального закона № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 года. Это означает, что судебные приставы уже завершили или не ведут исполнительные действия по взысканию долгов с должника. Также важным условием является отсутствие у гражданина дохода или имущества, подходящего для погашения обязательств и в этом случае, когда приставы не нашли у должника ни доходов, ни собственности, которые можно использовать для исполнения обязательств, у гражданина появляется право на внесудебное списание долгов.

Говоря о внесудебном банкротстве в целом, речь идет о процедуре, при которой гражданин может легально избавиться от долгов, являющихся малой или средней величины, без необходимости обращения в суд и долгосрочных судебных разбирательств и этот механизм призван помочь малоимущим гражданам и тем, кто не в состоянии покрыть свои обязательства, законным способом начать новую финансовую жизнь, избавившись от непосильных долговых обязательств.

В соответствии с законом о внесудебном банкротстве гражданин имеет право подать комплект документов в любой многофункциональный центр «Мои документы». После этого МФЦ осуществляет проверку текущего статуса исполнительного производства в отношении должника и публикует соответствующее сообщение в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве, однако, несмотря на простоту подачи заявления, получить признание банкротства гражданин может лишь ограниченному числу лиц. Предшествием процедуре является возврат исполнительного документа взыскателю и в данном случае банк или микрофинансовая организация должны обратиться в суд с исковым заявлением, затем после вынесения судом решения о признании долга и передачи исполнительного листа судебным приставам, обычно проходит значительный срок — два-три года — прежде чем приставы издадут постановление о невозможности взыскания денежных средств с должника, при этом в то же время судебный пристав может не прекратить исполнительное производство, если у должника обнаружатся новые доходы, и по исполнительному листу он возобновит взыскания.

Когда гражданин подает заявление о внесудебном банкротстве в многофункциональный центр, в этот момент прекращаются все начисления по его долгам — это означает, что штрафы, пени и проценты перестают увеличиваться, и сумма долга остается неизменной с момента подачи заявления. На следующем этапе банки и микрофи-

нансовые организации, с которыми у должника заключены договоры, указанные в заявлении о внесудебном банкротстве, имеют право повторно проверить актуальную информацию о должнике, обратившись к государственным реестрам и такие проверки позволяют выявить наличие у должника недвижимости (кроме единственного жилья) и движимого имущества, на которое возможно наложить взыскание. При отсутствии активов у должника, и если спустя шесть месяцев после публикации сообщения о банкротстве в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве ничего не обнаружено, гражданин признается банкротом и освобождается от обязательств по заявленным долгам.

Когда в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (ЕФРСБ) появляется запись о возбуждении процедуры внесудебного банкротства гражданина, с этого момента вводится временный мораторий на удовлетворение требований кредиторов, которые возникли в связи с денежными обязательствами должника. Этот мораторий ограничивает возможность взыскания и удовлетворения требований кредиторов за исключением определенных случаев.

Особенности этого моратория включают исключения:

1) Требования кредиторов, которые не были указаны в заявлении о признании гражданина банкротом во внесудебном порядке. То есть, если новый кредитор или требование появляется после подачи заявления или в процессе процедуры и изначально не было заявлено, оно может не попасть под ограничение.

2) Требования, связанные с возмещением вреда, причиненного жизни или здоровью человека, а также требования о выплате заработной платы и выходных пособий. Кроме того, сюда входят требования о компенсации морального вреда, взыскании алиментов и другие требования, тесно связанные с личностью кредитора, даже если они не были заявлены при подаче заявления о банкротстве.

Таким образом, эти исключения позволяют разрешать споры и удовлетворять требования, связанные с личностью кредитора или требованием о возмещении вреда, даже в период действия моратория. Это обеспечивает защиту прав граждан и тех требований, которые имеют особое значение с точки зрения социального характера и защиты жизни и здоровья.

Анализируя мировой опыт в области банкротства и механизмов его реализации, можно сделать вывод, что кредиторы зачастую используют возможность перехода от упрощенной процедуры банкротства к стандартной, более длительной и формальной процедуре. Многие эксперты отмечают, что внедрение новой внесудебной процедуры банкротства ограничено определенными условиями: она доступна только в тех случаях, когда гражданам уже были предприняты безуспешные попытки взыскания долгов посредством исполнительного производства, и при этом у должников не найдено имущества, на которое можно было бы наложить взыскание, таким

образом — такой переход к обычной процедуре не станет массовым явлением и скорее будет отдельным случаем в правовой практике.

Что касается списания долгов, то оно ограничено той суммой, которая была указана гражданином в своем заявлении, здесь стоит обратить внимание на важный момент, который заключается в том, что гражданин может не знать точной суммы задолженности, включая начисленные проценты и штрафные санкции. Поэтому рекомендуется, прежде чем подавать заявления о списании долгов, обратиться в банк или микрофинансовую организацию для получения актуальной информации о задолженности и это позволит подать более точную и правильную заявку, что повысит вероятность ее успешного рассмотрения и минимизирует риски ошибок в указанных суммах.

В ряде случаев, когда гражданин списывает свои долги через процедуру банкротства, на него налагаются ограничения в правах и возможностях. В частности, в период проведения процедуры банкротства человек не имеет права заключать новые кредиты или займы, а также выступать поручителем по займам иных лиц и это делается для предотвращения повторных задолженностей и обеспечения ответственности должника. Кроме того, если гражданин в течение года до момента объявления банкротства осуществлял предпринимательскую деятельность, он не сможет в течение пяти лет после завершения процедуры претендовать на статус индивидуального предпринимателя или занимать руководящие должности в бизнесе. Также важным аспектом является то, что повторная процедура внесудебного банкротства возможна не ранее чем через десять лет после предыдущей.

Новый закон должен оказывать положительное воздействие на кредитора, при этом не ставить его в невыгодное положение. Это означает, что при разработке законодательства необходимо обеспечить баланс интересов обеих сторон — заемщика и кредитора, чтобы последний не оказался среди тех, кто несет особые потери или сталкивается с усложненными условиями при взыскании долгов [5]. Важно подчеркнуть, что новая редакция закона предоставляет дополнительные возможности для списания задолженности в случаях, когда погасить долг или пройти процедуру банкротства через суд невозможно по объективным причинам. Такие меры предоставляют гражданам альтернативные и более простые пути решения финансовых проблем, избегая длительных и сложных судебных разбирательств.

На практике внедрение новых законодательных норм вызывает ряд сложностей, которые требуют тщательного анализа и профилактических мер. Например, введение нового закона может создать лазейки и возможности для злоупотреблений со стороны недобросовестных субъектов. Это особенно опасно для кредиторов, поскольку они рискуют потерять свои инвестиции или права на возврат средств, если должники используют новые процедуры для уклонения от исполнения своих обязательств.

Также существует риск, что упрощенные процедуры банкротства могут стать инструментом для злоупотреблений, особенно со стороны преднамеренно недобросовестных должников. Такие должники могут использовать легкую доступность процедуры для неправомерного облегчения выхода из обязательств, что увеличивает нагрузку на систему правосудия и создает угрозы для добросовестных участников рынка. В результате недобросовестные должники могут использовать новую систему для уклонения от ответственности, а кредиторы — столкнуться с дополнительными трудностями в защите своих прав и интересов.

Таким образом, важно предусмотреть механизмы контроля и дополнительных критериев при применении упрощенных процедур, чтобы снизить риск злоупотреблений и обеспечить баланс интересов всех участников процесса.

Анализ данных свидетельствует о том, что значительная часть заявлений о внесудебном банкротстве — около 63 % — была отклонена или возвращена заявителям [4]. Этот показатель указывает на существующую проблему в информированности граждан о порядке подачи подобных заявлений. В частности, многие граждане не полностью понимают процедуру, а также условия и основания для обращения с заявлением о банкротстве вне судебной системы. Они могут не знать, кто именно имеет право инициировать процедуру, какие документы необходимо подготовить, в какие сроки нужно действовать и каким образом определить свою правовую позицию при подаче заявления. Эта неопределенность может приводить к тому, что неправильно оформленные или неподходящие по сути заявления возвращаются, что в конечном итоге затрудняет доступ граждан к процедурам банкротства и увеличивает нагрузку на систему.

Также важно учитывать, что эта ситуация говорит о необходимости улучшения информационной поддержки населения, разъяснительной работы и повышения правовой грамотности граждан в области банкротства. Обеспечение более понятных и доступных разъяснений поможет снизить количество неверных заявлений и повысит эффективность процедуры в целом.

За период с октября 2015 года, когда была введена процедура судебного банкротства физических лиц, более 400 000 граждан смогли списать свои долги. Этот факт свидетельствует о том, что процедура оказалась востребованной среди населения, ищущего выход из долговых обязательств через судебное решение. В то же время, значительно больше заявлений о внесудебном банкротстве, чем возбужденных дел по судебной процедуре, почти в четыре раза, что объясняется ограниченным кругом граждан, способных подать заявление в этом формате. Юхнин указывает, что внесудебная процедура доступна гражданам, которые могут обратиться в МФЦ с заявлением о банкротстве при наличии долга в диапазоне от 25 000 до 1 000 000 рублей. Важным условием для подачи

такого заявления является прекращение всех исполнительных производств по отношению к должнику, что связано с отсутствием у него дохода и имущества, на которое можно было бы обратить взыскание. Следует отметить, что при внесудебной процедуре суд не участвует в процессе, что делает её менее формальной, однако у этой процедуры есть определенные недостатки, требующие своевременного урегулирования и в частности, она позволяет частично разгрузить судебную систему и упростить про-

цесс признания физического лица банкротом, что является важным позитивным аспектом.

Потенциальные недостатки данной процедуры включают возможности злоупотреблений и недостаточную защиту прав должников и кредиторов, а также возможные сложности в контроле за соблюдением условий процедуры. В будущем необходимо рассмотреть вопросы о расширении критериев и улучшении процедур контроля, чтобы повысить ее эффективность и справедливость.

Литература:

1. Нестерова, Т. И. Несостоятельность (банкротство) гражданина: монография / Т. И. Нестерова, А. Ф. Сайфетдинова. — Москва: Проспект, 2024. — 96 с. — ISBN 978-5-392-40479-7.
2. Бондарева О. Ю., Устинова Я. С. Специфика и проблематика банкротства физических лиц в Российской Федерации // Новый юридический журнал. 2025. № 1.
3. Киселёв В. В. Нормативное регулирование банкротства физических лиц // Академическая наука. 2025. № 2.
4. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учебник / Г. Ф. Ручкина, Е. Ю. Матвеева, С. В. Крашенинников [и др.]; ред. Г. Ф. Ручкина; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. — Москва: Прометей, 2020. — 359 с.
5. Земсков, В. В. Финансовые расследования в делах о банкротстве: учебник: [16+] / В. В. Земсков, В. И. Прасолов; под общ. ред. В. В. Земскова; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. — Москва: Прометей, 2024. — 198 с.

Административные правонарушения среди лиц, находящихся под надзором: особенности, последствия, профилактика

Рябушкина Оксана Сергеевна, студент магистратуры
Орский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В современном обществе система надзора за исполнением правил играет важную роль в обеспечении правопорядка и профилактике правонарушений. Особое внимание уделяется гражданам, находящимся под наблюдением, поскольку они ранее уже имели проблемы с законом и находятся в зоне повышенного риска и склонны к повтору противоправных действий.

В этой статье мы рассмотрим специфику нарушений, совершаемых находящимися под контролем гражданами, их причины и последствия. Люди, в отношении которых установлены меры административного контроля согласно законодательству Российской Федерации — это граждане, представляющие повышенную опасность в обществе. Это люди, которые были осуждены и имеют непогашенную или неснятую судимость. Цель административного надзора — предупредить повторное нарушение закона и оказать им помощь в ресоциализации.

Особенности административных правонарушений среди лиц, находящихся под надзором.

Как правило, состоящие под административным надзором имеют больше склонности к совершению противоправных действий, в том числе, административных правонарушений. Перечислим наиболее распространенные

категории правонарушений, совершаемых гражданами, состоящими под административным надзором.

1. Нарушение правил контроля. Наиболее очевидная группа. Лица, находящиеся под надзором, обязаны соблюдать ограничения, установленные судом или органом, осуществляющим надзор. К таким ограничениям относятся:

- Неявка в орган, осуществляющий надзор: Причинами могут быть забывчивость поднадзорного человека, нежелание общаться с инспектором административного надзора, избегание контроля со стороны сотрудников полиции.

- Нарушение установленного времени пребывания вне места жительства: Как правило, лицам, состоящим под административным надзором, устанавливается временное ограничение: запрет находиться вне жилого помещения в период с 22 часов 00 минут до 06 часов 00 минут. Поднадзорные лица далеко не всегда соблюдают данный запрет и покидают жилое помещение, чем совершают административное правонарушение.

- Нарушение запрета на посещение определенных мест. Как правило, данное ограничение связано с запретом посещения мест общественного пользования: баров, ресторанов, клубов, общественных мероприятий,

так как нахождение в местах со свободным доступом к алкогольной продукции может привести к совершению поднадзорным лицом административных правонарушений.

2. Правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ. Лица, находящиеся под надзором, имевшие проблемы в прошлом и отбывавшие наказание за распространение запрещенных веществ, продолжают употреблять или распространять их после выхода из тюрьмы. Это включает:

- Употребление наркотиков без назначения врача;
- Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотиков;
- Продажа наркотиков. Правонарушения, связанные с нарушением правил поведения в общественных местах:
 - Мелкое хулиганство: нецензурная брань, приставание к гражданам, уничтожение или повреждение чужого имущества в общественном месте, а также нахождение под воздействием алкоголя.
 - Нарушение правил дорожного движения: особенно если ранее человек был лишен права вождения. Высока вероятность того, что он вновь сядет за руль, будучи при этом лишенным водительского удостоверения.
 - Употребление алкогольных напитков там, где это запрещено, или нахождение в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения.

Правонарушения, касающиеся незаконного хранения и использования оружия. Лица, ранее осужденные за подобные нарушения, могут продолжать незаконно его хранить или использовать.

Факторы, приводящие к административным правонарушениям. Существует ряд факторов, которые приводят к нарушению закона теми, кто находится под надзором. К ним относятся:

Социальная дезадаптация: нередко возникают трудности с поиском работы, так как поднадзорные граждане как правило имеют низкий уровень образования, не имеют своего жилья. Отсутствие работы часто толкает вновь на совершение противоправных действий. Например, мелкие хищения продуктов питания, бытовой химии.

Психологические проблемы: наличие зависимостей (наркотической, алкогольной), психологические травмы, агрессивность, низкая самооценка могут способствовать совершению правонарушений.

Влияние криминальной среды. Сохранение связей с прошлым кругом общения способно вновь толкнуть человека к совершению административного правонарушения.

Почему профилактика так важна?

Литература:

1. Иванова, Е. С. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: основная форма осуществления и проблема административного надзора / Е. С. Иванова // Союз криминалистов и криминологов. — 2021. — № 3. — С. 86–90.
2. Антонян, Ю. М. О концепции причин преступности / Ю. М. Антонян // Криминологический журнал. — Брянск. — 2024. — № 1. — С. 6.

Снижение рецидива: основная задача профилактики — предотвратить повторное совершение правонарушений. Это напрямую влияет на безопасность общества.

Экономическая эффективность: предотвращение правонарушений обходится обществу дешевле, чем их расследование, судебное разбирательство и последующее наказание.

Ресоциализация: профилактические меры направлены на помощь поднадзорным лицам в возвращении к нормальной жизни, трудоустройстве, восстановлении социальных связей.

Укрепление доверия к правоохранительной системе: Эффективная профилактика демонстрирует заботу государства о безопасности граждан и его способность решать проблемы правонарушений.

Основные направления профилактики административных правонарушений среди поднадзорных лиц:

Профилактика должна быть многоуровневой и охватывать различные аспекты жизни поднадзорного лица. Ключевые направления включают:

1. Индивидуальная профилактика:

Установление и контроль: регулярные встречи с сотрудниками полиции, проверка соблюдения установленных ограничений (например, запрет на посещение определенных мест, время пребывания вне дома). Психологическая работа: консультации с психологами, направленные на коррекцию деструктивного поведения, формирование навыков самоконтроля, преодоление агрессии и зависимостей.

Социальная поддержка: Помощь в трудоустройстве, получении образования, восстановлении документов, решении жилищных вопросов. Информирование о последствиях: Разъяснение ответственности за нарушение установленных ограничений и совершение новых правонарушений.

2. Общественная профилактика:

Работа с семьей и близкими: вовлечение родственников в процесс реабилитации, разъяснение им их роли в поддержке поднадзорного лица. Взаимодействие с общественными организациями: Сотрудничество с НКО, занимающимися реабилитацией бывших заключенных, оказанием им социальной и психологической помощи.

Просветительская работа: Информирование населения о проблемах, с которыми сталкиваются поднадзорные лица, формирование толерантного отношения и готовности к сотрудничеству.

Создание благоприятной социальной среды: Поддержка программ, направленных на снижение социальной напряженности, профилактику наркотической зависимости.

3. Вельмин, А. С. Правовая природа дел об административном надзоре, рассматриваемых в порядке производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, в гражданском процессе / А. С. Вельмин // Арбитражный и гражданский процесс. — 2012. — № 8. — С. 13

Историко-социальные предпосылки установления уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления

Сафонова Елена Владимировна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются историко-социальные предпосылки установления уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления. На основе анализа нормативных актов различных исторических эпох выявляется эволюция подходов российского законодательства к охране детства, отражающая развитие гуманистических и нравственных начал уголовного права.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетних, эволюция законодательства, уголовная ответственность, предпосылки.

Исследование уголовно-правовой политики в сфере противодействия вовлечению несовершеннолетних в преступную деятельность невозможно без анализа социальных предпосылок, обусловивших формирование соответствующих норм. Установление уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних (ст. 150 УК РФ) представляет собой закономерный результат многовекового развития российского законодательства и отражает совокупность социально-исторических факторов, определивших правовую охрану подрастающего поколения. Как отмечает Ю. В. Николаева, «эволюция законодательного регулирования в сфере обеспечения прав, свобод и законных интересов ребенка как особого объекта правовой охраны представляет собой важный историко-правовой процесс, отражающий становление правового статуса личности» [1, с. 181].

В древнерусском праве, представленном «Русской Правдой» и Судебником 1550 г., отсутствовали специальные нормы, направленные на защиту несовершеннолетних от вовлечения в преступления. До XVII века уголовная ответственность рассматривалась преимущественно через призму охраны общинных и родовых интересов, а ребенок не признавался самостоятельным объектом уголовно-правовой защиты [2, с. 121]. Государство практически не вмешивалось во внутрисемейные отношения, где действовали патриархальные традиции и принцип абсолютной власти родителей.

Поворотным моментом стало Соборное уложение 1649 года, в котором впервые упоминалось учинение преступления «по чьему научению» (ст. 19). Хотя возраст вовлекаемого лица не уточнялся, толкование нормы позволяет рассматривать её как прообраз ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в преступление. Именно в этот период государство начинает ограничивать произвол родителей и опекунов, закладывая основы будущего уголовно-правового института.

В начале XVIII века трансформация российской государственности была связана с заимствованием германской идеи «полицейского государства», ориентированного на «всеобщее благо» и «отеческую заботу» монарха о подданных. Параллельно происходило «смягчение» семейного законодательства: родители рассматривались не только как обладатели власти, но и как носители обязанностей по воспитанию детей. Воинский артикул 1715 года установил равную ответственность за убийство родителей и детей, что свидетельствовало о признании ребёнка самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны. Таким образом, усилилось понимание необходимости правового ограничения злоупотреблений родительской властью, что в дальнейшем способствовало формированию ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность.

Развитие юридической техники и судебной практики в XIX веке привело к отраслевой дифференциации права и появлению специальных норм, направленных на защиту детей. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года впервые закрепило прямую ответственность родителей и опекунов за вовлечение несовершеннолетних в преступления. Согласно ст. 2079 и 2093, такие действия признавались злоупотреблением властью и наказывались «высшей мерой взысканий» [3, с. 30].

Эти нормы стали важным шагом в осознании государством социальной опасности вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность. Позднее Уголовное уложение 1903 года (ст. 508) дополнило регулирование, установив ответственность за принуждение к преступлению путем насилия, угроз или злоупотребления властью.

В конце XIX — начале XX века значительное влияние на преступность несовершеннолетних оказали социальные факторы: бедность, безработица, беспризорность, отсутствие образования. По данным Т. Ю. Лиховой, с 1884 по 1895 гг. число несовершеннолетних осужденных возросло на 15 %, тогда как рост преступности среди взрослых со-

ставил лишь 7 % [4, с. 46]. Эти тенденции обусловили необходимость законодательного усиления защиты детей от криминального влияния.

После Октябрьской революции 1917 года проблема вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность приобрела особую остроту в условиях Гражданской войны, разрухи и беспризорности. Декрет СНК РСФСР от 4 марта 1920 года и последующая Инструкция комиссии по делам несовершеннолетних предусматривали выявление и привлечение к ответственности взрослых лиц, склонявших детей к совершению общественно опасных деяний [5].

УК РСФСР 1922 и 1926 годов не содержали самостоятельного состава преступления, однако с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 года ответственность за подстрекательство несовершеннолетних была чётко установлена: такие лица подлежали наказанию не менее пяти лет лишения свободы [6]. Данная норма вошла в уголовные кодексы союзных республик, что свидетельствовало о выработке общегосударственного подхода к защите детства.

В Основах уголовного законодательства 1958 года (ст. 34 п. 6) подстрекательство несовершеннолетних к преступлениям было признано обстоятельством, отягчающим ответственность, а УК РСФСР 1960 года (ст. 210) впервые выделил вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность в качестве самостоятельного состава преступления [7]. Пленум Верховного Суда СССР в постановлениях 1969, 1976 и 1986 гг. неоднократно разъяснял судебную практику по таким делам, обеспечивая единообразное применение закона.

В Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года в главе 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних» законодатель закрепил ст. 150, предусматрива-

ющую ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в преступление путем обещаний, обмана, угроз или иными способами. В последующих частях статьи предусмотрены квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки, что отражает современную дифференциацию ответственности и учет степени общественной опасности.

Современные социальные предпосылки установления этой ответственности связаны с новыми вызовами — влиянием криминальных сообществ, распространением наркотиков, алкоголя, а также рисками цифровой среды. Законодательство отражает стремление государства к гуманистическому подходу, защите личности несовершеннолетнего и формированию нравственно безопасного социального пространства.

Историко-правовой анализ показывает, что установление уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность является результатом длительного развития правовой системы, тесно связанного с социальными изменениями. На ранних этапах предпосылкой выступала необходимость ограничения родительского произвола; в эпоху Петра I — формирование государственной опеки над детьми; в XIX веке — рост социальной дифференциации и подростковой преступности; в советский период — борьба с беспризорностью и укрепление моральных основ общества; в современности — защита несовершеннолетних от новых форм криминального влияния. Таким образом, современная норма, закреплённая в статье 150 УК РФ, представляет собой итог многовековой эволюции и отражает гуманистические принципы уголовного права, направленные на охрану детства как высшей социальной ценности и приоритета государственной политики.

Литература:

1. Николаева, Ю. В. Уголовная политика в сфере защиты прав несовершеннолетних в дореволюционной России / Ю. В. Николаева // Образование и право. — 2019. — № 5. — С. 181–198. — Текст: электронный. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-politika-v-sfere-zaschity-prav-nesovershennoletnih-v-dorevolutsionnoy-rossii/viewer> (дата обращения: 07.10.2025).
2. Павлов, Д. В. История развития отечественного уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественную деятельность / Д. В. Павлов // Ленинградский юридический журнал. — 2009. — № 4. — С. 121–128. — Текст: электронный. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-otechestvennogo-ugolovnogo-zakonodatelstva-predusmatrivayushchego-otvetstvennost-za-vovlechenie> (дата обращения: 07.10.2025).
3. Благодетелева, Е. Д. Правовая культура Российской империи (XVIII — начало XX в.) / Благодетелева Е. Д. // История государства и права: научно-правовое издание. — Москва. — 2010. — № 19. — С. 29–31. — Текст: электронный. — URL: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=26&art=1659> (дата обращения: 07.10.2025).
4. Лихова Т. Ю. Преступность несовершеннолетних и ее причины в дореволюционный период / Т. Ю. Лихова // Законность. — 2011. — № 9. С. 46–48. — Текст: электронный. — URL: https://www.elibrary.ru/ip_restricted.asp?rpage=https%3A%2F%2Fwww%2Eelibrary%2Eru%2Fitem%2Easp%3Fid%3D16992502 (дата обращения: 07.10.2025).
5. Декрет СНК РСФСР от 04.03.1920 г. «О делах о несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях». — Текст электронный // Справочная правовая система КонсультантПлюс. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17617#RDkr0zUth5rTH841> (дата обращения: 07.10.2025).
6. Постановление ЦИК СССР № 3, СНК СССР № 598 от 07.04.1935 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних. — Текст электронный // Справочная правовая система КонсультантПлюс. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=19034#sUMr0zU2Xjw6xIvX> (дата обращения: 07.10.2025).

7. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996). — Текст электронный // Справочная правовая система КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 07.10.2025).

Общая характеристика и признаки договора участия в долевом строительстве

Семянников Владислав Алексеевич, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Данное исследование рассматривает общее понятие и признаки договора участия в долевом строительстве на основании законодательства Российской Федерации. Определена специфика долевого участия в долевом строительстве, правовые аспекты сделок по долевному строительству, содержание договора долевого участия.

Ключевые слова: долевое строительство, договор участия, нормативное регулирование, правовые аспекты.

На сегодняшний день актуальность приобретения собственного жилья населением постоянно повышается по причине нестабильности социально-экономической ситуации. Каждый гражданин Российской Федерации хочет чувствовать себя уверенным в завтрашнем дне. Однако, новостные ленты постоянно сосредоточены на информации о недобросовестных застройщиках, которые активно применяют в своей деятельности приемы недостроев, обмана дольщиков. Огромное количество населения России находится в процессе многолетних судов, причиной которых является право собственности, низкое качество строительства или недостаточный ремонт в приобретенных квартирах [4].

При этом важно понимать, что при соблюдении нормативно-правовых требований покупка недвижимости выступает удачным и выгодным вложением, так как в этом процессе использовались все преимущества договора участия в долевом строительстве.

Целью данной статьи является изучение особенностей и признаков договора участия в долевом строительстве.

Договор долевого участия является документом, который закрепляет в себе отношения между застройщиком и покупателем даже в том случае, если многоквартирный дом не построен, а только существует в проектной части.

На сегодняшний день приобретение покупки квартиры на этапе строительства является очень популярным, так как стоимость недвижимости значительно ниже, чем при покупке готового жилья. Большая часть населения рассматривает договор долевого участия как единственный вариант приобретения квартиры.

В случае заключения договора долевого участия приобретается не собственно жилая площадь. Объектом покупки выступает доля в строительстве, непосредственно право на квартиру, которая в дальнейшем будет частью постройки. Такая ситуация является выгодной не только для покупателя, но и для застройщика по причине получения денежных средств, в дальнейшем используем для процесса строительства [5].

Анализируя основные определения договора долевого участия, можно привести формулировку О. Г. Ершова, который указывает, «договор участия в долевом строительстве — это соглашение, по которому застройщик, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязуется лично или с привлечением иных лиц в обусловленный срок на переданные ему заемные (личные) денежные средства граждан и (или) юридических лиц (дольщиков) построить здание (сооружение) и после окончания строительства передать часть здания (сооружения) дольщикам, пропорционально вложенным с их стороны денежным средствам, а дольщики обязуются принять часть здания (сооружения) в целях оформления права собственности и оплатить деятельность застройщика» [7].

Данное определение в целом дает общее представление о договоре долевого участия. Однако, автор выделяет особенности природы денежных средств, которые вкладываются в строительство со стороны дольщика, что нельзя принять однозначно. Также необходимо указать на объект строительства, который в данном определении представлен не точно — исключительно как здание или сооружение, что может представлять проблему по причине отсутствия непосредственного определения для данных терминов. Также О. Г. Ершов не указывает на цель договора, обозначая исключительно мотив дольщика (физического лица). Он состоит во вступлении дольщика в отношения с застройщиком.

По этим причинам обратим внимание на следующее определение, которое предложено А. В. Дикуну: «по договору участия в долевом строительстве одна сторона (организатор участия в долевом строительстве), осуществляющая деятельность по привлечению денежных средств участников долевого строительства и их использованию, обязуется в предусмотренный договором срок обеспечить на принадлежащем ему земельном участке в соответствии с проектной документацией и информацией, содержащейся в проектной декларации, своими силами и (или) с привлечением других лиц выполнение работ по строительству (созданию) многоквартирного дома и (или)

иногo объекта недвижимости и после получения разрешения на ввод в эксплуатацию этих объектов передать соответствующее жилое или нежилое помещение, входящее в состав указанных объектов недвижимости (объект долевого строительства), участнику долевого строительства, а другая сторона (участник долевого строительства) обязуется уплатить обусловленную договором цену и принять объект долевого строительства при наличии разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости» [8].

Данное определение имеет также недостатки, так как не точно определяет объект долевого строительства. Однако, в целом оно отражает специфику договора долевого участия.

Договор долевого участия — это гражданско-правовой договор. Для понимания его сущности необходимо точное определение правовой характеристики. Договор участия в долевом строительстве является по своей природе двусторонним, возмездным и консенсуальным [5].

На основании предложенных определений можно утверждать, что договор долевого участия представляет собой соглашение, заключаемой между застройщиком и покупателем. Договором гарантируется получение инвестиций в строительство для застройщика. Покупатель же получает долю в строительстве. Нормативные акты, регулирующие действие данного договора, указывают, что покупатель приобретает не товар, а вкладывает финансовые средства, получая при этом права дольщика.

Безусловно, такой сложный договор должен иметь серьезные основы правового регулирования отношений. На сегодняшний день в РФ договор долевого участия регулируется прежде всего Конституции Российской Федерации, которая в ч.1 статьи 40 указывает: «Каждый имеет право на жилище». Никто не может быть произвольно лишен жилища» [1].

Также в законодательстве России принят основной нормативно-правовой акт, который непосредственно направлен на регулирование отношений в сфере долевого строительства — Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве много-

квартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о долевом строительстве, Закон № 214-ФЗ) [2].

Данный закон может быть признан в качестве основного регулятора процесса функционирования не только долевого строительства, но и заключения договоров долевого участия, так как в нем учтены все нюансы заключения и расторжения, изменений, права и обязанности сторон. При этом важно указать, что законодательство России чутко реагирует на все изменения, происходящие в обществе, что отражается в своевременном внесении дополнений в законодательный акт с целью полной защиты сторон-участниц договора.

Закон ФЗ-214 строго регулирует содержание договора. Законодательно установлена обязательность прописывания даты (или срока) сдачи объекта, особенности оплаты и цены, полной информации об объекте, гарантийных сроков и условий участия в долевом строительстве [2].

Действительной договора долевого участия подтверждается внесением его в базу Росреестра.

Также важно указать основные преимущества договора долевого строительства. Долевое строительство имеет больше положительных сторон, чем отрицательных. Так, первым преимуществом можно признать серьезные обязательства со стороны застройщика, невыполнение которых диктует необходимость возврата денежных средств покупателю. Вторым преимуществом является страхование вложений в агентстве по страхованию вкладов. Для дольщика существует обязательная возможность страхового возмещения в случае невозможности строительства. Еще одним преимуществом долевого строительства является регистрация договора в Росреестра, что не позволяет реализовать возможность повторной регистрации на одну и ту же квартиру. Четвертым преимуществом является наличие гарантийных обязательств, которые даются изначально застройщиком. И самым главным преимуществом в процессе заключения договора долевого участия является возможно получения недвижимости по очень выгодной цене.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием от 12. 12. 1993) (В редакции Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Федеральный закон от 30 декабря 2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 26.12.2024) // Российская газета. 2004. 31 дек.
3. Бочарова О. Ф., Цыпкин А. Ю. Изменение строительного рынка при переходе к проектному финансированию// Экономические исследования и разработки. 2024. № 5 С. 26–31
4. Брагинский М. И. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — М.: Статут, 2021. 412 с.
5. Гареев И. Ф., Ефросиньина С. А. Долевое строительство: внимание исследователей, тенденции рынка и перспективы развития // Жилищные стратегии. 2022. Том 4. № 3. С. 193–214.
6. Горбачев С. Г. Правовая природа ДДУ объектов недвижимости и его место среди иных видов договоров // Адвокат. 2022. № 4. С. 12–18.

7. Дикун А. В. Договор участия в долевом строительстве: проблемы теории и правоприменительной практики: дис.... канд. юрид. наук. / А. В. Дикун. — Ростов н/Д, 2011. 167 с.
8. Ершов О. Г. Договор участия в долевом строительстве в системе гражданско-правовых договоров // Нотариус. — 2007. — № 2. С. 21–28.

Концессионные соглашения в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами: порядок заключения соглашений без проведения конкурса

Солдатова Алиса Владимировна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье исследуется новый порядок заключения концессионных соглашений в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами, которым предусматривается заключение концессионных соглашений без проведения конкурсных процедур, с концессионерами, определенными распоряжением Правительства РФ. Анализируются нормативные правовые акты, связанные с заключением таких концессий, дается оценка их эффективности, в разрезе возможности достижения целей, для которых такие правовые акты были приняты, а также даются рекомендации по изменению и улучшению нормативных документов в сфере концессионного законодательства в отношении порядка заключения концессионных соглашений без проведения конкурса в целях создания объектов обращения с твердыми коммунальными отходами.

Ключевые слова: концессионное соглашение, ТКО, отходы, концессия без проведения конкурса.

В настоящее время концессионные соглашения являются эффективным механизмом и инструментом для привлечения инвестиций в экономику РФ. В 2024 году Указом Президента РФ № 309 от 07.05.2024 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» был дан старт действия национальному проекту «Экологическое благополучие», частью которого является федеральный проект «Экономика замкнутого цикла», и основные задачи и целевые показатели которого выражаются в следующем:

— формирование экономики замкнутого цикла, обеспечивающей к 2030 году сортировку 100 процентов объема, ежегодно образуемых твердых коммунальных отходов;

— захоронение не более чем 50 процентов таких отходов и вовлечение в хозяйственный оборот не менее чем 25 процентов отходов производства и потребления в качестве вторичных ресурсов и сырья [1].

Статья 37 федерального закона № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее — Закон о концессионных соглашениях) предусматривает возможность заключения концессионного соглашения без проведения конкурса, с концессионером, определенным решением Правительством Российской Федерации [2]. Для сферы обращения с твердыми коммунальными отходами такая возможность была реализована посредством принятия 20.03.2025 г. Правительством Российской Федерации Распоряжения № 649-р «О Перечне организаций, определенных концессионерами, с которыми субъектами Российской Федерации могут быть заключены концессионные соглашения без проведения конкурса, на основании которых осуще-

ствляются создание и (или) реконструкция объектов, на которых осуществляется обработка, накопление, утилизация, обезвреживание, размещение твердых коммунальных отходов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результатов федерального проекта «Экономика замкнутого цикла» национального проекта «Экологическое благополучие» [3].

Согласно сведениям, представленным Публично-правовой компанией «Российский экологический оператор» (ППК РЭО), принятие Распоряжения Правительства РФ № 649-р от 20.03.2025 г. направлено на ускорение создания инфраструктуры обращения с ТКО, документ позволит 19 субъектам РФ максимально сократить сроки прединвестиционной стадии проектов. Также согласно данным ППК РЭО Распоряжение Правительства РФ № 649-р от 20.03.2025 г. было принято в связи со сложностями ведения инвестиционной деятельности в отдельных субъектах РФ и отсутствием инвесторов, готовых к долгосрочным инвестициям в проекты, а также с затянутыми сроками проведения конкурсных процедур и заключения концессионных соглашений, которые составляют более 12 месяцев, что приводит к соответствующему удорожанию стоимости проектов [5].

Анализируя нормативные правовые акты, регламентирующие заключение концессионных соглашений с концессионерами, определенными решением Правительства РФ, стоит отметить что ч. 3 ст. 22 Федерального закона № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» предусматривает, что в случае если федеральным законом предусмотрено заключение концессионного соглашения без проведения конкурса, решением о заключении концессионного

соглашения устанавливаются условия концессионного соглашения, порядок заключения концессионного соглашения и требования к концессионеру, однако федеральным законодательством не предусмотрен порядок принятия такого решения о заключении концессионного соглашения, не определен общий для всех концессионеров и субъектов РФ регламент и сроки направления и рассмотрения проектов концессионных соглашений, не определен механизм и основания для принятия субъектом РФ решения о заключении концессионного соглашения с концессионером, определенным решением Правительством РФ.

Таким образом можно сделать вывод о том, что каждый субъект РФ должен самостоятельно определять порядок и сроки принятия решения о заключении концессионного с концессионером, определенным решением Правительства РФ.

В качестве примера можно привести нормативную правовую базу в отношении заключения концессионных соглашений, с лицом определенным решением Правительства РФ, применяемую в Самарской области. В соответствии с распоряжением Правительства Самарской области № 443 от 21.07.2015 г. «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О концессионных соглашениях» на территории Самарской области» для лиц, определенных распоряжением Правительства РФ, применяется общий порядок рассмотрения предложения о заключении концессионного соглашения, также, как и для лиц, выступающих с инициативой заключения концессионного соглашения, в соответствии со статьей 37 Закона о концессионных соглашениях, за исключением применения порядка проведения конкурсных процедур, предусмотренного пунктами 4.7–4.11 статьи 37 Закона о концессионных соглашениях [4].

В соответствии с распоряжением Правительства Самарской области № 443 от 21.07.2015 г., порядок рассмотрения предложения о заключении концессионного соглашения, с лицом определенным решением Правительства РФ (далее — порядок), содержит следующие обязательные процедуры в установленные сроки:

- направление предложения о заключении концессионного соглашения и пакета документов, предусмотренного постановлением Правительства РФ № 300 от 31.03.2015 г. «Об утверждении формы предложения о заключении концессионного соглашения с лицом, выступающим с инициативой заключения концессионного соглашения»;

- рассмотрение в десятидневный срок всеми заинтересованными органами исполнительной власти предложения о заключении концессионного соглашения;

- в случае если стоимость создания (реконструкции) объекта соглашения превышает 1 млрд. рублей принятие решения о заключении концессионного соглашения, принятие решения о заключении концессионного соглашения на иных условиях или принятие решения о невозможности заключения соглашения на предложенных условиях, на заседании Правительства Самарской области;

- в случае если стоимость создания (реконструкции) объекта соглашения не превышает 1 млрд. рублей принятие решения о заключении концессионного соглашения, принятие решения о заключении концессионного соглашения на иных условиях или принятие решения о невозможности заключения соглашения на предложенных условиях, на заседании рабочей группы, в которую входят все ответственные органы исполнительной власти;

- направление в десятидневный срок копии решения лицу, направившему соответствующее предложение о заключении концессионного соглашения.

Особо стоит отметить, что в соответствии с абзацем 1 пункта 14 порядка, в случае если принимается решение о заключении концессионного соглашения на иных условиях, в срок не превышающий 12 месяцев со дня принятия решения о заключении концессионного соглашения на иных условиях, проводятся переговоры в форме заседаний рабочей группы и потенциального концессионера в целях обсуждения иных условий концессионного соглашения и порядка их согласования по результатам переговоров, а в соответствии с абзацем 2 пункта 14 порядка, в случае если предложение о заключении концессионного соглашения содержит включает в себя создание нескольких объектов, указанных в части 1 статьи 4 Закона о концессионных соглашениях и (или) реализация концессионного соглашения планируется в рамках федеральных и (или) национальных проектов РФ, переговоры проводятся в срок не превышающий 24 месяца со дня принятия решения о заключении концессионного соглашения.

Стоит отметить тот факт, что помимо возможного согласования условий концессионного соглашения в срок до 24 месяцев, условиями концессионного соглашения помимо создания (реконструкции) объекта соглашения, которое в среднем занимает не менее 24 месяцев, может предусматриваться также и разработка проектной документации по созданию (реконструкции) объекта концессионного соглашения, на что по общим оценкам отводится не менее 12 месяцев, также как правило общие сроки по концессионному соглашению должны включать в себя привлечение финансирования в проект, предоставление концессионеру земельного участка для создания (реконструкции) объекта соглашения.

Как показано на примере нормативной правовой базы Самарской области, с учетом совокупности сроков, которые могут потребоваться для согласования условий концессионного соглашения, проектирования и создания (реконструкции) объекта концессионного соглашения, возникает большой риск не достижения целей, показателей и результатов федерального проекта «Экономика замкнутого цикла» национального проекта «Экологическое благополучие», в сроки установленные Указом Президента РФ № 309 от 07.05.2024 г., а именно создание мощностей по обращению с отходами к 2030 году.

Для того чтобы эффективно достигать целей любого национального проекта РФ, должна быть соответствующая нормативная правовая база.

На примере национального проекта «Экологическое благополучие», являющегося частью федерального проекта «Экономика замкнутого цикла», предлагается внести следующие изменения в законодательную базу, путем внесения изменений в Распоряжение Правительства РФ № 649-р от 20.03.2025 г. «О Перечне организаций, определенных концессионерами, с которыми субъектами Российской Федерации могут быть заключены концессионные соглашения без проведения конкурса, на основании которых осуществляются создание и (или) реконструкция объектов, на которых осуществляется обработка, накопление, утилизация, обезвреживание, размещение твердых коммунальных отходов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результатов федерального проекта «Экономика замкнутого цикла» национального проекта «Экологическое благополучие»:

1. Разработать единый для всех субъектов РФ порядок по заключению концессионных соглашений с концессионерами, определенными Распоряжением Правительства РФ № 649-р от 20.03.2025 г., с установлением сроков по рас-

смотрению проектов концессионных соглашений и заключению таких соглашений, которые будут направлены на достижение целей и сроков, установленных Указом Президента РФ № 309 от 07.05.2024 г., например, установив общий срок по заключению концессионных соглашений, который должен составлять не более 6 месяцев с даты направления потенциальным концессионером соответствующего предложения.

2. Разработать в качестве приложения к порядку по заключению концессионных соглашений с концессионерами, определенными Распоряжением Правительства РФ № 649-р от 20.03.2025 г., типовую форму концессионного соглашения в отношении создания объектов по обращению с отходами, обязательную для применения такими концессионерами, что позволит минимизировать риски долгого согласования заинтересованными органами исполнительной власти отдельных положений концессионного соглашения, типовая форма концессионного соглашения должна учитывать все аспекты создания (реконструкции) объектов обращения с отходами, с учетом отраслевой специфики.

Литература:

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // Справочная правовая система «Консультант плюс». Версия Премиум смарт-комплект проф.
2. О концессионных соглашениях [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 21.07.2005 N 115-ФЗ (в редакции от 23.07.2025) // Справочная правовая система «Консультант плюс». Версия Премиум смарт-комплект проф.
3. О перечне организаций, определенных концессионерами, с которыми субъектами Российской Федерации могут быть заключены концессионные соглашения без проведения конкурса, на основании которых осуществляются создание и (или) реконструкция объектов, на которых осуществляется обработка, накопление, утилизация, обезвреживание, размещение твердых коммунальных отходов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результатов федерального проекта «Экономика замкнутого цикла» национального проекта «Экологическое благополучие» [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства РФ от 20.03.2025 N 649-р // Справочная правовая система «Консультант плюс». Версия Премиум смарт-комплект проф.
4. О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О концессионных соглашениях» на территории Самарской области [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Самарской области от 21.07.2015 № 443 (в редакции от 07.05.2025) // Справочная правовая система «Консультант плюс». Версия Премиум смарт-комплект проф.
5. ППК «Российский экологический оператор» [Электронный ресурс]: «Правительство РФ определило регионы для ускоренного создания 36 комплексных объектов обращения с ТКО». 2025 // URL <https://reo.ru/tpost/fnabcyucel-pravitelstvo-rfopredelilo-regioni-dlya-u> (дата обращения 04.10.2025).

Актуальные проблемы борьбы с коррупцией в России

Степанов Алексей Алексеевич, студент
Московский университет «Синергия»

В статье анализируются современные тенденции и противоречия уголовно-правового противодействия коррупции в России. Обсуждаются влияние международных обязательств и национальных планов, динамика регуляторных новаций, практика Пленума Верховного Суда РФ, а также статистические тренды. Показано, что устойчивость коррупционных практик обусловлена сочетанием институциональных и криминологических факторов, тогда как правоприменение сталкивается с проблемами доказывания, оценки предмета взятки и конфликта интересов. Обосновываются

приоритеты развития: уточнение составов преступлений, усиление конфискационных механизмов и интеграция комплаенс-инструментов. В тексте используются многочисленные ссылки на российскую доктрину, учебники 2020–2024 гг., действующие нормативные акты и актуальные эмпирические данные.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, коммерческий подкуп, уголовное право, Пленум ВС РФ, конфискация, незаконное обогащение, антикоррупционная политика.

Current problems of the fight against corruption in Russia

Stepanov Alexey Alekseevich, student
Moscow University «Synergy»

Keywords: corruption, bribery, commercial bribery, criminal law, Supreme Court plenary rulings, confiscation, illicit enrichment, anti-corruption policy.

Коррупция, как известно, не сводится к индивидуальной девиантности; это сложный институт, подпитываемый дисбалансом стимулов и пробелами формальных правил [2, с. 45–52], [7, с. 9–12]. В российской научной традиции её изучение соединяет общетеоретические и отраслевые подходы: от уголовно-правовой квалификации до организационно-правовых профилактических мер [1, с. 15–19], [6, с. 112–118]. При этом, несмотря на многолетние реформы, индикаторы восприятия коррупции остаются низкими, что задаёт контекст для обсуждения «узких мест» уголовного закона и правоприменения [12, с. 5].

Базой выступают принципы и институты, закреплённые в Федеральном законе «О противодействии коррупции», который системно определяет профилактику, минимизацию последствий и координацию органов [8; 1, с. 31–36]. Национальный план на 2021–2024 гг. зафиксировал административные и правовые приоритеты (доведение ограничений, урегулирование конфликта интересов, антикоррупционная экспертиза актов) [9], [6, с. 141–149]. В уголовно-правовой части «каркасом» остаются положения УК РФ о взяточничестве, служебных злоупотреблениях и коммерческом подкупе, интерпретируемые через разъяснения Пленума ВС РФ [10, п. 12], [11, п. 9], [4, с. 540–548].

Сопоставление внутреннего права с Конвенцией ООН против коррупции выявляет известный диссонанс: Россия ратифицировала Конвенцию, но не имплементировала ст. 20 о незаконном обогащении как самостоятельный состав, что сказывается на доказательных стандартах и «стоимостной» оценке преступлений [5, с. 887–894].

По данным Генеральной прокуратуры РФ и медиасводок на основе ведомственной статистики, в I квартале 2025 г. выявлено 15 458 коррупционных преступлений (на 24 % больше года к году), при этом доля взяточничества достигла 60,9 % [15], [16], [17]. Такой рост одновременно интерпретируется как повышение выявляемости и как индикатор расширения «серых зон» госзакупок и распределительных процедур [7, с. 169–176; 18, с. 20.1]. Для уголовной политики это означает рост нагрузки на квалификацию по «крупным» и «особо крупным» эпизодам и на оценку предмета взятки [3, с. 256–260].

С международной стороны, CPI-2024 фиксирует у России 22/100 баллов, что подтверждает системные проблемы контроля и подотчётности [12, с. 5; 2, с. 113–118]. Отсюда — необходимость сквозных мер: от декларирования и контроля расходов до расширения конфискации и гражданско-правового возврата активов [1, с. 97–103].

Разъяснения Пленума ВС РФ № 24 от 09.07.2013 г. (в ред. 24.12.2019 г.) и № 58 от 22.12.2015 г. стандартизируют подходы к оценке предмета взятки (включая имущественные права и услуги), к моменту окончания состава и к назначению наказания [10, п. 1, 12], [11, п. 11]. Однако, во-первых, цифровизация платежей создаёт новые формы «маскировки» встречных предоставлений (электронные кошельки, токенизированные активы), во-вторых, остаются проблемы разграничения подарка и взятки с учётом служебного положения [4, с. 552–558], [5, с. 900–906]. В учебной и научной литературе предлагается усилить дефиниции «конфликта интересов» и «неправомерного преимущества», чтобы сократить «серую зону» квалификации [2, с. 211–218], [1, с. 62–66].

Современная уголовная политика закономерно смещается к расширенной конфискации и гражданско-правовым искам о взыскании ущерба — иначе наказание теряет превентивный смысл [3, с. 370–375], [5, с. 1030–1038]. Судебные разъяснения требуют денежной оценки предмета взятки, что усиливает роль экспертизы и экономических доказательств [11, п. 12–13], [4, с. 560–563]. В условиях неимплементации отдельного состава «незаконного обогащения» компенсировать пробел возможно расширением перечня отмывочных составов и упрощением доказывания несоответствия расходов легальным доходам в специальных производствах [2, с. 254–259].

Статистически «ядро» составов образуют получение/дача взятки и посредничество, но не меньшую угрозу несут злоупотребление полномочиями и превышение должностных полномочий как «ворота» коррупционных рент [4, с. 548–556]. В секторальном разрезе наибольшие риски устойчиво фиксируются в закупках, контроле-надзоре и земле-имущество, где действует эффект информационной асимметрии и непрозрачности процедур [2, с. 180–188], [7, с. 219–231]. Актуальные данные Генпрокуратуры

о росте доли крупных и особо крупных взяток в 2025 г. дополнительно подчёркивают системный характер проблемы выявления «верхних этажей» коррупции [16], [17].

Во-первых, доктринально и законодательно упрочить оценочные признаки в составах (предмет взятки, неправомерность преимущества) через примечания к статьям и отсылки к Пленуму — это снизит дисперсию квалификации [5, с. 905–910]. Во-вторых, пересмотреть конфискационные механизмы: расширенная конфискация и процессуальный «переворот бремени» в специальных производствах по активам, полученным преступным путём [3, с. 372–375], [1, с. 130–134]. Наконец, системно поддерживать правоприменителя методическими письмами и обновлением разъяснений Пленума с учётом ци-

фровых платежных сервисов и токенизированных активов [11, п. 11–13], [4, с. 560–563].

Таким образом, уголовно-правовой блок противодействия коррупции в России развивается эволюционно, но в условиях «институциональной вязкости». Чтобы выйти из ловушки низких показателей и высокой латентности, требуется синхронная донастройка: ясность составов, агрессивная конфискация, подкреплённая экономической экспертизой, и повсеместные комплаенс-процедуры в секторах, где формируются регуляторные ренты [1, с. 130–134], [2, с. 254–259], [12, с. 5]. Стратегически важно не только наказывать, но и менять стимулы — через прозрачные процедуры, цифровые следы и реальную защиту «сигнализирующих» лиц [13], [2, с. 211–218].

Литература:

1. Правовые основы противодействия коррупции: учебник и практикум для вузов / А. И. Землин, О. М. Землина, В. М. Корякин, В. В. Козлов; под общ. ред. А. И. Землина. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2024. — 198 с. — ISBN 978–5–534–09254–7. (Высшее образование).
2. Антикоррупционная политика: учебник для вузов / под ред. Г. А. Сатарова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2023. — 396 с. — ISBN 978–5–534–11757–8. (Высшее образование).
3. Уголовное право в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник для вузов / отв. ред. А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2022. — 410 с. — ISBN 978–5–534–04853–7. (Высшее образование).
4. Сверчков В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов. — 9-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2022. — 707 с. — ISBN 978–5–534–15312–5. (Высшее образование).
5. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А. И. Рарога. — М.: Проспект, 2020. — 1345 с. — ISBN 978–5–392–30003–9.
6. Противодействие коррупции: учебник / под ред. А. В. Юрковского. — Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2024. — 360 с. — ISBN 978–5–907786–54–7. [Текст: электронный]. Доступ из сети Интернет. (дата обращения: 07.10.2025).
7. Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В., Цирин А. М. и др. Противодействие коррупции в контексте устойчивого развития: монография. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2024. [Электронный ресурс]. (дата обращения: 07.10.2025).
8. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (последняя ред., действующая). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы. (дата обращения: 07.10.2025).
9. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» (с изм. от 26.06.2023). [Электронный ресурс]. (дата обращения: 07.10.2025).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (в ред. от 24.12.2019 № 59) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». [Электронный ресурс]. (дата обращения: 07.10.2025).
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». [Электронный ресурс]. (дата обращения: 07.10.2025).
12. Transparency International. Corruption Perceptions Index 2024: Report. — Berlin, 2025. — 21 p. — ISBN 978–3–96076–266–9. [Электронный ресурс]. (дата обращения: 07.10.2025).
13. Федеральный закон от 08.03.2006 № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции ООН против коррупции». [Электронный ресурс]. (дата обращения: 07.10.2025).
14. Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции (рус. текст; вступила в силу для РФ 08.06.2006). [Электронный ресурс]. (дата обращения: 07.10.2025).
15. Генеральная прокуратура РФ. Раздел «Доклады, обзоры, статистическая информация» (о состоянии законности в сфере противодействия коррупции, 2024–2025). [Электронный ресурс]. (дата обращения: 07.10.2025).
16. РБК. Генпрокуратура раскрыла данные о коррупции в России (16.06.2025). [Электронный ресурс]. (дата обращения: 07.10.2025).
17. Коммерсантъ. Генпрокуратура сообщила о росте коррупционных преступлений на 24 % (16.06.2025). [Электронный ресурс]. (дата обращения: 07.10.2025).
18. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии. Особенная часть: учебник. — М.: Издательство Юрайт, 2022. — [эл. платформа]. (дата обращения: 07.10.2025).

Порядок возникновения правоотношений в приемной семье

Степанова Юлия Евгеньевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ладочкина Любовь Владиславовна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор исследует вопросы, касающиеся порядка возникновения правоотношений в приемной семье.

Ключевые слова: семья, ребенок, опека и попечительство, воспитание, содержание.

В период проведения правовых реформ 90-годов, законодатель вводит в Семейный кодекс РФ [1] новую, самостоятельную, договорную, возмездную форму устройства, получившую название «приемная семья». Изменения коснулись и деятельности субъекта РФ. За ними было закреплено право на создание, в соответствии с их законами, патронажной семьи.

Нововведения дали новый импульс и развитие форм устройства детей, утративших родительское попечение.

На сегодняшний день приемная семья является достаточно востребованной в обществе формой устройства детей и заключает в себе большой потенциал для дальнейшего развития. Конституционный принцип [2] защиты государством материнства, отцовства, детства, выступает в качестве правовой основы, на которой базируется деятельность по созданию и функционированию приемной семьи.

Ранее приемная семья рассматривалась семейным законодательством в качестве юридически самостоятельной формы, этот подход сохранен в нормах ФЗ «О дополнительных гарантиях социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [3].

Создание приемной семьи — сложный процесс, который включает в себя два взаимосвязанных последовательных этапа: преддоговорной этап и этап, связанный непосредственно с заключением договора.

Первый этап закладывает фундамент будущих отношений по созданию приемной семьи между органами опеки и попечительства, приемными родителями и детьми.

Мотивы, желания и намерения приемных родителей лежат за пределами преддоговорного этапа отношений, однако оказывают немаловажное значение для побуждения к заключению договора будущими приемными родителями. Подача заявления с просьбой дать заключение о возможности быть приемными родителями в орган опеки и попечительства является отправным моментом и точкой отсчета по созданию приемной семьи.

После получения заявления орган опеки и попечительства тщательно проверяет кандидатов в приемные родители на предмет соответствия их требованиям законодательства к возрасту, личности, состоянию здоровья, дееспособности. Указанные меры являются гарантией для обеспечения прав и законных интересов детей, подлежащих передаче в приемную семью.

Действующее законодательство предъявляет перечень требований к будущим приемным родителям, которые

должны не только обладать желанием взять на воспитание ребенка, но и могут исполнить надлежащим образом возложенные на них обязанности. Ребенок в такой приемной семье должен всесторонне развиваться не только физически, но и нравственно. В силу закрепления в Семейном кодексе РФ перечня лиц, которые не могут быть кандидатами в приемные родители, государство защищает детей, находящихся в полноценной семейной заботе.

Статья 146 СК РФ относит к числу лиц, которые ни при каких обстоятельствах не могут выступать в качестве приемных родителей: лиц, лишенных по суду родительских прав или ограниченных судом в родительских правах; лиц, имеющих неснятую или непогашенную судимость за тяжкие или особо тяжкие преступления; лиц, состоящих в заключенном браке между лицами одного пола; лиц, признанных судом недееспособными или ограниченно дееспособными, а также лиц, которые по состоянию здоровья не могут выполнять обязанности по воспитанию ребенка и т. д.

Немало опасений на практике возникает из-за стремления некоторых кандидатов на роль приемных родителей получить дополнительный источник дохода и улучшить свое материальное положение, взяв на воспитание приемного ребенка. Для пресечения злоупотребления правом закон указывает, что доход семьи приемных родителей должен быть не ниже прожиточного минимума, установленного в субъекте РФ, на территории которого создается приемная семья.

Чтобы предупредить возникновение приемной семьи лишь с целью улучшения материального положения приемных родителей, органам опеки и попечительства необходимо более детально изучать и оценивать финансовое состояние семьи.

Материальное вознаграждение за деятельность по воспитанию приемного ребенка, на наш взгляд, не должно быть единственным источником дохода семьи, родителей-воспитателей. В связи с этим, если приемную семью создает супружеская пара, то договор о передаче ребенка в приемную семью должен заключаться с одним из супругов, а другой супруг может трудиться по договору найма, заниматься предпринимательской или иной деятельностью, приносящей постоянный доход.

Орган опеки и попечительства осуществляет подбор приемных родителей из числа лиц, проживающих в данной местности, которые выразили желание и готовность взять на воспитание ребенка (детей) в свою семью. Процесс подбора включает ряд этапов. Прежде всего, не-

обходимо выявить у кандидата на роль приемного родителя способности воспитывать детей.

На данном этапе определяются мотивы, побуждающие человека к занятию такой деятельностью. Для этого кандидаты заполняют анкеты, проходят психологическое тестирование и тренинг.

Подготовка к работе по воспитанию приемных детей содержит в себе комплекс мероприятий, проводимых органами опеки и попечительства в целях приобретения приемными родителями навыков и приемов по воспитанию, общению с детьми, лишенными родительской заботы, что может выражаться в ознакомлении приемных родителей с законодательством о приемной семье, с особенностями ее деятельности.

Важной во всех отношениях проблемой на стадии преддоговорных отношений является проблема, связанная с порядком подбора и обучения лиц, желающих создать приемную семью. Действующее законодательство определяет наиболее общий подход к ее решению. В свою очередь субъекты РФ в своих нормативно-правовых актах зачастую дублируют положения федеральных актов о приемной семье. Такой подход представляется необоснованным. Здесь требуется дополнительная детальная регламентация на местном уровне, с учетом особенностей субъектов Федерации.

На данный момент также остается без внимания порядок информирования граждан об организациях, осуществляющих подготовку кандидатов в приемные родители, месте их расположения, контактных данных и режиме работы, который бы обеспечивал легкую доступность указанной информации для заинтересованных лиц.

Литература:

1. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16; 2024. № 48. Ст. 7212.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Российская газета. — 1993. — 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.
3. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // СЗ РФ. 1996. № 52. Ст. 5880; 2023. № 29. Ст. 5311.

Для решения этой проблемы органам опеки и попечительства, организациям, осуществляющим подготовку кандидатов в приемные родители, следует проводить информационные компании по привлечению потенциальных кандидатов в приемные родители на официальных сайтах органа опеки и попечительства и организаций в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и в средствах массовой информации.

Еще одним вопросом, который необходимо детально регламентировать на стадии обучения лиц, желающих создать приемную семью, является порядок прохождения подготовки кандидатов. Целесообразно при осуществлении обучения в приемные родители, нормативно закрепить возможность выбора удобной формы обучения для доступности такой процедуры всем желающим. При организации проведения подготовки в очно-заочной форме могут использоваться дистанционные методы обучения. Следует также предусмотреть возможность проведения подготовки для кандидатов в приемные родители в индивидуальном порядке. Ведь возникновение приемной семьи полностью зависит от доступности информации обучения для будущих приемных родителей.

СК РФ не содержит никаких ограничений и запретов в отношении детей, передаваемых в семью приемных родителей. И это, несомненно, правильно. Таким образом, каждый ребенок получает шанс обрести семью.

По итогам изложенного можно сделать вывод, что правовое регулирование порядка устройства детей, оставшихся без попечения родителей нуждается в комплексном изменении.

История зарождения и развития наследственного права в отечественном законодательстве

Ткаченко Марина Александровна, студент
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В данной научной статье рассматривается русско-византийский договор 911 года, заключенный киевским князем Олегом.

Ключевые слова: Псковская Судная Грамота, Соборное уложение, обычай, потомки.

По мнению И. Б. Новицкого, история отечественного законодательства наследственного права началась с русско-византийского договора 911 года, заключенного киевским князем Олегом [8, с. 20].

В соглашении оговаривались правила наследования собственности русских подданных на территории Византийской империи. При отсутствии завещания и родных в Византии все имущество умершего направлялось его близким в Русь. Однако, если умерший успел составить завещательный документ, то его воля исполнялась в точности, а ценности передавались указанным в бумаге наследникам.

В древнерусском праве существовало две формы передачи имущества после смерти владельца: наследственная и завещательная, последняя требовала документального оформления. Право на получение наследства имели только те близкие родственники, которые должны были отомстить за гибель члена семьи по обычаю кровной мести.

Как отмечает исследователь А. К. Граве, последующая эволюция института наследования нашла отражение в своде законов «Русская Правда», где наследуемое имущество именовалось «статком» или «задницей» — тем, что умерший оставлял после ухода в мир иной [1, с. 10].

«Памятник, перечисляя вещи, переходящие к наследникам, упоминает только движимости, дом, двор, товар, рабов, скот. О землях не говорится ни слова, потому что, не составляя в то время ещё объекта права частной собственности, они не могли переходить по наследованию.

При отсутствии завещания имущество переходит исключительно к родственникам умершего.

В древнерусском законодательстве особое внимание уделяется наследственным правам детей по отношению к родительскому имуществу. Примечательно, что признавались наследниками только дети законной супруги, а потомство от рабынь не имело прав на наследство.

Известный правовед О. С. Иоффе подчеркивает существовавшую гендерную иерархию: при наличии сыновей дочери лишались права наследования [6, с. 20].

Распределение имущества между сыновьями осуществлялось в равных долях, однако младшему брату предоставлялась особая привилегия — он получал отцовское жилище с прилегающей территорией.

Интересно, что часть наследуемого имущества обязательно передавалась церкви как пожертвование за упокой души, а вдова могла претендовать на определенную долю

при разделе наследства. При этом супруг не мог претендовать на имущество умершей жены [7, с. 40].

Наследственные правила того времени были довольно строгими. Когда человек умирал без наследников мужского и женского пола, все его добро отходило княжеской власти. Особые условия действовали для простолудинов (смердов) — даже при наличии дочерей, но отсутствии сыновей, имущество забирал князь. Дети получали наследство от матери только в том случае, если жили вместе с ней.

Псковская Судная Грамота выделяла два типа наследования: по письменному волеизъявлению умершего («приказное») и без такового («отморщина»). Эти способы передачи имущества стали независимыми друг от друга, хотя раньше были тесно связаны. Наследники по завещанию и без него имели разный объем прав и обязанностей. Документ о передаче имущества, именуемый «рукописанием» или «порядной», требовал обязательного письменного оформления [12, с.10].

По мнению известного правоведа Шершеневича, «наследование по закону стало охватывать не только прямых потомков, но и родственников по боковой линии. В частности, к наследникам были причислены как братья с сестрами, так и их дети — племянники, которых в то время называли «ближним племенем» [13, с. 10].

Наследственные права признаются не только за женою после мужа, но и обратно, притом не только на часть, а на пользование всем имуществом.

«Грамота призывает к наследованию и восходящих родственников, отца и мать. Для наследственного права Московского государства, получившего закрепление в Судебнике Ивана III (1497 г.), Судебнике Ивана IV (1550 г.) и Соборном уложении (1649 г.), характерны постепенное расширение круга наследников по закону за счет родственников по боковой линии до пятой степени родства и ограничение правомочий наследодателя за счет изъятия из свободного распоряжения отдельных видов недвижимого имущества, составлявшего, как правило, основную ценность наследства» [2].

В начале XIX века был принят Свод законов Российской империи, где были определены процесс получения наследства, основания для наследования и отношения по разделу имущества

В 1918 году был принят декрет ВЦИК РСФСР «Об отмене наследования», по наследству могло переходить иму-

щество стоимостью не свыше 10 000 рублей, остальное — собственность РСФСР [5].

После принятия декрета в апреле 1918 г. была создана новая система передачи трудового имущества преемникам, которая полностью упразднила прежние буржуазные нормы наследования, включая передачу капиталистической собственности потомкам. Декрет, принятый весной 1918 года, в девятой статье устанавливал пару ключевых условий для наследования собственности после смерти владельца. Наследуемое имущество должно было быть заработано личным трудом умершего, а его общая ценность не могла быть больше десяти тысяч рублей. «Регулированию наследственных отношений ГК РСФСР посвятил специальный раздел (ст. ст. 416–435)» [3].

Советская власть ввела жесткие меры по контролю за передачей имущества по наследству, стремясь предотвратить восстановление экономического влияния зажиточных слоев населения [10, с. 40].

Гражданским кодексом были установлены строгие финансовые лимиты: наследуемое имущество, как по закону, так и по завещанию, не могло превышать 10 тысяч золотых рублей после погашения задолженностей умершего. При превышении этой суммы избыток автоматически становился собственностью государства. Кроме того, законодательство существенно ограничивало список потенциальных наследников [9, с. 30].

21 мая 1962 года в VII разделе Основ гражданского законодательства СССР и созданных республик были прописаны права наследования [9, с. 30].

В Конституции России 1993 года вопросу наследственных правоотношений уделено минимальное внимание — всего одна фраза о гарантии права наследования, закрепленная в части 4 статьи 35.

Примечательно, что данное упоминание содержится в статье о праве частной собственности, что демонстрирует тесную взаимосвязь института наследования с институтом частного владения имуществом в российской правовой системе.

«До 2002 г. порядок наследования определялся Гражданским кодексом РСФСР, утвержденным Верховным Советом РСФСР 11 июня 1964 г.» [3].

Смена экономической модели в России потребовала масштабного пересмотра законодательной базы, включая положения о наследовании имущества. С появ-

лением третьей части ГК РФ в начале 2002 года был внедрен принципиально новый механизм регулирования наследственных вопросов [4]. Многочисленные пробелы в действующем законодательстве, противоречия между различными правовыми актами и частые обращения граждан в суды для решения даже очевидных вопросов наследования создали предпосылки для серьезного обновления нормативной базы в этой сфере.

Особенно остро встал вопрос о модернизации правил наследования ввиду несоответствия устаревших норм современным реалиям гражданского и семейного права.

«В связи с этим, 1 марта 2002 года вступила в силу третья часть Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), которая регулирует отношения в области наследственного права [4].

С 1 июня 2019 года в наследственном праве Российской Федерации применяется новое основание наследования — наследственный договор.

Правовой инструмент, заимствованный из германского права — наследственный договор — открывает новые возможности в российском законодательстве. Его уникальность заключается в том, что помимо стандартного распределения имущества после кончины, он позволяет возложить на наследника конкретные обязательства. При этом наследник, получая права на имущество, принимает на себя и все долговые обязательства умершего.

Особую ценность такой договор представляет для предпринимателей, желающих заранее спланировать будущие деловые операции, которые могут состояться уже после их смерти. Это позволяет обеспечить преемственность и стабильность бизнеса даже в случае ухода его владельца.

Договорные обязательства и право на судебную защиту интересов сторон могут оказаться весьма полезными. Проблемой остается отсутствие четкой регламентации конфликтных ситуаций, когда завещатель нарушает договоренности при распоряжении собственностью. Впрочем, подобные затруднения разрешимы путем обращения к альтернативным положениям гражданского права и сопутствующим нормативным документам.

Таким образом развитие и становление наследственного права в России имеет очень интересную и насыщенную историю, его нормы претерпевали различные изменения, которые были необходимы, чтобы достичь того результата, который мы имеем сейчас.

Литература:

1. Антимонов Б. С., Граве А. К. Советское наследственное право. М.: Госюриздат, 1955. С. 63.
2. Алексеев Ю. Г. Псковская Судная Грамота и ее время: развитие феодальных отношений на Руси в XIV-XV вв. М.: Наука М.: 1980. С.67.
3. Гражданский кодекс РСФСР (утвержден ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 14.05.2001) Ведомости ВС РСФСР. 1964.N 24. ст. 407. Документ утратил силу.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ.03.12.2001. N 49. ст. 4552.
5. Декреты Советской власти. Том II. 17 марта — 10 июля 1918 г. М.: Гос. издат-во политической литературы, 1959.
6. Иоффе О. С. Советское гражданское право. Курс лекций. Ч. 3. Л., 1965. С. 290.

7. Максютин К. В. Некоторые вопросы из истории развития Советского наследственного права / К. В. Максютин // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 178–180.
8. Новицкий И. Б. История советского гражданского права / И. Б. Новицкий. М.: Госюриздат, 1957. С.11.
9. Наследственное право по Своду законов Российской империи (1835- 1917 гг.) / Юридический портал «Закон сегодня» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lawtoday.ru/razdel/biblo/nasled-prav/D0C_003.php (дата обращения: 26.08.2025).
10. Синайский В. И. Русское гражданское право. М.: 2002 С.546.
11. Собрание узаконений РСФСР 1922. № 36. Ст. 423.
12. Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. М.: Наука 1997. С. 44.
13. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907г.). М., 1995. С.467.

Этапы расследования преднамеренного банкротства в контексте криминалистической систематизации расследования экономических преступлений

Трегуб Юлия Александровна, студент

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье автор исследует процесс расследования преднамеренного банкротства (ст. 196 УК РФ) через призму криминалистической систематизации. Актуальность работы обусловлена сложностью и латентностью данного преступления, требующего четкой методической основы для эффективного доказывания. Целью исследования является разработка структурированной этапной модели, интегрирующей расследование в общую систему борьбы с экономическими преступлениями.

В рамках исследования обосновывается модель, состоящая из пяти последовательных этапов, отражающих внутреннюю логику следственной деятельности. Для каждого этапа определяются его целевая направленность, конкретные задачи и система тактических приемов, которые формируют основу для эффективного доказывания и целесообразного использования оперативно-процессуальных средств. Предлагаемая систематизация призвана повысить методическое обеспечение следователей, занимающихся расследованием экономических преступлений.

Ключевые слова: *преднамеренное банкротство, доследственная проверка, возбуждение уголовного дела, правовая квалификация, следственные действия, доказательства, криминалистический анализ, информационно-доказательственная база, аффилированные структуры, ликвидные активы, фиктивные соглашения.*

Расследование преднамеренного банкротства (ст. 196 УК РФ) представляет собой сложно структурированную деятельность, эффективность которой находится в прямой зависимости от уровня ее методической организации. Специфика расследования данного вида преступления выражается в сложной взаимосвязи экономических и правовых аспектов, обуславливающих потребность в применении системного подхода. В контексте криминалистической систематизации представляется возможным выделить пять последовательных этапов расследования. Каждый из них обладает собственной целевой направленностью, специфическим комплексом задач и специализированным тактическим инструментарием, что в своей совокупности формирует стратегию процессуального доказывания и определяет специфику использования оперативно-розыскных и процессуальных средств.

Первый этап расследования преднамеренного банкротства — это доследственная проверка. Основная цель данной стадии заключается в формировании исходной информационно-доказательственной базы, достаточной для принятия процессуального решения о возбуждении

уголовного дела либо об отказе в возбуждении. В рамках доследственной проверки по делам о преднамеренном банкротстве перед органом предварительного расследования ставятся задачи комплексного установления фактических и правовых предпосылок несостоятельности должника. К числу приоритетных направлений относятся: идентификация круга взаимосвязанных хозяйствующих субъектов и аффилированных структур, определение состава, объема и дислокации ликвидных активов, установление последовательности их отчуждения, а также правовая и экономическая квалификация совершенных сделок с позиции их деловой цели и экономической обоснованности. Важно выявить признаки фиктивных и притворных соглашений, способных свидетельствовать о намеренном формировании неплатежеспособности.

Практическая реализация указанных задач требует оперативного документирования исходной финансово-хозяйственной информации: первичных бухгалтерских регистров, промежуточной и годовой отчетности, банковских выписок за ретроспективный период, договорной документации, актов инвентаризации, сведений из госу-

дарственных реестров (ЕГРН, ЕГРЮЛ, Федресурс). Обеспечение полноты и достоверности этой документации имеет принципиальное значение для предотвращения утраты следовой информации и последующего проведения экспертных реконструкций финансовых потоков.

В процессе проверки следователь обязан применять совокупность срочных процессуальных и организационно-тактических мер. К ним относятся истребование оригиналов и копий финансовых документов, регистрация электронных носителей информации, направление мотивированных запросов в кредитные организации, налоговые и контролирующие органы в порядке, а также инициирование ходатайств о применении временных обеспечительных мер в арбитражном процессе при наличии угрозы утраты активов. При необходимости оформляются протоколы осмотра и описи изъятых документов, назначаются предварительные финансово-бухгалтерские или экономические экспертизы для установления признаков умысла и предварительного расчета ущерба.

В научно-практической литературе подчеркивается значимость координации следователя с арбитражными управляющими, налоговыми органами и банковскими структурами, поскольку их информационные ресурсы позволяют оперативно подтвердить или опровергнуть данные о движении активов и финансовых обязательств, тем самым предотвращая разрушение доказательственной базы [1, с. 89].

Установленные законом временные пределы доследственной проверки обуславливают необходимость высокой оперативности процессуальных решений. Для экономических преступлений ключевым является минимизация временного разрыва между регистрацией сообщения о преступлении и проведением первичных следственных действий, направленных на сохранение бухгалтерских и банковских следов. С этой целью следователь разрабатывает структурированный алгоритм первичных действий, включающий приоритетные направления истребования документов, направления запросов и оформления ходатайств о временном аресте имущества в рамках арбитражного судопроизводства. Завершением стадии доследственной проверки является вынесение мотивированного процессуального решения в порядке ст. 145 УПК РФ, в котором фиксируются результаты проверки, их правовая оценка и принятое решение о возбуждении уголовного дела либо об отказе в нем.

Вторым этапом методики расследования выступает возбуждение уголовного дела, являющееся процессуальным рубежом, переводящим деятельность следователя из стадии проверочных мероприятий в фазу официального уголовного преследования. При наличии достаточных данных, свидетельствующих о признаках преступления, предусмотренного ст. 196 УК РФ, уполномоченное должностное лицо в порядке, регламентированном ст. 140 УПК РФ, выносит постановление о возбуждении уголовного дела. На данной стадии пред-

варительно собранная информация приобретает процессуально доказательственное значение, а следственные действия получают нормативную основу для последующего процессуального закрепления результатов.

Ключевым элементом этого этапа является корректная правовая квалификация содеянного. Следователь обязан не только констатировать наличие формальных признаков состава преступления, но и провести криминалистико-правовую дифференциацию между смежными составами: преднамеренным банкротством (ст. 196 УК РФ), фиктивным банкротством (ст. 197 УК РФ), мошенничеством (ст. 159 УК РФ), а также объективной хозяйственной несостоятельностью, обусловленной макроэкономическими или конъюнктурными факторами. Данное разграничение носит не только теоретическое, но и процессуально-практическое значение, поскольку обеспечивает соблюдение принципов презумпции добросовестности предпринимательской деятельности и недопустимости необоснованного уголовного преследования.

На стадии возбуждения уголовного дела производится идентификация круга предполагаемых субъектов преступления. К их числу, как правило, относятся руководители и контролирующие лица организации-должника, включая номинальных и фактических бенефициаров, а также лиц, выполнявших организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в период реализации противоправных действий. Установление их функциональной роли и взаимосвязей позволяет сформировать предварительную модель соучастия, что, в свою очередь, предопределяет выбор тактических приемов проведения допросов, очных ставок и иных следственных действий.

С процессуальной позиции возбуждение уголовного дела сопровождается комплексом обеспечительных мер, направленных на сохранность доказательственной базы. К числу таких мер относятся получение судебных санкций на проведение обысков и выемок, наложение ареста на имущество и счета должника, изъятие бухгалтерской, налоговой и банковской документации, а также электронных носителей информации. Эти действия имеют превентивное значение, поскольку направлены на предотвращение уничтожения, подделки или сокрытия документов, отражающих хозяйственные операции должника. Особое значение придается своевременному применению обеспечительных мер имущественного характера, в частности, аресту активов, ценных бумаг, корпоративных прав и иного имущества, составляющего предмет преступного посягательства. Невыполнение данных действий на раннем этапе способно привести к безвозвратной утрате доказательственных источников и имущественной базы, что существенно снижает эффективность дальнейшего расследования.

Третий, основной этап расследования преднамеренного банкротства — стадия следственных действий по собиранию и проверке доказательств. На данном этапе осуществляется системное формирование, исследование

и процессуальное закрепление доказательственной информации, необходимой для установления всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делам данной категории. Цель этой стадии заключается не только в накоплении доказательственного массива, но и в аналитической верификации выдвинутых следственных версий, что придает расследованию целостный и концептуально выстроенный характер [2, с. 103].

К числу приоритетных процессуальных действий относятся допросы должностных лиц должника, бухгалтеров, работников финансово-экономических служб, контрагентов, арбитражных управляющих и иных лиц, обладающих сведениями о фактическом финансовом состоянии предприятия. Данные следственные действия направлены не только на фиксацию фактических обстоятельств, но и на установление субъективной стороны преступления: мотивов, целей, осведомленности конкретных участников о реальном экономическом положении должника и их роли в схемах отчуждения активов. Важнейшее значение в этой связи приобретают показания работников бухгалтерии и лиц, осуществлявших управленческий или финансовый контроль, поскольку именно они способны подтвердить или опровергнуть наличие фиктивных операций, мнимых договоров и притворных сделок, используемых для маскировки преступного умысла.

Ключевую криминалистическую нагрузку на данном этапе несут обыски и выемки, обеспечивающие изъятие и процессуальное закрепление материальных носителей информации: бухгалтерских регистров, договорных документов, банковских выписок, актов сверок, распоряжений руководства, внутренней корреспонденции, а также электронных данных, содержащихся в корпоративных базах. Указанные действия должны проводиться с соблюдением требований ст. 182–183 УПК РФ, с обязательным протоколированием, описанием и идентификацией каждого изъятых документа, что исключает возможность его последующего оспаривания в судебном порядке. Изъятые материалы обладают высокой доказательственной ценностью, поскольку фиксируют следы противоправного вмешательства в хозяйственный оборот, позволяют установить последовательность сделок и восстановить структуру финансовых потоков, подтверждая причинно-следственную связь между действиями контролирующих лиц и состоянием неплатежеспособности должника.

В криминалистическом аспекте третья стадия расследования характеризуется сочетанием процессуальных и аналитических приемов, направленных на реконструкцию механизма преднамеренного банкротства. Эффективность ее реализации во многом зависит от координации следственных действий с оперативно-розыскными мероприятиями, а также от своевременного привлечения специалистов в области финансового анализа, бухгалтерского учета и информационно-компьютерных технологий.

Параллельно с этим назначаются специализированные судебные экспертизы, без которых расследование дел

о преднамеренном банкротстве невозможно. Наиболее востребованными являются:

- финансово-экономическая экспертиза, позволяющая установить реальное состояние платежеспособности должника и выявить признаки искусственного формирования задолженности;

- судебно-бухгалтерская экспертиза, направленная на выявление искажений отчетности, фиктивных или мнимых операций;

- компьютерно-техническая экспертиза, применяемая для анализа электронных баз данных, переписки и следов изменения бухгалтерских программ.

Четвертый этап представляет собой стадию аналитической обработки доказательственного массива. По завершении активной фазы собирания доказательственной информации наступает этап ее комплексного системного анализа, который выступает одним из ключевых направлений криминалистической деятельности, ориентированной на формирование доказательственного фундамента по делам о преднамеренном банкротстве. Цель данного этапа состоит не только в обобщении, классификации и интерпретации полученных материалов, но и в построении логически непротиворечивой и доказательно обоснованной модели преступного события, обеспечивающей переход от разрозненного массива эмпирических данных к целостной реконструкции механизма совершения противоправного деяния.

Собранные документы, результаты следственных действий и материалы оперативно-розыскного характера подвергаются многоуровневой аналитической обработке, включающей криминалистическое структурирование хозяйственно-финансовых операций, установление причинно-следственных взаимосвязей между ними, выявление повторяющихся алгоритмов вывода активов и трансформации имущественных потоков. Особое внимание уделяется анализу юридической природы заключенных сделок, их соответствия принципам добросовестности и эквивалентности рыночных условий, а также выявлению признаков мнимости, притворности и фиктивности договорных конструкций. Важным элементом аналитической стадии выступает установление временной синхронности и функциональной сопряженности хозяйственных операций, что позволяет объективно констатировать наличие единого преступного умысла и согласованных действий между участниками схемы преднамеренного банкротства.

Основным направлением аналитической деятельности на данном этапе выступает проведение сравнительно-правового и документально-аналитического исследования финансово-хозяйственной документации, включающего сопоставление бухгалтерских регистров, налоговой отчетности, банковских выписок и иных источников финансовой информации. В процессе такого сопоставления выявляются структурные и содержательные несоответствия, позволяющие сформировать промежуточные криминалистические выводы о характере и направленности финансовых потоков, их искусственном обособлении от

основных расчетных счетов, а также фактах манипулирования стоимостью активов посредством их фиктивного завышения или занижения. Полученные результаты обладают двойственным значением: с одной стороны, они формируют доказательственную основу, обеспечивающую обоснованность выводов следствия, а с другой — служат исходными ориентирами для формулирования вопросов, выносимых на разрешение финансово-экономических и бухгалтерских экспертиз.

На данном этапе осуществляется также процесс криминалистической версификации, предполагающий уточнение и конкретизацию следственных версий, установление окончательного круга участников преступной деятельности и распределение ролей в зависимости от степени и характера участия (организатор, исполнитель, пособник, соучастник). При этом аналитическая работа базируется на корреляции данных, полученных в ходе допросов, обысков, выемок и экспертных исследований, что обеспечивает комплексное установление субъективной стороны преступления, выявление мотивационно-волевой составляющей деяния и степени осведомленности каждого из участников о противоправном характере совершаемых действий.

Заключительный этап расследования преднамеренного банкротства представляет собой процессуальное завершение предварительного следствия и реализацию его результатов в форме обвинительного заключения, направляемого в суд. На этом этапе следователь осуществляет систематизацию материалов, формируя логически непротиворечивую конструкцию обвинения, в которой последовательно отражаются установленные элементы состава преступления, юридическая квалификация деяния по ст. 196 УК РФ и обоснование наличия прямого умысла у обвиняемых. Особое внимание уделяется криминалисти-

ческому описанию способов совершения преступления, установлению причинно-следственной связи между действиями обвиняемых и наступлением неплатежеспособности, а также фиксации размера и характера причиненного ущерба кредиторам, работникам и государственным интересам.

Криминалистическая специфика завершающего этапа заключается в необходимости интеграции всех доказательственных элементов в единый доказательственный комплекс, обеспечивающий внутреннюю согласованность и логическую завершенность обвинительной версии. Направление дела в суд знаменует переход к стадии судебного разбирательства, где следственная модель преступного события трансформируется в процессуальную позицию государственного обвинения, эффективность которой прямо зависит от качества аналитической и доказательственной работы, проведенной в ходе расследования.

Проведенное исследование позволило разработать и научно обосновать структурированную модель расследования преднамеренного банкротства, в основе которой лежит его разделение на пять этапов. Предложенная систематизация, охватывающая весь путь от первоначальных следственных действий до направления дела в суд, обеспечивает целостное восприятие процесса расследования как сложноорганизованной деятельности. Установление для каждого этапа конкретных целей, тактических приемов и особенностей доказывания создает прочный методический фундамент для деятельности следователя. Выделение этапов расследования не только способствует повышению эффективности расследования конкретного состава преступления, но и вносит вклад в развитие общей криминалистической методики расследования экономических преступлений, обеспечивая их более глубокую и системную интеграцию в правоприменительную практику.

Литература:

1. Бертовский, Л. В. Методика расследования преднамеренных банкротств: монография / Л. В. Бертовский, Н. А. Гаврилова. — Москва: Юрлитин-форм, 2018. — 182 с. — Текст: непосредственный.
2. Гладких, В. И. Преступления в сфере экономики: научно-практический комментарий / В. И. Гладких, Т. Н. Ермакова, А. Б. Коновалова. — Москва: Юрлитин-форм, 2018. — 407 с. — Текст: непосредственный.

Защита прав несовершеннолетних в брачно-семейных спорах: процессуальный статус и участие в деле

Трушников Екатерина Борисовна, студент магистратуры

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

Статья посвящена исследованию процессуального положения несовершеннолетних в рамках судебных разбирательств, возникающих из брачно-семейных споров. Рассматриваются вопросы их правоспособности и дееспособности, формы участия в гражданском судопроизводстве, а также гарантии защиты законных интересов несовершеннолетних через институт законного представительства и органы опеки и попечительства. Особое внимание уделяется проблемам правоприменительной практики, связанным с реализацией права ребёнка на выражение своего мнения. На ос-

нове анализа норм семейного и гражданского процессуального законодательства делаются выводы о необходимости совершенствования процессуальных механизмов обеспечения прав несовершеннолетних.

Ключевые слова: брачно-семейные споры, несовершеннолетний, процессуальный статус, защита прав, мнение ребёнка.

Защита прав и законных интересов несовершеннолетних детей является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. В условиях роста числа разводов и брачно-семейных конфликтов особую актуальность приобретает вопрос об эффективной процессуальной защите ребенка, чьи права и интересы зачастую оказываются в центре спора между родителями. Семейный кодекс РФ (далее — СК РФ) провозглашает, что забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей (ст. 38 Конституции РФ, ч. 1 ст. 63 СК РФ). Однако при разрешении споров, связанных с воспитанием детей, определением места жительства ребенка и порядка общения с отдельно проживающим родителем, взысканием алиментов, несовершеннолетний становится не просто объектом родительских прав, а субъектом правоотношений, чьи права подлежат судебной защите.

В соответствии со ст. 17 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [2] способность иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами. Она возникает в момент рождения. Следовательно, несовершеннолетний ребенок с рождения обладает правоспособностью, в том числе и в сфере семейных правоотношений. Так, ребенок обладает правом на воспитание своими родителями, на обеспечение своих интересов, всестороннее развитие и другими.

Однако ключевое значение для участия в судебном процессе имеет дееспособность — способность своими действиями осуществлять процессуальные права, выполнять процессуальные обязанности и поручать ведение дела в суде представителю (ст. 37 Гражданского процессуального кодекса РФ, далее — ГПК РФ) [4]. В полном объеме дееспособность возникает с наступлением совершеннолетия. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет обладают частичной дееспособностью, а малолетние в возрасте до 14 лет — недееспособны. Это прямо влияет на их возможность лично выступать в суде в качестве стороны и защищать свои интересы.

В отличие от дееспособных совершеннолетних граждан, способных осознать свой интерес, дети являются особыми субъектами права, которые в силу своего возраста и развития зачастую не способны в полной мере осознать, что им нужно и почему [6, с. 38]. Несовершеннолетние при реализации своих прав не всегда могут действовать в соответствии со своими интересами, поэтому нуждаются в особых мерах по их охране и защите.

В брачно-семейных спорах несовершеннолетний, как правило, не является самостоятельной стороной, то есть не выступает в качестве истца или ответчика. Интересы

детей представляют законные представители — родители, усыновители, опекуны, попечители (п. 1 ст. 64 СК РФ, ст. 52 ГПК РФ). Например, иск о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка предъявляется одним из родителей.

Законный представитель действует в процессе от имени и в интересах ребёнка. Он наделен всеми процессуальными правами и обязанностями стороны: знакомиться с материалами дела, заявлять ходатайства, представлять доказательства, давать объяснения суду и т. д. Однако в случае конфликта интересов между родителями и ребёнком (например, при предъявлении иска о лишении родительских прав) орган опеки и попечительства назначает представителя несовершеннолетнему (п. 2 ст. 64 СК РФ) [3].

В судебном разрешении семейно-правовых конфликтов наблюдается укрепление публичных начал, которые выражаются в сохранении значимой роли прокуратуры и органов опеки и попечительства, особенно в делах, затрагивающих интересы малолетних. Их полномочия реализуются в двух процессуальных формах: в качестве стороны, заявляющей самостоятельные требования (истец или третье лицо), либо в качестве субъекта, дающего по делу обязательное заключение.

В соответствии со ст. 47 ГПК РФ и ст. 78 СК РФ органы опеки и попечительства обязаны участвовать в делах, связанных с воспитанием детей. Они выступают в процессе в качестве государственного органа, уполномоченного защищать права несовершеннолетних. Орган опеки проводит обследование условий жизни ребенка и лиц, претендующих на его воспитание, представляет суду акт обследования и заключение по существу спора, основанное на интересах ребенка. Заключение органа опеки является одним из ключевых доказательств по делу.

Орган опеки и попечительства также вправе предъявить иск в суд о взыскании алиментов в защиту прав и интересов детей, когда родитель не выплачивает алименты, а другой не предпринимает действий по их получению.

Важнейшей гарантией учёта интересов ребенка является закрепленное в ст. 57 СК РФ право выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Учёт мнения ребёнка, достигшего возраста 10 лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. Суд обязан опросить ребёнка в судебном заседании с учетом его возраста и развития в целях выявления его мнения по вопросам, касающимся его жизни (место жительства, порядок общения с родителями и др.). Опрос производится в присутствии педагога и в обста-

новке, которая исключает влияние заинтересованных лиц на несовершеннолетних.

Следует отметить, что мнение ребёнка, достигшего 10 лет, является обязательным для учёта судом при решении ряда вопросов. Например, невозможно без согласия ребёнка изменить его имя и фамилию (ст. 59 СК РФ), восстановить в родительских правах родителей, ранее лишенных этих прав (ст. 72 СК РФ), усыновить его (ст. 132 СК РФ) и др.

В исключительных случаях, прямо предусмотренных законом, несовершеннолетний, достигший 14 лет, вправе самостоятельно обратиться в суд за защитой своих нарушенных прав. В соответствии со ст. 56 СК РФ при нарушении его прав и законных интересов, в том числе при невыполнении или ненадлежащем выполнении родителями обязанностей по воспитанию, образованию, ребёнок вправе самостоятельно обратиться в орган опеки и попечительства, а по достижении 14 лет — в суд [3]. На практике это чаще всего иски об оспаривании отцовства или материнства, об отмене усыновления, а также иски к родителям о защите имущественных прав.

Несмотря на детальную правовую регламентацию, на практике возникают следующие сложности:

1. Конфликт интересов. Наиболее острой проблемой является ситуация, когда законный представитель (родитель) действует не в интересах ребенка, а в своих собственных. Хотя закон предусматривает в таких случаях назначение представителя через орган опеки, процедура выявления такого конфликта не урегулирована и часто зависит от усмотрения суда.

2. Процессуальная неопределенность статуса. Ребёнок, не являясь стороной по делу, тем не менее, своими правами напрямую затронут выносимым судебным решением. В науке высказываются предложения о необходимости закрепления за несовершеннолетним в брачно-

семейных спорах специального процессуального статуса, аналогичного статусу лица, участвующего в деле в своих законных интересах.

3. Обеспечение достоверности мнения ребёнка. Суд сталкивается со сложной задачей: определить, является ли выраженное ребёнком мнение свободным и самостоятельным или же оно сформировано под давлением одного из родителей. Недостаточно разработаны методики психологического сопровождения судебного опроса несовершеннолетних, позволяющие минимизировать это влияние.

Таким образом, процессуальный статус несовершеннолетнего в брачно-семейных спорах обладает определённой спецификой. Он сочетает в себе отсутствие полной процессуальной дееспособности с наличием комплекса гарантий, обеспечивающих защиту его прав и законных интересов. Эти гарантии реализуются через институт законного представительства, обязательное участие органа опеки и попечительства и право ребенка на выражение своего мнения.

Действующее законодательство в целом создает правовую основу для такой защиты, однако практика его применения выявляет ряд системных проблем, связанных с конфликтом интересов, определением процессуального положения ребёнка и обеспечением объективности его мнения. Для их решения представляется целесообразным дальнейшее совершенствование гражданского процессуального законодательства, в частности, более чёткое регулирование института независимого представителя несовершеннолетнего в суде, а также развитие специализированных процедур опроса детей с привлечением детских психологов. Это позволит в полной мере реализовать принцип приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних, провозглашённый как семейным, так и гражданским процессуальным правом России.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок от 30.12.2008 г., от 05.02.2014 г., от 21.07.2014 г., от 14.03.2020 г., от 04.10.2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 6 октября 2023 г. № 001202210060013
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ — 05.12.1994 — № 32 — Ст. 3301.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) // Собрание законодательства РФ — 01.01.1996 — № 1 — Ст. 16.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 05.02.2025) // Собрание законодательства РФ — 18.11.2002 — № 46 — Ст. 4532.
5. Летова Н. В. Несовершеннолетний как участник гражданского процесса: особенности правового положения // Пробелы в российском законодательстве. 2024. № 2. С. 75–80.
6. Пешкова О. А. Особенности реализации прав несовершеннолетних в семейном праве: учеб. пособие / О. А. Пешкова; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. — М., 2018. — 136 с.

Роль прокурора в современном гражданском процессе

Тухфетуллова Адиля Элфисовна, студент магистратуры
Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

В статье проводится анализ участия прокурора в гражданском процессе в настоящее время. Особое внимание уделяется вопросам допустимости, а также пределам вмешательства прокурора в частные споры. Кроме того, в статье определяются тенденции развития данного института с точки зрения совершенствования законодательства.

Ключевые слова: прокурор, гражданский процесс, вмешательство, принцип диспозитивности, законность, публичный интерес.

Участие прокурора в гражданском процессе осуществляется с давнего времени и является старейшим институтом в науке цивилистики. Участие прокурора в гражданском процессе обеспечивает защиту нарушенных прав, тем самым укрепляются принципы законности и гуманизма. Однако остро стоит вопрос о том, соответствует ли это принципу диспозитивности, так как гражданское судопроизводство основано на свободе волеизъявления сторон. В настоящее время демократические институты активно развиваются, а роль прокурора в гражданском судопроизводстве поддается изменениям с точки зрения защиты публичного интереса и невмешательства в частную жизнь.

Ретроспективный анализ показывает то, что участие прокурора в гражданском судопроизводстве осуществляется издавна и положительно влияет на решение споров, в частности относительно интересов государства и общества, а также частных лиц. В разных странах прокурор в гражданском процессе участвует по-разному, однако все модели участия стремятся к обеспечению законности и достижению справедливости.

Прокурор в гражданском процессе осуществляет такие функции как надзор за правомерностью и защита прав и интересов государства и граждан. Стоит отметить, что прокурор — не участник частного спора. Его цель заключается в том, чтобы соблюдался закон и защищался публичный интерес. Согласно современному законодательству Российской Федерации, прокурор выступает как одно из центральных лиц гражданского процесса, так как гарантирует соблюдение основополагающих принципов законности, состязательности, равенства всех граждан перед законом и судом, а также принцип гласности при разбирательстве дел [3].

Согласно ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», прокурор участвует в рассмотрении дел судами в случаях, предусмотренных процессуальным законодательством Российской Федерации и другими федеральными законами [2]. Согласно ст. 45 ГПК РФ, прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований. Заявление в защиту прав, свобод и законных интересов гражданина может быть подано прокурором

только в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам обратиться в суд [1].

К основным целям участия прокурора в гражданском судопроизводстве можно отнести:

- защиту прав и интересов граждан, которые не могут самостоятельно представлять свои права по причине плохого состояния здоровья или недостижения определенного возраста;
 - в случае, когда спор затрагивает общественные интересы, прокурор защищает права и интересы неопределенного круга лиц;
 - прокурор обеспечивает законность в гражданском процессе;
 - прокурор предотвращает нарушение закона участниками процесса и должностными лицами.
- К задачам участия прокурора в гражданском судопроизводстве относится следующее:
- выявление фактов нарушения закона в гражданском процессе;
 - применение мер с целью устранения нарушений;
 - превентивная функция в области гражданского процесса;
 - содействие суду с целью восстановления справедливости.

Необходимо отметить, что главным вопросом в ходе анализа участия прокурора в гражданском судопроизводстве является баланс между защитой публичного интереса и принципом диспозитивности: прокурор защищает публичные интересы, а принцип диспозитивности является основополагающим в гражданском процессе. Принцип диспозитивности — это свобода сторон в использовании своих процессуальных прав. Стороны свободно и самостоятельно указывают предмет спора и предоставляют доказательства. Кроме того, участники имеют право на заключение мировых соглашений. Участие прокурора в частном споре может быть рассмотрено как нарушение принципа диспозитивности в случае, если отсутствует необходимость в защите публичных интересов.

Прокурор в гражданском процессе играет очень важную роль, однако его участие сопряжено с наличием проблемных моментов. Так, имеется необходимость в совершенствовании критериев определения публичных интересов с целью

невмешательства в частные споры. Кроме того, стоит уточнить процессуальные полномочия прокурора с целью повышения эффективности его участия в гражданском процессе. Перспективы развития института участия прокурора в гражданском судопроизводстве определены тем, что необходимо расширить сферы защиты прав граждан и повысить квалификацию работников органа прокуратуры.

Как уже было указано выше, роль прокурора очень важна в гражданском процессе, кроме того, участие прокурора на сегодняшний день очень востребовано, так как оно обеспечивает защиту прав и интересов граждан, общества в целом и государства, а также укрепляет право-

порядок и законность. Однако не нужно забывать о принципе диспозитивности и нельзя допускать произвольное вмешательство в частные споры.

В заключение нужно сказать о том, что развитие института участия прокурора в гражданском процессе должно опираться на сбалансированность между защитой публичных интересов и принципом диспозитивности. Кроме того, имеется необходимость в совершенствовании процессуальных механизмов обеспечения эффективного участия прокурора в гражданском процессе. Все это обеспечивает справедливость и защиту прав граждан, укрепит законность в гражданском судопроизводстве.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. N 46 ст. 4532.
2. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 N 2202-I (ред. от 03.02.2025) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 20 февраля 1992 г., N 8, ст. 366.
3. Новикова, А. М. Участие прокурора в гражданском судопроизводстве / А. М. Новикова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 51 (289). — С. 125–127.

Защита интересов неопределенного круга лиц как основание для обращения прокурора с иском в суд

Тухфетуллова Адиля Элфисовна, студент магистратуры

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

В статье проводится анализ защиты интересов неопределенного круга лиц как основание для обращения прокурора с иском в суд. Особое внимание обращается на понятие «неопределенный круг лиц» и на ситуации, в которых требуется защита прокурора интересов неопределенного круга лиц.

Ключевые слова: прокурор, иск, неопределенный круг лиц, публичный интерес, гражданский процесс, защита прав, законность.

В обеспечении законности и защиты прав и интересов граждан в гражданском процессе играет очень важную роль полномочие прокурора на обращение в суды с иском в интересах неопределенного круга лиц. Это полномочие считается проявлением защиты публичного интереса и позволяет предотвратить и пресечь нарушения прав большого количества людей, чьи интересы не могут быть защищены индивидуальными исками.

Согласно ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, «прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований» [1].

Для того, чтобы данное полномочие осуществить, нужно четко определить критерии для его применения. Это нужно для исключения неправомерного вмешательства в частные отношения и для эффективной защиты прав нуждающихся в участии прокурора.

Термин «неопределенный круг лиц» в гражданском праве не раскрывается единичным законодательным понятием, поэтому имеются трудности в употреблении данного термина. Однако в цивилистической науке под данным термином понимается совокупность субъектов, у которых индивидуальные права и интересы нарушены (общим нарушением), однако состав данной совокупности не содержит конкретный перечень.

Группа лиц от неопределенного круга лиц отличается возможностью идентификации членов группы. В случае, если имена группы известны и зафиксированы в реестре (вкладчики в финансовую пирамиду), то это не может относиться к неопределенному кругу лиц.

Критерии защиты интересов неопределенного круга лиц включают в себя правовые, социальные и экономические факторы. Кроме того, исходя из правоприменительной практики существуют критерии, по которым можно определить является ли защита инте-

ресов группы лиц основанием для обращения прокурора с иском в суд. Так, к этим критериям относится следующее:

1. Массовый характер нарушения. В случае, если нарушение затрагивает интересы значительного количества людей, имеются трудности с индивидуальным обращением пострадавших в суд.

2. Социальная значимость. К примеру, экологическая безопасность, здоровье нации являются общественно значимыми интересами.

3. Нужда в защите государства. Некоторые лица по разным причинам не могут самостоятельно защитить свои права и интересы, именно поэтому у них существует нужда в защите со стороны государства.

4. Невозможность определения конкретного размера ущерба. Если невозможно определить конкретный размер вреда, который был причинен каждому лицу, например, в спорах о загрязнении экологии, осуществляется защита неопределенного круга лиц. [3, с. 4]

Правоприменительная практика указывает на наиболее частую защиту интересов неопределенного круга лиц в следующих сферах:

— нарушение прав потребителей недобросовестными производителями или продавцами (может затрагивать интересы огромного количества людей);

— загрязнение окружающей среды представляет угрозу для здоровья большого количества людей;

— незаконное разрушение объектов культурного наследия создает препятствие к их доступу неопределенному кругу лиц;

— нарушение в сфере жилищно-коммунального хозяйства создает угрозы для жизни и здоровья неопределенного круга лиц. [2, с. 108]

Стоит отметить, что прокурорам не всегда удается благополучно защитить интересы неопределенного круга лиц из-за некоторых ошибок. К таким ошибкам относятся:

— нечеткое обоснование в необходимости защиты интересов неопределенного круга лиц и недостаточность доказательств массового характера нарушения;

— ошибки в определении истца;

— использование неэффективных способов защиты нарушенных прав.

С целью повышения эффективности деятельности прокуроров в области защиты интересов неопределенного круга лиц имеется необходимость:

— в тщательном анализе всех обстоятельств дела. Необходимо собрать достаточные доказательства массового характера нарушения и отсутствия возможности защиты прав каждого лица индивидуально;

— в четкой формулировке исковых требований, то есть необходимо указывать определенные действия для устранения нарушения и восстановления справедливости;

— во взаимодействии с экспертами и различными общественными организациями. Необходимо привлекать для рассмотрения дела специалистов с целью получения квалифицированной оценки;

— в информировании населения о возможности защите их прав и интересов посредством прокурорского надзора.

Таким образом, защита интересов неопределенного круга лиц — очень важное основание для обращения прокурора с иском в суд. В случае эффективного применения этого полномочия обеспечивается законность и защищаются права и интересы граждан, интересы которых не могут защищаться в индивидуальном порядке.

С целью совершенствования института защиты интересов неопределенного круга лиц необходимо проработать взаимодействие прокурора с общественными организациями и специалистами, активизировать работу с населением и проводить тщательный анализ фактов.

В заключение стоит сказать о том, что проработка теоретических и практических аспектов защиты интересов неопределенного круга лиц позволит укрепить законность и обеспечить правопорядок в нашем государстве.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. N 46 ст. 4532.
2. Винокуров, А. Ю. Прокурорский надзор / А. Ю. Винокуров, Ю. Е. Винокуров. — Москва: Юрайт, 2023. — 451 с. — Текст: непосредственный.
3. Никитина, Ю. Н. Обращение прокурора в суд в защиту прав и законных интересов неопределенного круга лиц / Ю. Н. Никитина. — Текст: непосредственный // Сфера науки. — 2025. — № 2. — С. 4.

Арбитраж как форма защиты прав сторон при нарушении обязательств

Феденко Диана Дмитриевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Серветник Анна Александровна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор исследует арбитраж как эффективную форму защиты прав сторон гражданских правоотношений при нарушении обязательств.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, арбитраж, возмещение, обязательство, защита прав сторон гражданских отношений, нарушение.

В условиях активного развития гражданского оборота и усложнения хозяйственных отношений между субъектами права возрастает риск нарушения договорных обязательств, а также растет количество коммерческих споров. Одним из ключевых механизмов, обеспечивающих восстановление нарушенного правового положения, является система разрешения споров. В этом контексте особую значимость приобретает арбитраж — внесудебная форма разрешения конфликтов, основанная на соглашении сторон о передаче разногласий на рассмотрение третейского суда [5, п. 2 ст. 2]. Цель настоящей статьи — рассмотреть арбитраж как эффективную форму защиты прав сторон при нарушении обязательств, проанализировать его сущность, преимущества, правовые особенности и современное значение.

Арбитраж, или третейское разбирательство, представляет собой способ разрешения споров с участием независимого арбитра или коллегии арбитров, избранных самими сторонами или назначенных по оговоренной процедуре. В отличие от государственной судебной системы, арбитраж предполагает автономию сторон, которые не только определяют состав арбитров, но и могут согласовать язык разбирательства, применимое к рассмотрению дела право и иные процессуально значимые условия. Такое гибкое регулирование делает арбитраж особенно привлекательным в сфере коммерческих и гражданско-правовых отношений, включая правоотношения в рамках международных сделок.

Правовая природа арбитража в Российской Федерации закреплена в Федеральном законе от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», а также в Гражданском процессуальном и Арбитражном процессуальном кодексах Российской Федерации. Кроме того, значительное влияние на данный институт оказала Нью-Йоркская конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, заключенная в 1958 году, к которой Россия присоединилась в 1960 году. Указанные нормативные акты формируют правовую базу, обеспечивающую признание и исполнение арбитражных решений как внутри Российской Федерации, так и на международном уровне.

При нарушении договорных обязательств арбитраж выполняет функцию эффективного правового механизма,

обеспечивающего защиту нарушенных прав и интересов. Чаще всего предметом рассмотрения в арбитраже становятся споры, связанные с неисполнением или ненадлежащим исполнением условий договора — например, неоплата товара или услуги, просрочка исполнения, одностороннее расторжение договора и иные случаи дефолта. Наличие арбитражной оговорки в договоре позволяет сторонам избежать государственных судов и рассмотреть дело в конфиденциальной и более предсказуемой среде.

При этом, законодатель в определенной мере ограничил свободу сторон, отражая в статье 333 Гражданского кодекса Российской Федерации, что в случае явной несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства суд вправе уменьшить ее размер. Применительно к арбитражным спорам сделана специальная оговорка, в соответствии с которой снижение неустойки допускается в исключительных случаях: когда будет доказано, что ее взыскание в предусмотренном договором размере может привести к получению необоснованной выгоды на стороне взыскателя.

Право арбитражных судов снижать договорную неустойку из соображений о ее несоразмерности последствиям нарушения обязательства в случае, если ответчик не доказал, что такая неустойка может привести к получению необоснованной выгоды на стороне кредитора, не является очевидным. Вместе с тем суды в одних случаях снижают договорную неустойку по ходатайству ответчика, в других — нет.

Так, например, в одном из дел арбитражный суд снизил договорную неустойку с 11,62 млн руб. до 81,6 тыс. руб. (постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.05.2023 № Ф05–8763/2023 по делу № А40–137510/2022).

Законодательство, разъяснения высших судов, а также судебные решения должны обеспечивать баланс интересов обеих сторон гражданско-правовых отношений. Поэтому снижение размера неустойки, которая определена сторона в договоре, исходя из принципа свободы договора, не должно ущемлять интересы кредитора. При сложившейся практике кредитор находится в заведомо невыгодном положении, поскольку не может рассчитывать на получение неустойки в определенном договором размере в случае нарушения должником условий договора, если такое взыскание будет осуществляться в судебном порядке.

При таких условиях, учитывая сложившуюся противоположную практику, считаю целесообразным внести изменения в действующие положения Гражданского кодекса Российской Федерации посредством четкого определения соотношения понятий неустойки, штрафа и пеней, а также возможности (невозможности) их взыскания независимо друг от друга, кроме того, уточнить, по каким критериям и основаниям неустойка (штраф, пени) может быть снижена в арбитражном процессе.

Еще одной особенностью арбитража является то, что он основывается исключительно на волеизъявлении сторон. Для начала процедуры необходимо наличие действующего арбитражного соглашения. Арбитражное соглашение в соответствии со статьей 7 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» представляет собой соглашение сторон о передаче в арбитраж всех или определенных споров, которые возникли или могут возникнуть между ними в связи с каким-либо конкретным правоотношением, независимо от того, носило такое правоотношение договорный характер или нет. Оно может быть включено в текст основного договора (в виде арбитражной оговорки) либо оформлено как самостоятельное соглашение. Без такого документа арбитражное разбирательство не может быть инициировано. Кроме того, арбитражное соглашение может быть заключено путем его включения в правила организованных торгов или правила клиринга, которые зарегистрированы в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Положения российской доктрины также позволяют рассматривать арбитражное соглашение в качестве гражданско-правовой сделки, направленной на защиту прав сторон.

Одним из важнейших преимуществ арбитража является его конфиденциальность. В отличие от судебных заседаний, материалы третейского разбирательства не подлежат публичному оглашению, а информация, раскрытая в процессе, защищена договором сторон. Это делает арбитраж особенно ценным инструментом для бизнеса, где вопросы репутации и коммерческой тайны играют ключевую роль.

Другим значимым фактором является скорость разбирательства. В то время как государственные суды могут рассматривать дела годами, арбитраж позволяет урегулировать спор в течение нескольких месяцев. Это обеспечивается отсутствием сложной бюрократической процедуры, гибкостью процессуальных сроков и высокой мотивацией арбитров к эффективному разрешению спора.

Также стоит отметить профессионализм арбитров. Обычно в третейский состав входят юристы, экономисты, инженеры или другие специалисты с узкой компетенцией, что позволяет более глубоко анализировать обстоятельства конкретного дела. В отличие от государственных судей, которые универсальны, арбитры могут обладать специфическими знаниями, необходимыми для рассмотрения сложных коммерческих споров.

Несмотря на многочисленные достоинства, арбитраж в России сталкивается с рядом проблем. Среди них — недостаточное доверие бизнеса к третейским судам, особенно после реформы 2015 года, которая сократила количество независимых арбитражных учреждений. Так, с 01.11.2017 третейские споры в Российской Федерации могут рассматривать только арбитражные учреждения, получившие специальное разрешение правительства.

В результате такой реформы возник вопрос о судьбе уже заключенных сторонами на момент изменений арбитражных соглашений. Так, в соответствии с частью 8 статьи 48 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» арбитражные соглашения, которые предусматривают администрирование арбитража постоянно действующим арбитражным учреждением, прекратившим свою деятельность, и по которым арбитраж не был начат до даты прекращения такой деятельности, считаются арбитражными соглашениями по передаче споров на рассмотрение третейского суда *ad hoc*, если стороны спора не договорятся об иной процедуре разрешения спора. Такое арбитражное соглашение становится неисполнимым, если спор в связи с таким арбитражным соглашением по закону не может быть рассмотрен третейским судом *ad hoc*.

В последние годы неисполнимость арбитражного соглашения выступает все более распространенной причиной отказа в рассмотрении спора в арбитраже. С. А. Курочкин полагает, что арбитражное соглашение становится неисполнимым в силу его неопределенности или неполноты, что фактически создает невозможность реализации достигнутых сторонами договоренностей.

По мнению А. А. Аббасовой, для действительности арбитражного соглашения должны быть соблюдены такие условия как: правосубъектность сторон, добровольная основа, допустимость спора для данного разбирательства, а также соблюдение надлежащей формы.

Одни исследователи придерживаются мнения, что самостоятельным основанием недействительности арбитражного соглашения выступает невозможность его исполнения. При этом, неисполнимость соглашения строится на фактических или правовых фактах, которые могут измениться только после заключения арбитражного соглашения.

На основании изложенного, следует подчеркнуть, что в настоящее время в доктрине не существует четкого разграничения между неисполнимостью и недействительностью арбитражного соглашения.

Главное отличие этих двух понятий заключается в том, что неисполнимость действительного изначально арбитражного соглашения наступает, как указывалось ранее, в силу его неопределенности или неполноты, а также наступления иных обстоятельств, при наличии которых достигнутые сторонами договоренности фактически не могут быть реализованы.

Под неисполнимым арбитражным соглашением, согласно пункту 30 постановления Пленума Верховного

суда Российской Федерации от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража», понимается соглашение, из содержания которого не может быть установлена воля сторон в отношении выбранной ими процедуры арбитража (сделан ли выбор определенного институционального арбитража или *ad hoc*) или которое не может быть исполнено в соответствии с волей сторон.

В ряде дел в предшествующей практике суды отказывались считать покрываемыми арбитражным соглашением внедоговорные споры, пусть и связанные с договором, в котором содержится арбитражная оговорка. Верховный Суд указал, что в отсутствие указания на иное, арбитражное соглашение распространяется на требования из причинения внедоговорного вреда, требования из неосновательного обогащения и иные требования, если такие требования связаны с договором, в отношении которого заключено арбитражное соглашение (пункт 21 постановления).

В настоящее время российские суды продолжают выносить противоположные решения.

Так, при рассмотрении дела № А50–31243/2019 кассационный суд указал, что арбитражная оговорка в договоре, заключенном в 2012 году между немецкой и русской компаниями, предусматривающая рассмотрение споров в арбитраже Торговой палаты Цюриха является исполнимой, если сторонам не удастся урегулировать спорные вопросы и разногласия путем переговоров, то эти спорные вопросы и разногласия будут переданы на рассмотрение Арбитражного суда торговой палаты Цюрих (Швейцария), в соответствии с арбитражным порядком этого суда.

Должник возражал против исполнения в России решения арбитража в Цюрихе, поскольку текст арбитражной оговорки, согласованной сторонами, не соответствовал типовой оговорке, содержащейся в Швейцарском регламенте.

Суд отверг данный довод со ссылкой на пункт 9 статьи 7 Закона о международном коммерческом арбитраже, в соответствии с которым все сомнения в исполнимости арбитражного соглашения должны толковаться в пользу его действительности и исполнимости. Суд также сослался на относящийся к тому же вопросу пункт 26 вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда.

Например, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 01.12.2020 по делу № А40–76094/2020296 суд пришел к выводу, что расхождение в наименовании третейского суда в тексте договора на английском и русском языках не влечет неисполнимости арбитражного соглашения. Истец считал, что арбитражное соглашение неисполнимо по причине неточного указания наименования третейского суда в соглашении на русском языке. Однако суд постановил, что спор между сторонами подлежит рассмотрению Международным арбитражным судом при международной торговой палате в Швейцарии (Женева), так как соглашение составлено на английском

и русском языках и в случае несоответствия английского и русского языков, приоритет имеет английский язык настоящего соглашения, что следует из договора разработки контента и оказания услуг, заключенного между сторонами.

Следует также добавить, что в связи с введением иностранными государствами в отношении российских граждан и юридических лиц ограничительных мер (запретов и персональных санкций), к основаниям неисполнимости арбитражного соглашения целесообразно добавить еще одно — ограничительные меры, которые могут поставить сторону арбитражного соглашения, находящуюся под санкционными ограничениями, в неравное положение при реализации принадлежащих им прав.

Так, например, суд взыскал авансовые платежи с продавца (поставщика) из Финляндии, который приостановил исполнение обязательств по контрактам из-за введенных иностранными государствами ограничительных мер (запрет поставки оборудования в Российскую Федерацию). Суд отклонил довод ответчика о том, что поскольку сторонами было заключено арбитражное соглашение, иск подлежит оставлению без рассмотрения. По арбитражной оговорке споры должны рассматриваться в Швейцарии, включенной в Перечень недружественных стран (распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р) и поддержавшей санкции в отношении Российской Федерации, что ставит под сомнение соблюдение гарантий справедливого судебного разбирательства по иску истца. Актами ЕС покупатель — основное предприятие оборонно-промышленного комплекса России добавлено в перечень лиц, в отношении которых применяются ограничения. С учетом таких ограничений, причин и основания возникновения спора дело правомерно было рассмотрено в арбитражном суде РФ в соответствии с частью 4 статьи 248.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.04.2024 № Ф07–5135/2024 по делу № А56–129202/2022).

Вместе с тем наблюдается позитивная динамика в развитии арбитражного института. Усиливаются требования к арбитрам, создаются электронные платформы для разрешения споров, расширяется практика цифрового арбитража (онлайн-разбирательств), особенно актуального в постковидный период. Также совершенствуется законодательство в части повышения прозрачности и легитимности третейских решений.

Таким образом, арбитраж представляет собой действенную форму защиты прав сторон при нарушении договорных обязательств. Он обладает рядом преимуществ, включая гибкость процедуры, конфиденциальность, профессионализм состава и международное признание решений. При наличии арбитражного соглашения стороны получают возможность избежать затяжных судебных разбирательств и обеспечить эффективное восстановление нарушенных прав. Однако для дальнейшего развития арбитража необходимо устранение проблем, связанных

с исполнением решений, улучшение информированности предпринимателей и повышение доверия к институту арбитража в целом.

В заключение следует подчеркнуть, что в условиях глобализации и цифровизации хозяйственных отношений арбитраж будет продолжать развиваться как современный, адаптивный и эффективный инструмент разрешения споров. Его потенциал особенно велик в ме-

ждународной коммерции, инвестиционных соглашениях и высокотехнологичных отраслях, где традиционные суды зачастую не справляются с объемом и сложностью возникающих правовых конфликтов. Развитие цифрового арбитража, формирование прозрачных правил и совершенствование механизмов исполнения решений — ключ к укреплению роли арбитража в современной правовой системе.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
3. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 16.11.2006 № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю».
4. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража».
5. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Российская газета. — 2015. — № 297.
6. Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж: учебное пособие. М.: Статут, 2017. С. 90.
7. Аббасова А. А. Понятие и сущность арбитражного соглашения // Аллея науки. 2019. Т. 2. № 12 (39). С. 742.
8. Лобода А. И. Толкование арбитражного соглашения в праве России. С. 179–202.
9. Коломиец А. И. Исполнимость арбитражного соглашения: к чему ведут превентивные меры // Вестник арбитражной практики. 2023. № 2. С. 28–34.

Историко-правовой аспект наложения ареста на имущество

Федоровых Антон Сергеевич, студент магистратуры
Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола)

В статье автор раскрывает исторический аспект развития института наложения ареста на имущество, как меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Такое положение указывает на различное у правоприменителей понимание целей и задач названной меры принуждения, а также на нетождественное толкование уголовно-процессуальных норм. Рассмотрены причины создавшегося положения. В основе подхода к изучению названной проблемы лежит комплексный подход. Основным методологическим средством исследования выбран историко-правовой метод изучения исторического пути формирования института меры принуждения в виде наложения ареста на имущество.

Ключевые слова: уголовный процесс России, арест на имущество, история.

Наложение ареста на имущество является одной из ключевых мер процессуального принуждения в уголовном праве, направленной на обеспечение исполнения приговора, возмещения ущерба потерпевшим и предотвращения сокрытия имущества. Данная процедура имеет глубокие исторические корни в российском праве, эволюционируя от древних норм обычного права до современных законодательных актов. В настоящей статье рассматривается историко-правовой аспект наложения ареста на имущество в контексте уголовного законодательства России, с акцентом на нормативно-правовые

акты, регулирующие эту процедуру. Анализ проводится по хронологическому принципу, охватывая основные этапы развития российского государства: Древнюю Русь, Московское государство, Российскую империю, Советский Союз и современную Российскую Федерацию. Цель статьи — выявить преемственность и трансформацию правовых норм, а также подчеркнуть их роль в обеспечении справедливости уголовного правосудия. Для углубления анализа в каждом разделе приведены ссылки на работы ученых-юристов, которые аналогично исследовали данные вопросы.

В эпоху Древней Руси правовые нормы, регулирующие конфискацию и арест имущества, были закреплены в обычном праве и первых письменных источниках. Основным нормативным актом того времени является «Русская Правда» — сборник норм, датируемый XI–XII веками, который содержал правила о преступлениях и наказаниях, включая имущественные санкции.

Согласно «Русской Правде», арест имущества мог применяться в качестве меры наказания за различные преступления, такие как кража или убийство. Например, в Краткой редакции «Русской Правды» (статья 17) говорится: «А иже крадет скот в хлеве или клеть, то же будеть один, то платит ему 3 гривны и 30 кун; а будеть лихое, то платит 60 кун» [1]. Это указывает на то, что имущество могло быть изъято в пользу потерпевшего или государства в качестве компенсации. Однако процедура наложения ареста не была детализирована; она осуществлялась на основе судебного решения и обычая, без строгого процессуального порядка.

В более поздних редакциях, таких как Пространная «Русская Правда», появились нормы о «потоке и разграблении» — конфискации всего имущества преступника и его семьи в случаях особо тяжких преступлений, например, поджога или убийства. Статья 7 Пространной редакции гласит: «А иже подожжет двор, или гумно, или что иное, то на поток и на разграбление» [2]. Это свидетельствует о том, что арест имущества служил не только мерой наказания, но и средством предупреждения преступлений, обеспечивая коллективную ответственность.

Анализ этих норм позволяет заключить, что в Древней Руси наложение ареста на имущество было преимущественно санкцией, интегрированной в систему наказаний, без выделения в отдельную процессуальную меру. Подобный подход отражен в исследованиях историков права, например, в работе И. Я. Фроянова, который подчеркивает роль «Русской Правды» в формировании имущественной ответственности [9].

Таким образом, древнерусское право заложило основы для будущих норм, где арест имущества выступал как инструмент социальной стабильности.

С образованием централизованного Московского государства в XV–XVII веках правовое регулирование усложнилось. Ключевым нормативным актом стал Соборное Уложение 1649 года, принятое при царе Алексее Михайловиче, которое систематизировало нормы уголовного и процессуального права.

В Соборном Уложении арест имущества рассматривался как мера обеспечения исполнения приговора и возмещения ущерба. Глава X «О суде» предусматривала конфискацию имущества за преступления против государства, такие как измена или разбой. Статья 9 главы II гласила: «А у кого сыщется измена, и за измену... имение его взято будет на государя» [3]. Процедура наложения ареста включала описание имущества и его передачу в казну, что осуществлялось по решению суда.

Кроме того, в Уложении появилась дифференциация: за менее тяжкие преступления имущество могло быть арестовано частично, например, для оплаты штрафа или компенсации. Это отражало переход от коллективной ответственности к индивидуальной, хотя элементы произвола сохранялись. Важно отметить, что нормы Уложения учитывали социальный статус: для бояр и дворян конфискация применялась реже, чем для простолюдинов, что подчеркивало сословный характер права.

В целом, Соборное Уложение заложило основы для процессуального оформления ареста имущества, сделав его неотъемлемой частью уголовного судопроизводства. Аналогичный анализ представлен в монографии А. Г. Манькова, где автор детально разбирает имущественные санкции XVII века как механизм укрепления централизованной власти [10].

В период Российской империи XIX–XX веков уголовное законодательство претерпело значительные изменения под влиянием западноевропейских реформ. Основными актами стали Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Устав уголовного судопроизводства 1864 года.

Уложение 1845 года классифицировало преступления и наказания, включая конфискацию имущества как дополнительную меру. Статья 58 предусматривала: «Конфискация всего или части имущества допускается только в случаях, прямо законом указанных» [4]. Это ограничивало произвол, делая арест имущества строго регламентированным. Нормы были направлены на защиту собственности, но с учетом государственных интересов, например, в делах о государственной измене.

Устав уголовного судопроизводства 1864 года ввел состязательный процесс и детализировал меры обеспечения. Статья 1405 Устава гласила: «Судебный следователь может наложить арест на имущество обвиняемого для обеспечения иска гражданского истца или возможного взыскания штрафа» [5]. Процедура включала осмотр имущества, опись и опечатывание в присутствии понятых, что обеспечивало прозрачность и защиту прав. Это нововведение способствовало гуманизации уголовного права, снижая риск злоупотреблений.

В конце XIX — начале XX века нормы эволюционировали: арест имущества стал мерой пресечения, применяемой на досудебной стадии. Это отражало гуманизацию уголовного права и акцент на защиту интересов потерпевших. Подробное исследование этих реформ содержится в трудах Н. С. Таганцева, который анализирует Уложение 1845 года как шаг к кодификации уголовного права [11].

В советский период уголовное право было ориентировано на классовую борьбу и защиту социалистической собственности. Ключевыми актами стали Уголовный кодекс РСФСР 1922, 1926 и 1960 годов, а также Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 и 1960 годов.

УК РСФСР 1922 года (статья 79) предусматривал конфискацию имущества как меру наказания за контррево-

люционные преступления: «Конфискация имущества может быть применена в отношении осужденного за преступления, указанные в настоящем Кодексе» [6]. Процедура регулировалась УПК РСФСР 1923 года, где арест имущества рассматривался как мера обеспечения гражданского иска (статья 114). В этот период акцент делался на репрессивные меры против «классовых врагов».

В УК РСФСР 1960 года конфискация была ограничена, применяясь только за тяжкие преступления. Статья 35 гласила: «Конфискация имущества состоит в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства всего или части имущества осужденного» [7]. УПК РСФСР 1960 года (статья 175) детализировал процедуру: следователь мог наложить арест на имущество по постановлению, с участием понятых. Это отражало переход к более сбалансированному подходу, хотя идеологический уклон сохранялся.

Этот период характеризовался усилением роли государства в контроле над имуществом, с акцентом на превентивные меры. Аналогичный анализ представлен в работах А. А. Пионтковского, который рассматривает эволюцию советского уголовного права в контексте имущественных санкций [12].

В постсоветский период основными актами стали Уголовный кодекс РФ 1996 года и Уголовно-процессуальный кодекс РФ 2001 года.

УК РФ (статья 104.1) определяет конфискацию имущества как принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства денег, ценностей и иного имущества, полученного в результате совершения преступления

или использованного для его совершения. Процедура регулируется УПК РФ: статья 115 позволяет следователю, дознавателю или суду наложить арест на имущество для обеспечения гражданского иска, возможной конфискации или иных имущественных взысканий. Постановление о наложении ареста должно содержать основания, описание имущества и срок действия [8]. Важно отметить судебный контроль, введенный для предотвращения злоупотреблений.

Современное регулирование подчеркивает баланс между интересами правосудия и защитой прав собственности, с обязательным судебным контролем. Это эволюция от советских норм к демократическим принципам. Подобный подход анализируется в комментариях Б. В. Волженкина к УК РФ, где автор подчеркивает роль ареста имущества в борьбе с коррупцией [13].

Историко-правовой анализ наложения ареста на имущество в уголовном праве России демонстрирует эволюцию от примитивных санкций Древней Руси к детализированным процессуальным нормам современности. Ключевые этапы — от «Русской Правды» до УК РФ — отражают переход от коллективной ответственности к индивидуальной, с усилением гарантий справедливости. Несмотря на изменения, цель процедуры остается неизменной: обеспечение исполнения наказания и защита общественных интересов. Дальнейшие исследования могут фокусироваться на сравнительном анализе с зарубежным правом, а также на практике применения норм в современных условиях.

Литература:

1. Русская Правда: Краткая редакция. — М.: Юридическая литература, 1984. — С. 17.
2. Русская Правда: Пространная редакция. — М.: Юридическая литература, 1984. — С. 7.
3. Соборное Уложение 1649 года. — М.: Издательство Московского университета, 1987. — Гл. II, ст. 9.
4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. — СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1845. — Ст. 58.
5. Устав уголовного судопроизводства 1864 года. — СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1864. — Ст. 1405.
6. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года. — М.: Государственное издательство, 1922. — Ст. 79.
7. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года. — М.: Юридическая литература, 1961. — Ст. 35.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021). — Ст. 115.
9. Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. — С. 145–160.
10. Маньков А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. — СПб.: Наука, 1998. — С. 200–220.
11. Таганцев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая. — СПб.: Государственная типография, 1902. — Т. 1. — С. 300–320.
12. Пионтковский А. А. Советское уголовное право. Общая часть. — М.: Госюриздат, 1948. — С. 150–170.
13. Волженкин Б. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. — С. 280–290.

Проблемы правового регулирования камеральных налоговых проверок в контексте цифровизации налогового администрирования

Харитоновна Ксения Анатольевна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье исследуются актуальные вопросы нормативного регулирования камеральных налоговых проверок в условиях цифровой трансформации налогового администрирования. Анализируются правовые пробелы в механизме проведения автоматизированных проверок, рассматриваются проблемы соблюдения процессуальных гарантий налогоплательщиков при использовании информационных систем. Особое внимание уделяется соотношению принципов законности и эффективности налогового контроля в современных условиях.

Ключевые слова: камеральная налоговая проверка, цифровизация налогового контроля, АСК НДС-2, процессуальные гарантии налогоплательщиков, налоговое администрирование, автоматизированные информационные системы, правовое регулирование.

Камеральная налоговая проверка представляет собой базовую форму налогового контроля, через которую ежегодно проходит свыше шестидесяти миллионов налоговых деклараций и расчетов в Российской Федерации [1, с. 25]. Согласно статье 88 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ), данная форма контроля осуществляется по месту нахождения налогового органа на основе представленных налогоплательщиком деклараций и иных документов [2]. Современный этап развития налогового администрирования характеризуется масштабной цифровизацией контрольных процедур, что обуславливает необходимость переосмысления существующей правовой регламентации камеральных проверок.

Цифровая трансформация налоговых органов Российской Федерации получила стремительное развитие в последнее десятилетие. Внедрение автоматизированной системы контроля НДС второго поколения (АСК НДС-2), функционирующей с 2015 года, ознаменовало переход к качественно новому уровню налогового администрирования [3, с. 735]. Данная система обеспечивает автоматизированную сверку книг покупок и продаж контрагентов, выявляет налоговые разрывы в режиме реального времени и формирует налоговую историю организаций путем сохранения всей информации о счетах-фактурах и сделках [4, с. 32]. Представляется, что именно этот переход к автоматизированному контролю породил комплекс правовых проблем, требующих научного осмысления и законодательного решения.

Критический анализ действующего правового регулирования позволяет констатировать существование фундаментального противоречия: автоматизированные информационные системы Федеральной налоговой службы России де-факто доминируют в структуре налогового администрирования, определяя содержание и направленность контрольных мероприятий, однако де-юре не обладают каким-либо правовым статусом в системе налоговых правоотношений [5, с. 42]. Данная ситуация создает правовую неопределенность и потенциально нарушает баланс интересов налоговых органов и налогоплательщиков.

Одной из центральных проблем современного этапа цифровизации налогового контроля выступает отсутствие надлежащего правового регулирования применения искусственного интеллекта и автоматизированных систем при проведении камеральных проверок. Нормы НК РФ, регламентирующие порядок проведения камеральных проверок, были разработаны в период, когда автоматизированные системы играли вспомогательную роль в деятельности налоговых органов [6, с. 50]. В настоящее время ситуация кардинально изменилась: согласно данным Федеральной налоговой службы России, проверка деклараций происходит автоматически по контрольным соотношениям с использованием специализированного программного обеспечения, которое сопоставляет данные внутри декларации с информацией из других источников, включая сведения онлайн-касс, данные единого государственного реестра юридических лиц и контрагентов [7].

Особую актуальность приобретает вопрос о юридической квалификации действий, совершаемых автоматизированными системами в процессе камеральных проверок. Согласно пункту 2 статьи 88 НК РФ, камеральная проверка проводится уполномоченными должностными лицами налогового органа в соответствии с их служебными обязанностями [2]. Между тем на практике первичная обработка налоговой отчетности, выявление расхождений и формирование предварительных выводов осуществляются программными комплексами без участия человека. Должностное лицо налогового органа, как правило, лишь оформляет результаты автоматизированной проверки, не имея возможности в полной мере проверить корректность работы алгоритма [8, с. 99].

Представляется, что сложившаяся практика вступает в противоречие с конституционным принципом индивидуализации юридической ответственности и правом налогоплательщика на справедливое рассмотрение его дела компетентным органом. Когда решения принимаются на основании данных, обработанных искусственным интеллектом, без критической оценки должностными лицами, возникает риск автоматического вменения налоговых

правонарушений, что не соответствует духу налогового законодательства.

Система управления рисками, встроенная в АСК НДС-2, автоматически распределяет налогоплательщиков на три группы налогового риска: высокий, средний и низкий [4, с. 35]. Декларации с высоким и средним уровнем риска получают особое внимание со стороны налоговых инспекций при проведении камеральных проверок. Однако критерии, по которым осуществляется такая категоризация, не закреплены в нормативных правовых актах и не являются общедоступными для налогоплательщиков. Подобная непрозрачность алгоритмов принятия решений противоречит принципу определенности налогообложения, закрепленному в статье 3 НК РФ, согласно которому все неустраиваемые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика [2].

Существенной проблемой представляется также вопрос о процессуальных гарантиях налогоплательщиков в условиях автоматизированного налогового контроля. В соответствии с пунктом 3 статьи 88 НК РФ при проведении камеральной проверки налоговый орган обязан направить налогоплательщику требование о представлении пояснений при выявлении ошибок в налоговой декларации или противоречий между сведениями, содержащимися в представленных документах [2]. Между тем судебная практика свидетельствует о том, что налоговые органы не всегда исполняют данную обязанность, ссылаясь на автоматический характер выявления нарушений [9, с. 145].

Анализ правоприменительной практики показывает, что суды придерживаются противоречивых позиций относительно правовых последствий нарушения налоговыми органами процессуальных сроков и процедур при проведении камеральных проверок [10, с. 62]. В настоящее время сформировалась судебная практика, согласно которой нарушение налоговым органом процессуальных сроков, связанных с проведением мероприятий налогового контроля и оформлением их результатов, не является безусловным основанием для отмены решения налогового органа по пункту 14 статьи 101 НК РФ. Суды исходят из того, что указанные нарушения не препятствуют налогоплательщику реализовать свои права и не влияют на правильность выводов налогового органа по существу.

Подобный подход судебных инстанций вызывает обоснованные сомнения с точки зрения соблюдения принципа правовой определенности и процессуальной справедливости. Процессуальные сроки установлены законодателем не произвольно, а с целью обеспечения баланса публичных и частных интересов, создания предсказуемых условий для участников налоговых правоотношений. Игнорирование процессуальных нарушений со стороны налоговых органов создает атмосферу правовой неопределенности и снижает стимулы для соблюдения установленных процедур.

Отдельного внимания заслуживает проблема ограничения полномочий налоговых органов при проведении камеральных проверок. Пункт 7 статьи 88 НК РФ прямо устанавливает, что при проведении камеральной налоговой проверки налоговый орган не вправе истребовать у налогоплательщика дополнительные сведения и документы, если иное не предусмотрено данной статьей или если представление таких документов вместе с налоговой декларацией не предусмотрено нормами НК РФ [2]. Данное ограничение призвано реализовать принцип недопустимости избыточного налогового контроля. Однако на практике налоговые органы нередко выходят за пределы установленных ограничений, запрашивая у налогоплательщиков документы, не предусмотренные статьей 88 НК РФ [11, с. 145].

Цифровизация налогового администрирования создает новые вызовы для реализации права налогоплательщика на защиту своих интересов. Традиционная модель налогового контроля предполагала возможность налогоплательщика оспорить действия конкретного должностного лица налогового органа, обосновать правомерность своей позиции, представить дополнительные доказательства [12, с. 244]. В условиях автоматизированных проверок налогоплательщик фактически лишается возможности вступить в диалог с проверяющим, поскольку решения формируются на основе алгоритмов, логика работы которых остается непрозрачной для проверяемого лица.

Режим налоговой тайны, установленный статьей 102 НК РФ, также создает определенные препятствия для эффективного использования искусственного интеллекта в налоговом контроле [2]. Обучение и функционирование систем искусственного интеллекта требует доступа к значительным массивам данных, включая информацию о налогоплательщиках. Между тем действующее законодательство устанавливает жесткие ограничения на использование сведений, составляющих налоговую тайну. Например, статья 105.6 НК РФ ограничивает использование информации, составляющей налоговую тайну, при сопоставлении условий сделок между взаимозависимыми лицами с условиями сделок между независимыми лицами [13, с. 11]. Представляется необходимым найти баланс между защитой конфиденциальности налоговой информации и потребностями эффективного функционирования автоматизированных систем контроля.

Концептуальным решением обозначенных проблем могло бы стать законодательное закрепление правового статуса автоматизированных информационных систем налоговых органов в качестве специальных субъектов налоговых правоотношений с определением границ их компетенции, процедур принятия решений и механизмов контроля за их деятельностью [5, с. 46]. Необходимо установить обязательность документального оформления всей цифровой информации, используемой налоговыми органами в рамках реализации контрольных полномочий, с обеспечением возможности ее проверки и оспаривания налогоплательщиком.

Важным направлением совершенствования правового регулирования представляется разработка и принятие специального нормативного правового акта, детально регламентирующего порядок применения автоматизированных систем при проведении камеральных налоговых проверок [14]. Такой акт должен определять критерии оценки налоговых рисков, используемые автоматизированными системами, устанавливать процедуры верификации результатов автоматизированного контроля должностными лицами налоговых органов, закреплять механизмы обжалования действий автоматизированных систем.

Целесообразным представляется также внесение изменений в статью 88 НК РФ, предусматривающих обязательное информирование налогоплательщика о применении автоматизированных систем при проведении камеральной проверки его декларации, о критериях отнесения к той или иной группе риска, а также о праве налогоплательщика получить разъяснения относительно логики работы алгоритмов, на основании которых были сделаны выводы о наличии налоговых нарушений [6, с. 55]. Подобная транспарентность процедур автоматизированного контроля будет способствовать реализации конституционного права налогоплательщиков на судебную защиту и обжалование действий налоговых органов.

Ключевым элементом совершенствования правового регулирования должно стать законодательное закрепление презумпции добросовестности налогоплательщика

в условиях автоматизированного налогового контроля. Автоматизированные системы должны рассматриваться как вспомогательный инструмент, результаты работы которого подлежат обязательной проверке и оценке уполномоченными должностными лицами налоговых органов с учетом всех конкретных обстоятельств деятельности налогоплательщика. Недопустимо формальное принятие решений исключительно на основании данных, полученных от автоматизированных систем, без критического анализа и учета возможных ошибок алгоритмов.

Подводя итог проведенному исследованию, следует констатировать, что правовое регулирование камеральных налоговых проверок в условиях цифровой трансформации налогового администрирования нуждается в существенном совершенствовании. Основными направлениями такого совершенствования должны стать: законодательное определение правового статуса автоматизированных информационных систем налоговых органов; установление обязательности документального оформления всех юридически значимых действий, совершаемых с использованием автоматизированных систем; закрепление механизмов транспарентности алгоритмов принятия решений и критериев оценки налоговых рисков; усиление процессуальных гарантий прав налогоплательщиков при проведении автоматизированных проверок; разработка эффективных процедур обжалования результатов автоматизированного контроля.

Литература:

1. Кирова Е. А., Кожебаткина А. В. Модернизация налогового контроля в условиях цифровизации экономики // Вестник Государственного университета управления. 2020. № 9. С. 94–99.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
3. Мезенцева П. А. Достоинства и недостатки цифровизации налогового контроля добавленной стоимости // Российские регионы в фокусе перемен. 2020. С. 735–736.
4. Буддыгин П. А., Кириллова А. С. Оптимизация системы налогового администрирования и контроля с использованием автоматизированного программного комплекса «АСК-НДС 3» // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 4–2. С. 30–33.
5. Мирзаев Р. М. Влияние четвертой промышленной революции на осуществление фискальных полномочий // Финансовое право. 2020. № 2. С. 42–46.
6. Коваленко Н. С., Леонов Е. М. Налоговый мониторинг как инструмент налоговой цифровизации // Закон. 2021. № 4. С. 50–59.
7. Цифровизация налогового администрирования в современных реалиях // Научный альманах. 2024. № 8. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2024/08/102456> (дата обращения: 05.10.2025).
8. Лютова О. И. Принцип самостоятельности исполнения налоговой обязанности в условиях цифровизации экономики // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 1. С. 99–105.
9. Овчарова Е. В. Административная процедура налогового контроля в механизме правового регулирования // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 2. С. 137–158.
10. Чимидов В. А. Нарушение сроков налоговой проверки налоговым органом, регламент налоговых проверок // Правовест Аудит. 2025. URL: <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/nalogovaya-narushila-processualnye-sroki-chto-delat/> (дата обращения: 05.10.2025).
11. Трунтаева К. В. Камеральная проверка — порядок проведения и как подготовиться // Правовест Аудит. 2024. URL: <https://pravovest-audit.ru/nashi-statii-nalogi-i-buhuchet/vse-o-kameralnykh-nalogovykh-proverkach/> (дата обращения: 05.10.2025).

12. Алексахина С. А., Горшкова А. А. Цифровизация налогового администрирования как инструмент повышения эффективности налоговой политики // Экономика, предпринимательство и право. 2024. № 12. С. 234–248.
13. Александров С. Н. Правовое регулирование цифровизации налогового контроля // Юридическая наука. 2023. № 6. С. 10–15.
14. О рекомендациях по проведения камеральных налоговых проверок: письмо ФНС России от 16.07.2013 № АС-4-2/12705. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

ПСИХОЛОГИЯ

Методика воспитания доброты через сказки (из опыта работы)

Калининченко Анна Николаевна, педагог-психолог
МАДОУ МО г. Краснодар «Детский сад № 174 «Сказочная страна»

В настоящее время воспитание доброты через сказки становится одним из важнейших аспектов формирования нравственной культуры дошкольника. Эмпатия — ведущая социальная эмоция, определяющая способность ребенка эмоционально отзываться на переживания других людей. Не случайно проблема развития эмпатии требует особого внимания именно в дошкольном возрасте, когда ребенок учится решать задачи взаимодействия с окружающим миром и интенсивно обретает опыт общения со сверстниками и взрослыми.

Автор убеждена, что воспитательные сказки для детей являются эффективным инструментом развития эмоциональной отзывчивости. Сказка — это удивительное по силе психологического воздействия средство работы с внутренним миром ребенка, наиболее действенный инструмент развития. Воспитательные сказки помогают дошкольнику наблюдать, чувствовать и понимать настроение героя, побуждают мысленно вставать на место персонажа. Благодаря этому, дети со сформированной эмпатией легче понимают чувства и поступки других, быстрее социализируются и свободнее общаются.

В этой статье рассмотрено, как дошкольный период, который некоторые исследователи называют возрастом сказок, становится ключевым для формирования нравственных качеств. Кроме того, автор поделится практическими методиками сказкотерапии, которые помогут развивать доброту и эмпатию у детей старшего дошкольного возраста.

Психологическая основа доброты в дошкольном возрасте

Дошкольный возраст считается наиболее благоприятным периодом для воспитания доброты. Как отмечал выдающийся педагог В. А. Сухомлинский «В детстве человек должен пройти эмоциональную школу — школу воспитания добрых чувств». Именно в этом возрасте закладываются первоосновы нравственности: доброта, отзывчивость, радость, нежность, сочувствие.

Во-первых, психологические исследования показывают, что дети 3–7 лет обладают особой восприимчивостью к нравственным нормам. Этот период Л. С. Выготский определяет, как сенситивный — время максимальных возможностей для наиболее действенного формирования качеств психики. Именно тогда происходит активное накопление нравственного опыта и формирования нравственных представлений.

Следует отметить, что доброте, как любому навыку, можно научиться. Однако важно не упустить момент и вовремя уделить этому внимание. Когда дети растут в атмосфере доброты и толерантности. Они становятся более терпимыми, лучше осознают страдания других и могут

искренне радоваться успехам окружающих. Интересной особенностью доброты является ее самовозпроизводительность — она внушает доброту другим. Кроме того, регулярные проявления доброты создают нейронные пути. Усиливающие чувство благополучия и естественный поток эндорфинов. Это означает, что дети не учатся доброте, просто рассуждая о ней в теории. Напротив, доброту лучше всего усвоить через практику

Процесс формирования эмпатии у дошкольников включает три взаимосвязанных компонента:

- эмоциональный-способность распознать и понимать эмоциональные состояния других,
- когнитивный-умение воспринимать внутренний мир других, проявлять сочувствие, поведенческий-практическая готовность к помогающему поведению.

Таким образом, воспитание доброты и отзывчивости является многосторонним процессом, успешность которого зависит от системной работы педагогов и родителей. Желание нести людям добро необходимо культивировать, потому что это делает из ребенка гуманную личность. И, действительно, как говорят специалисты «Доброта рождается в деятельности, настоящий гуманизм заключается в способности нести добро».

Сказка, как инструмент воспитания доброты

Сказка является эффективным средством в воспитании положительных качеств личности дошкольников. С детства она входит в мир ребенка, знакомит его с миром литературы, через нее малыш воспринимает человеческие взаимоотношения, постигает мудрость бытия.

Через сказочных героев дети познают окружающий мир, принимают нравственные идеалы и социальные нормы поведения. Они стараются быть похожими на положительных персонажей, копируют их поведение и речь. Сказки показывают благородство и великодушие мудрых героев, а также злость, жадность и зависть отрицательных персонажей.

Родители и педагоги должны понимать, что сказки — это не только красочные и интересные истории, но и средство воспитания. Они формируют в детях такие ценности как:

- ум, сила, мудрость, добро;
- дружба и взаимопомощь («Теремок»);
- послушание («Гуси-лебеди»);
- осторожность («Маша и медведь»).

В каждой сказке заложен определенный нравственный урок. Сказка практически самое эффективное из средств в формировании эмпатии у дошкольников. Она воздействует на эмоциональный мир ребенка, формирует его мировоззрение, влияет на разум и чувства. Ребенок переживает вместе с героями эмоции, которые впоследствии влияют на его собственную жизнь, поскольку в сказке он находит решение своих жизненных ситуаций.

Особенно важен оптимизм сказок, который вселяет в детей уверенность в обязательной победе добра над злом. Сопереживание положительному герою формируется сначала как внешняя, развернутая деятельность соучастия непосредственно воспринимаемых событиях, а затем переходит во внутренний план эмоционального воображения.

Кроме того, сказки дают возможность представить мироздание в трехмерном пространственном измерении, показывая ребенку микромир и макромир, познакомить с окружающей природой и человеческим обществом.

Методика сказкотерапии: от приема к результату

Сказкотерапия представляет собой эффективный метод практической психологии, оказывающий воздействие на эмоциональное состояние человека с помощью сказок. Основная цель данного метода — развитие личности и забота о душе. Ребенок встречается в сказочном рассказе с лучшей версией самого себя, учится у героя совершать добрые поступки.

Практическое применение сказкотерапии включает в себя несколько основных приемов:

- «Волшебная палочка» — прием. Воздействующий на когнитивный и поведенческий компонент эмпатии. Дети могут высказывать заветные желания, фантазировать, а педагог-психолог получает ценную диагностическую информацию.

- «Письмо» — после прослушивания сказки дети пишут письма героям: положительному герою — слова утешения и добрые пожелания, отрицательному-рекомендации о правильном поведении.

- «Волшебные слова» — развивает воображение и способность корректировать негативные ситуации.

- «Цветок» — педагог-психолог создает проблемную ситуацию, активизирующую образное мышление у детей.

Структура сказкотерапевтического занятия обычно включает: пропуск в сказку, разогрев, вспомогательную сказку, основную сказку и рефлекссию. Важно использовать игровые и изобразительные методы, поддерживать мотивацию участников и активизировать их воображение.

Исследования подтверждают эффективность сказкотерапии в развитии эмпатии. После проведения занятий по эмоциональному компоненту показатель высокого уровня повысился на 40 %, по когнитивному компоненту — на 50 %, а по поведенческому компоненту снизился на 30 %. Высокий повысился на 40 %.

Для целостного развития эмпатии занятия обычно я делю на три модуля, каждый из которых направлен на развитие эмоционального, когнитивного, поведенческого компонента. Дети активно проигрывают ситуации, учатся преодолевать барьеры в общении, тонко чувствовать друг друга, находить адекватное выражение различным эмоциям. Кроме того, эффективны такие приемы как пантомимические этюды «Удивление» и «Страх», упражнения на ритмизацию природных явлений, произвольное напряжение и расслабление мышц. Подобные практики помогают детям распознать эмоции, учиться сопереживанию и реализовывать помогающее поведение.

Таким образом, воспитание доброты через сказки становится не просто моральным наставлением, а практическим инструментом формирования эмпатии, объединяющим игру, творчество и глубокую психологическую работу.

Заключение

Подводя итоги, методика доброты через сказки представляет собой не просто теоретическую концепцию, а действенный инструмент формирования нравственных качеств у дошкольников. Действительно, сказкотерапия затрагивает все три компонента эмпатии — эмоциональный, когнитивный. Поведенческий, что делает ее особенно эффективной в работе педагога-психолога.

Мы убедились, что дошкольный возраст становится решающим периодом для развития доброты. Дети этого возраста обладают особой восприимчивостью к нравственным нормам и активно накапливают нравственный опыт. Безусловно, сказки превращаются в идеальный инструмент для такого развития, поскольку позволяют ребенку прожить различные эмоциональные состояния и научиться сопереживанию через отождествление себя с героями.

Практические методы сказкотерапии, такие как «Волшебная палочка», «Письмо», «Волшебные слова» и другие

приемы, доказали свою результативность на практике. Результаты исследований наглядно демонстрируют значительные повышения уровня эмпатии после систематических занятий.

Следует признать, что воспитание доброты требует комплексного подхода и вовлечения как педагогов, так и родителей. Тем не менее. Сказки остаются универсальным и доступным средством, которое можно использовать практически в любых условиях. Конкретные занятия по сказкотерапии, описанные в моей статье могут быть легко адаптированы для домашнего использования или интегрированы в образовательную программу дошкольных учреждений.

Таким образом, сказка становится не просто развлечением, а мощным инструментом воспитания, помогающим ребенку выстраивать правильную систему ценностей. Как гласит народная мудрость, «Сказка ложь, да в ней намек добрым молодцам урок». И этот урок, несомненно, закладывает фундамент для воспитания доброты, эмпатии и нравственности, которые останутся с ребенком на всю жизнь.

Предлагаю Вашему вниманию свою авторскую сказку из сборника «Сказки на песке» сказкотерапия для детей

Сказка о дружбе Авторская сказка для детей 4–7. Она учит контролировать негативные эмоции, обдумывать свои действия и поступки, быть добрым, внимательным, терпеливым.

В волшебной стране, где жил песочный гномик однажды испортилась погода. Подул сильный, пронизывающий ветер, набежали черные, густые тучи, дождь был готов вот-вот сорваться с неведомой силой. Гномика шатало из стороны в сторону от одного цветочка к другому, и он все сильнее старался закутаться в свою желтенькую курточку, пытался придержать свою смешную шапочку, чтобы ее не сдуло очередным порывом ветра.

Он даже не сразу понял, когда наткнулся на какой-то пушистый комок. Это был рыжий маленький лисенок, он весь сжался, при этом всхлипывал так горько. Песчаный гномик сразу же обратился к нему: «Что случилось? Чем тебе помочь?» Но тот продолжал горько плакать. «Ты замерз? Я могу отдать тебе свою курточку, хочешь? Только не плач, мне так грустно от твоих слез». Когда лисенок немного успокоился, и они спрятались в норке, укрывшись от дождя и ветра, он поведал свою историю.

«Я потерял друга. Он очень обижен на меня и теперь совсем не хочет со мной дружить. Мы начали спорить я ему сказал, что не хочу с ним общаться и такой друг мне совсем не нужен, он расстроился и ушел прочь. Я бежал за ним, пытался остановить и сказать, что я не хотел так говорить. Я вовсе так не думаю. Так получилось случайно, просто я очень разозлился и нехорошие, обидные слова выскочили у меня». У гномика в руках был светящийся фонарик, когда он выслушал историю лисенка то сказал:

«Я смогу помочь тебе, ведь я обладаю волшебным даром, я могу повернуть время назад, до того дня как ты потерял друга. Но помни о том, что я смогу помочь тебе только один раз». Вдруг гномик встряхнул фонариком и в этот момент все вокруг понеслось, закружилось. Лисенок почувствовал, как его отрывает от земли. Все происходило так стремительно, что он не успел опомниться, что-то сверкало всюду всеми цветами радуги. Буквально через несколько минут лисенок оказался на лесной полянке, светило солнышко, пели птички. Он оглянулся, но гномика нигде уже не было. Растерянный лисенок стоял на песочке у берега реки. В руках у него была большая конфета и воздушный шарик. Вдруг навстречу лисенку выбежал его друг медвежонок. Он с радостью вручил другу эти подарки. Медвежонок очень обрадовался такому вниманию и тут же простил своего друга. Он позвал лисенка рисовать на песке. Тот засмутился и сказал, что рисовать он совсем не умеет. «Не расстраивайся лисенок, я тебя сейчас научу». Лисенок с радостью побежал рядом, он был счастлив, что волшебный фонарик песочного гномика помог ему.

Медвежонок стал учить лисенка рисовать на песке, предложив нарисовать конфетку и шарик. «Сначала нарисуй шарик указательным и средним пальчиками, рисуем круг, а теперь ниточку, к которой привязан наш шарик. Чтобы нарисовать конфетку, нужно провести пальчиком, чтобы получился овал, можно кружочек или квадратик. Ты ведь знаешь, что конфетки бывают разной формы. А теперь указательным пальчиком по краям волнистыми линиями дорисуем обертку от конфетки. Смотри, как здорово у тебя получилось, лисенок! Ты большой молодец»

Лисенок обрадовался и решил: «Впредь я буду обязательно думать, прежде чем что-то сказать. Я всегда буду дорожить дружбой». Медвежонок и лисенок по-прежнему лучшие друзья!

Особенности применения техник йоги в психотерапевтической практике

Козлова Мария Владимировна, студент магистратуры
Крымский инженерно-педагогический университет имени Ф. Я. Якубова (г. Симферополь)

Статья посвящена описанию особенностей применения техники йоги в психотерапевтическую практику. Озвучено влияние упражнений на физическое и эмоциональное состояние человека. Рассмотрены позитивные стороны практического применения йоги в частной практике психологов, психотерапевтов, педагогов-психологов, тренеров АФК, а также специалистами других помогающих профессий.

Ключевые слова: йога, психотерапия, польза йоги, психологическая помощь, техники йоги.

Features of using yoga techniques in psychotherapy

Kozlova Maria Vladimirovna, master's student

Crimean Engineering and Pedagogical University named after F. Ya. Yakubov (Simferopol)

Йога, практика с богатой историей и глубиной, обладает многими преимуществами для психического здоровья. В этой статье рассматриваются основные преимущества, объясняющие, как каждый аспект йоги способствует более здоровому и сбалансированному состоянию ума.

Йога может быть определена как система, которая ставит целью научить человека управлять своим телом, добиваться улучшения здоровья, предупреждения некоторых заболеваний, способствовать долголетию, активной жизни и работоспособности. [2, с. 20]

В последние годы йога становится все более популярной как форма физических упражнений и релаксации, и ее преимущества как для физического, так и для психического здоровья хорошо известны. В этой статье рассматривается влияние йоги на психическое здоровье, в том числе то, как она снижает стресс и улучшает эмоциональную стабильность. Дается общее изложение теоретических и практических основ йоги, медицинских исследований, подтверждающих ее преимущества для здоровья, а также трудностей и ограничений, связанных с ее применением. Последствия этих открытий для продвижения йоги в качестве дополнительной терапии описаны в статье.

Йога практикуется уже тысячи лет и известна своей пользой для физического и психического здоровья. Хотя физические преимущества йоги хорошо известны, появляется все больше свидетельств того, что йога также может оказывать положительное влияние на психическое здоровье. Психическое здоровье является важным компонентом общего состояния здоровья и благополучия. Проблемы с психическим здоровьем, такие как тревога и депрессия, являются распространенными и могут оказывать значительное влияние на качество жизни человека. Многие люди обращаются к медикаментозному лечению или терапии для решения проблем психического здоровья, но растет интерес к дополнительным и альтернативным подходам, таким как йога. Йога — это практика взаимодействия разума и тела, которая включает в себя физические позы, дыхательные техники и медитацию. Она часто используется в качестве дополнительной терапии при психических расстройствах, таких как тревога, депрессия и посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР).

Считается, что польза йоги для психического здоровья связана с ее воздействием на нервную систему, а также с ее способностью повышать осознанность и снижать стресс. Польза йоги для психического здоровья, вероятно, является результатом сложного взаимодействия физиологических, психологических и социальных факторов. Необ-

ходимы дальнейшие исследования, чтобы лучше понять механизмы, с помощью которых йога оказывает свое воздействие на психическое здоровье, а также определить оптимальный тип и продолжительность занятий йогой при конкретных состояниях психического здоровья.

В данной статье собраны и обобщены данные, полученные из статей в международных журналах.

В нескольких исследованиях изучалась польза йоги для психического здоровья, особое внимание уделялось ее влиянию на тревожность, депрессию, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и стрессоустойчивость. Ниже представлен обзор некоторых ключевых исследований в этой области.

Тревога: Систематический обзор и мета-анализ 19 рандомизированных контролируемых исследований показали, что занятия йогой были связаны со значительным уменьшением симптомов тревоги. Другое исследование показало, что 12-недельные занятия йогой были связаны со снижением уровня тревожности и стресса у группы женщин с тревожными расстройствами.

Депрессия: Мета-анализ показал, что занятия йогой были связаны со значительным уменьшением симптомов депрессии. Другое исследование показало, что 12-недельное занятие йогой было связано с уменьшением симптомов депрессии и тревоги у выборки молодых людей с легкой и умеренной депрессией.

ПТСР: Систематический обзор и мета-анализ 10 исследований показали, что занятия йогой были связаны со значительным уменьшением симптомов ПТСР. Другое исследование показало, что 12-недельный курс йоги был связан с уменьшением симптомов ПТСР у группы женщин с ПТСР, перенесших сексуальную травму.

Стресс: Систематический обзор и мета-анализ 25 исследований показали, что занятия йогой были связаны со значительным снижением уровня воспринимаемого стресса. Другое исследование показало, что 12-недельные занятия йогой были связаны со снижением уровня стресса в выборке студентов колледжа.

Эти исследования показывают, что йога может быть эффективной дополнительной терапией при психических расстройствах, таких как тревога, депрессия, ПТСР и стресс. Результаты этих исследований также свидетельствуют о том, что польза йоги для психического здоровья может быть связана с ее воздействием на нервную систему, а также с ее способностью повышать осознанность и снижать стресс. Однако необходимы дополнительные исследования, чтобы полностью понять механизмы, лежащие в основе этих эффектов, и определить оптимальный тип, частоту и продолжительность занятий йогой при конкретных состояниях психического здоровья.

Точные механизмы, с помощью которых йога улучшает психическое здоровье, до конца не изучены, но есть несколько теорий и потенциальных путей, которые были предложены. Основные методы воздействия на организм человека происходят через физические упражнения, дыхание, медитацию. Использование этих техник приводит к формированию внутри психических барьеров, которые могут дезактивировать действие отрицательных раздражителей, способствует положительной перестройке и укреплению психических функций, связанных с эмоционально-волевой сферой человека. [1, с.21]

Закрепление полученных навыков через некоторое время дают человеку возможность изменить внешние процессы и влияют на изменения личностные. [4, с. 24]

Снижение стресса: Одним из наиболее распространенных объяснений пользы йоги для психического здоровья является ее способность снижать стресс. Было обнаружено, что занятия йогой снижают уровень кортизола, основного гормона стресса, и активируют парасимпатическую нервную систему, которая отвечает за реакцию организма на расслабление. Снижая стресс, йога может помочь облегчить симптомы тревоги, депрессии и других психических расстройств. Дыхание помогает человеку войти в контакт с волнообразным ритмом его дыхания и с соответствующими ему эмоциональными изменениями. Т. е. это движение к гармоничному дыханию и к эмоциональному равновесию. Дыхание и эмоции глубоко связаны, и каждое эмоциональное изменение ведет к изменению дыхания. [6, с.15]

Осознанность: Йога часто включает в себя практики осознанности, такие как осознание дыхания и сканирование тела, которые могут помочь людям развить большее самосознание и внимание к настоящему моменту. Было обнаружено, что осознанность улучшает регуляцию эмоций, уменьшает количество размышлений и усиливает позитивный аффект и все это может способствовать улучшению психического здоровья.

Социальная поддержка: Участие в занятиях йогой может дать людям ощущение социальной поддержки и общности, что связано с улучшением показателей пси-

хического здоровья. Занятия йогой в группах могут быть особенно эффективны в улучшении психического здоровья, поскольку создают благоприятную атмосферу и не допускают осуждения. [3, с. 10]

Физическая активность: Йога включает в себя физические движения и упражнения, которые, как было установлено, оказывают положительное влияние на психическое здоровье. Физические упражнения связаны с повышением уровня эндорфинов, естественных химических веществ, отвечающих за хорошее самочувствие, и повышением самооценки.

Кроме того, регулярная физическая активность связана с уменьшением симптомов депрессии и тревоги.

Нейробиологические изменения: Появляется все больше свидетельств того, что йога может вызывать изменения в мозге, которые способствуют улучшению психического здоровья. Например, исследования показали, что занятия йогой связаны с увеличением серого вещества в областях мозга, отвечающих за эмоциональную регуляцию и самосознание, а также с изменениями активности нейромедиаторов, которые связаны с улучшением настроения. [5, с.168]

Хотя существующие исследования, посвященные йоге и ее пользе, являются многообещающими, все еще существует необходимость в дальнейших исследованиях, чтобы лучше понять потенциальные механизмы, с помощью которых йога улучшает психическое здоровье. Будущие исследования должны быть направлены на использование более крупных выборок, более длительных периодов наблюдения и более тщательного планирования исследований, чтобы предоставить более убедительные доказательства преимуществ йоги. Таким образом, несмотря на то, что существующие исследования йоги и ее преимуществ являются многообещающими, все еще существует необходимость в дальнейших исследованиях, чтобы лучше понять потенциальные механизмы, с помощью которых йога улучшает психическое здоровье, а также эффективность различных видов йоги для конкретных состояний здоровья и групп населения.

Литература:

1. Алексеев А. В. Психомышечная тренировка: руководство по психотерапии / под ред. В. Е. Рожнова. — Ташкент, 1985.
2. Евтимов В. «Йога. Практическое руководство» — Издательство «София», 1981.
3. Козлов В. Психология свободного дыхания. Феноменология расширенных состояний сознания. — Ярославль, 1992.
4. Коляну Н. Введение в психотехнику свободного дыхания. Теория. Практика. Наблюдения. — Переславль-Залесский, 1992.
5. Фролов А. «Йоготерапия. Хатха-йога как метод реабилитации» — «Ориенталия» — М., 2016.
6. Хрестоматия по телесно-ориентированной психотерапии и психотехнике / под ред. В. Баскакова. — М., 2005.

Использование средств арт-терапии для развития эмоционального интеллекта младших школьников

Коротких Софья Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Колосова Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент
Воронежский государственный педагогический университет

Эмоциональный интеллект (ЭИ) в последние десятилетия рассматривается как важнейший фактор успешного обучения и социализации. Для младших школьников развитие ЭИ приобретает особое значение, поскольку именно в этот период формируются основы учебной мотивации, навыков общения и умения регулировать собственные эмоциональные состояния.

Классическое определение ЭИ дано Дж. Майером и П. Сэлоуем, которые понимали его как способность распознавать, понимать и регулировать эмоции — собственные и чужие [11, с. 99]

Д. Гоулман, расширяя это понимание, выделил пять ключевых компонентов: самосознание, саморегуляцию, мотивацию, эмпатию и социальные навыки [1]. В условиях начальной школы каждый из этих компонентов проявляется особенно ярко: дети учатся осознавать свои эмоции, управлять поведением, формируют первые значимые социальные связи.

Р. Бар-Он, развивая идею эмоционально-социального интеллекта, показал, что высокий уровень ЭИ способствует устойчивости к стрессу, формированию позитивных отношений и субъективного благополучия [10]. Для младших школьников это выражается в более легкой адаптации к школьной среде, снижении уровня тревожности и успешном вхождении в коллектив.

В отечественной психологии, начиная с идей Л. С. Выготского о единстве интеллекта и аффекта, эмоциональная сфера рассматривается как основа развития мышления и познавательных процессов. Современные исследователи (Н. П. Ильин, А. С. Петровская) подчеркивают значимость ЭИ как важного условия личностного становления. Хотя их исследования во многом посвящены профессиональной подготовке, применительно к детям можно отметить, что развитие эмоциональной компетентности в младшем школьном возрасте является предпосылкой успешного формирования учебной деятельности и коммуникативных навыков [2; 8].

Д. В. Люсин предложил дифференцированную модель ЭИ, в которой выделяются внутриличностный и межличностный уровни [7]. Для младших школьников это означает, что педагог должен одновременно развивать способность ребенка осознавать и регулировать свои эмоции и формировать эмпатию, умение понимать чувства других детей. Д. В. Ушаков, связывая ЭИ с когнитивными процессами и креативностью, подчеркивает его значение для учебной мотивации: ребенок с развитым эмоциональным интеллектом легче усваивает материал, проявляет ин-

терес к познанию и демонстрирует гибкость мышления [7, с. 26].

Таким образом, развитие эмоционального интеллекта в младшем школьном возрасте следует рассматривать как целостный процесс, включающий когнитивные, регулятивные и социальные компоненты. Он обеспечивает школьникам эмоциональное благополучие, устойчивость к стрессу и успешное включение в образовательную среду, создавая условия для гармоничного личностного и учебного развития.

Арт-терапия является одним из наиболее результативных средств, направленных на развитие эмоционального интеллекта у младших школьников. Её преимущество заключается в том, что она позволяет ребёнку выражать переживания через художественные и символические формы, не требующие высокой степени вербализации. Как отмечает Л. Д. Лебедева, в продуктах творчества ребёнок бессознательно отражает собственные эмоциональные состояния, что открывает широкие возможности для их осознания и дальнейшей переработки [5, с. 30]

Важной особенностью арт-терапии является проекционный механизм: внутренние чувства и переживания переносятся на рисунок, движение или музыкальный образ. Такой подход обеспечивает не только диагностику эмоционального состояния, но и его мягкую коррекцию. В «Энциклопедии признаков и интерпретаций в проективном рисовании и арт-терапии» подчёркивается, что работа с визуальными символами даёт возможность выявить скрытые особенности личности и помогает детям освоить новые способы эмоционального самовыражения [6, с. 10].

Средства арт-терапии отличаются разнообразием. Используются изотерапия, музыкотерапия, сказкотерапия, куклотерапия, танцевально-двигательные практики и элементы психодрамы [3]. Каждое из направлений имеет собственный потенциал: рисунок способствует выражению эмоций и развитию воображения, музыка и движение — регуляции настроения и снятию напряжения, сказка — символическому осмыслению личного опыта. Киселёва подчёркивает, что именно интеграция различных техник делает арт-терапевтический процесс особенно эффективным, поскольку позволяет задействовать когнитивную, эмоциональную и телесную сферы ребёнка.

Развитие эмоциональной сферы средствами арт-терапии активно исследуется современными авторами. Так, Т. Ю. Колошина указывает, что творческая деятель-

ность способствует развитию у школьников способности к саморегуляции и формированию положительной самооценки, что отражается на их социальной адаптации. В свою очередь, А. А. Трусъ отмечает значимость арт-терапевтических практик в образовательном процессе: они способствуют гармонизации отношений в коллективе, укреплению коммуникативных навыков и развитию эмпатии, что напрямую связано с успешностью ребёнка в учебной деятельности [3].

А. И. Копытин рассматривает арт-терапию как экологичный способ коррекции эмоциональных нарушений и подчеркивает её ресурс в работе с детьми, склонными к тревожности и эмоциональной неустойчивости [4, с. 6]. Л. Д. Лебедева дополняет это положениями о системе тематических занятий — от рисования и лепки до работы с масками и куклами — которые позволяют педагогу сочетать диагностику и коррекцию в едином образовательном пространстве [5, с. 105].

Клод Штайнер в своей концепции «эмоциональной грамотности» подчёркивал необходимость обучения детей осознанному выражению эмоций, способности к эмпатии и ответственности за собственные чувства [9, с. 185]. Включение арт-терапевтических практик в школьное обучение отвечает этим задачам: ребёнок получает опыт конструктивного выражения чувств, учится понимать эмоциональные состояния других людей и строить гармоничные взаимоотношения.

Таким образом, арт-терапия выступает универсальным средством развития эмоционального интеллекта младших школьников. Она объединяет разнообразные методы и техники, способствует расширению эмоционального опыта, развитию эмпатии, саморегуляции и коммуникативных навыков. Применение арт-терапевтических практик в начальной школе соответствует современным требованиям ФГОС и обеспечивает детям условия для успешного обучения и социальной адаптации.

Литература:

1. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / Дэниел Гоулман; пер. с англ. А. П. Исаевой; [науч. ред. Е. Ефимова]. / Д. Гоулман. — 11-е изд. — Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2021. — 544 с.
2. Ильин, Е.П. Эмоции и чувства. 2-е изд. Издательский дом «Питер», 2021. — 784с.
3. Колошина, Т. Ю., Трусъ А. А. Арт-терапевтические техники в тренинге: характеристики и использование. Практическое пособие для тренера. — СПб.: Речь, 2010. — 189 с.
4. Копытин, А. И. Методы арт-терапии в преодолении последствий травматического стресса: методическое пособие. — СПб.: СПб АППО, 2015. — 120 с.
5. Лебедева, Л. Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. — СПб.: Речь, 2003. — 256 с.
6. Лебедева, Л. Д., Никонорова Ю. В., Тараканова Н. А. Энциклопедия признаков и интерпретаций в проективном рисовании и арт-терапии. — СПб.: Речь, 2006. — 336 с.
7. Люсин, Д. В. Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009—351 с.
8. Петровская, А. С. Эмоциональный интеллект как детерминанта результативных параметров и процессуальных характеристик управленческой деятельности: автореф. дис. канд. психол. наук: 19.00.03 / А. С. Петровская. — Ярославль: ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2007. — 225 с.
9. Штайнер, К. Эмоциональная грамотность: интеллект с сердцем. Руководство по улучшению личных и профессиональных отношений / К. Штайнер. — Киев: ТОВ «НВП «Интерсервис», 2016. — 303 с.
10. Bar-On, R. The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI) // *Psicothema*. — 2006. — Vol. 18, Suppl. — P. 13–25.
11. Mayer, J. D., Salovey, P., Caruso, D. R., & Sitarenios, G. (2003). Measuring emotional intelligence with the MSCEIT V2.0. *Emotion*, 3, 97–105.

Связь особенностей волевой регуляции и самоотношения молодых людей

Соловьева Елена Юрьевна, студент
Московский институт психоанализа

В статье рассматривается связь особенностей волевой регуляции и самоотношения молодых людей. Актуальность представленного исследования заключается в том, что позитивное самоотношение и высокий уровень развития волевой регуляции могут помочь молодым людям преодолевать трудные жизненные ситуации и выстроить близкие отношения с другими людьми. На выборке из 100 респондентов (18–25 лет) с применением комплекса диагностических методик была выявлена связь индивидуальных особенностей волевой регуляции (волевых диспозиций, волевого самоконтроля и самооценки) и самоотношения у молодых людей. Результаты исследования могут быть использованы в практике психологического консультирования.

Ключевые слова: волевая регуляция, самоотношение, самоконтроль, самооценка волевых качеств.

Введение

Современное общество предъявляет повышенные требования к молодым людям, ставя перед ними сложные задачи выбора жизненного пути, профессиональной самореализации, создание семьи и т. д. В достижении успеха в учебной, спортивной и трудовой деятельности важнейшую роль играет волевая регуляция [3, 11, 10]. Развитие волевой регуляции начинается в детстве, но наиболее активно она формируется в молодости, когда человек начинает вести взрослую самостоятельную жизнь. Есть все основания полагать, что именно в раннем зрелом возрасте, с началом самостоятельной социальной и профессиональной жизни роль волевой регуляции жизнедеятельности человека значительно возрастает [9]. **Проблемой исследования** является противоречие, состоящее в том, что к настоящему моменту вопросам волевой регуляции и самоотношения по отдельности уделяется большое внимание исследователей, но остается не изученной связь особенностей волевой регуляции и самоотношения молодых людей. **Целью исследования** является изучение связи особенностей волевой регуляции и самоотношения у молодых людей.

Методы исследования.

1. Анализ научной литературы и публикаций, систематизация и обобщение научных источников и исследований отечественных и зарубежных авторов по выбранной тематике.
2. Эмпирические методы: анкетирование участников исследования, психологическое тестирование для выявления особенностей волевой регуляции и самоотношения.
3. Методы математической статистики для обработки и анализа данных: описательный анализ для предоставления общей картины распределения данных, корреляционный анализ: для выявления взаимосвязи между компонентами волевой регуляции и самоотношения применен коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Методики исследования

Для изучения особенностей волевой регуляции использовались следующие методики: «Шкала контроля за действием» Ю. Куля (НАКЕМР-90) в адаптации С. А. Шапкина (1997) [8], «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» (Г. С. Никифоров, В. К. Васильев и С. В. Фирсова) (Ильин, 2000) [6], Формализованная модификация методики самооценки (СО) Дембо-Рубинштейн в адаптации В. А. Иванникова, Е. В. Эйсмана (1990) [1].

Для изучения особенностей самоотношения использовался тест-опросник самоотношения В. В. Столина [7].

Также анкета с вопросами, касающимися социально-демографических характеристик респондента: возраста,

образования, семейного положения, профессиональной деятельности. Исследование проводилось на базе Московского Института Психоанализа. В качестве добровольцев выступили студенты разных факультетов. В исследовании приняли участие 100 человека в возрасте от 18 до 25 лет, среди них 16 мужчин, 84 женщин, средний возраст 22,3 года.

Результаты исследования

Контроль за действиями. По данным методики «Шкала контроля за действием» Ю. Куля (НАКЕМР-90) в адаптации С. А. Шапкина (1997) у респондентов средне выражен контроль за действиями при неудаче и при планировании. И высоко выражен контроль за действиями при реализации.

Выраженность самоконтроля. По данным методики «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении (социальный самоконтроль)» наибольшая часть выборки имеет средний уровень выраженности эмоционального (80 %), поведенческого (77 %) и социального (76 %) самоконтроля.

Самооценка волевых качеств. На рисунке 1 представлены средние значения волевых качеств по выборке, а также средний балл волевых качеств (СВБК), выявленных по методике «Формализованная модификация методики самооценки (СО) Дембо-Рубинштейн в адаптации В. А. Иванникова, Е. В. Эйсмана (1990)».

Согласно полученным данным, было выявлено, что показатели среднего бала у респондентов выше по шкалам «Ответственный», «Упорный», «Внимательный», «Принципиальный», «Самостоятельный», «Обязательный». Самые низкие средние балы у респондентов по шкалам «Смелый», «Деловитый», «Энергичный», «Инициативный», «Решительный».

Самоотношение. На рисунке 2 представленные результаты методики «Тест-опросник самоотношения В. В. Столина». Согласно полученным данным, у 73 % респондентов ярко выражены признаки интегрального самоотношения, у 67 % ярко выражены признаки самоинтереса, у 57 % ярко выражены признаки самопринятия, у 56 % респондентов ярко выражены признаки саморукводства, ауто-симпатии и самоуважения.

У 58 % респондентов не выражено самообвинение, у 35 % не выражена самоуверенность, у 34 % не выражено ожидание положительного отношения от других.

Результаты и обсуждение

Корреляционный анализ показал 32 положительных и 3 отрицательные связи особенностей волевой регуляции и параметров самоотношения молодых людей (см. табл. 1). Две шкалы самоотношения, а именно «Самоуважение» и «Самоуверенность» показали прямую корреляцию со

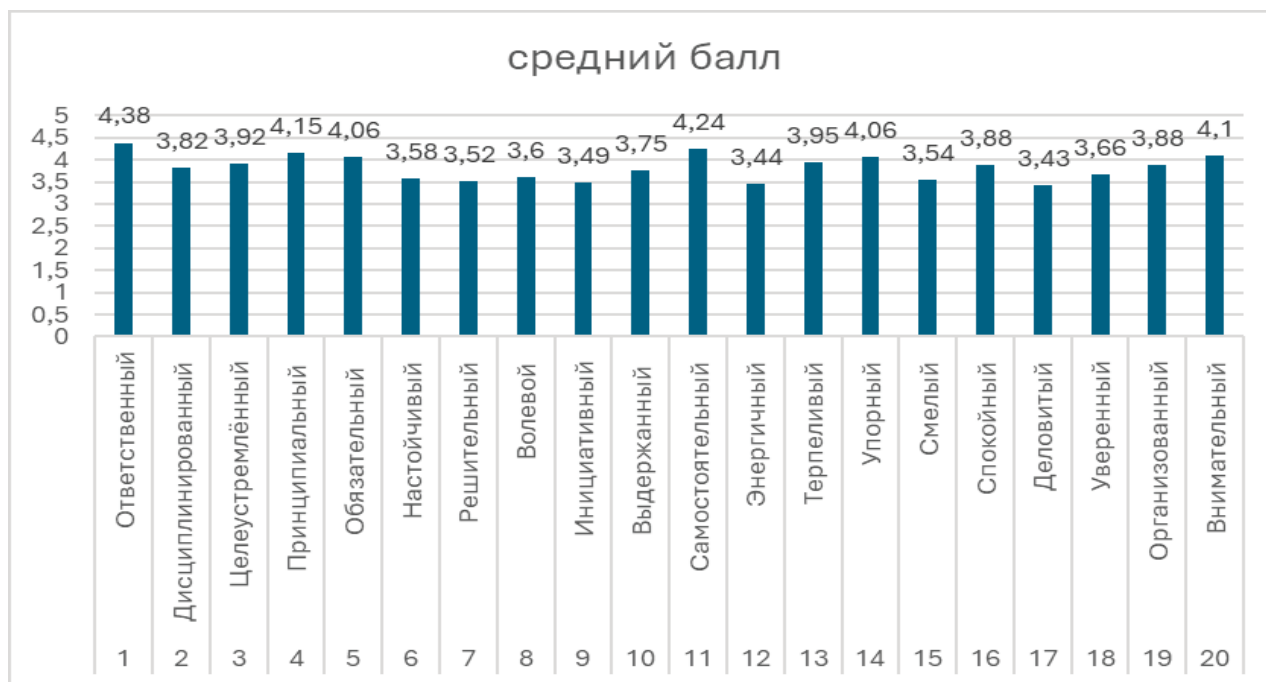


Рис. 1. Средние значения показателей самооценки волевых качеств респондентов



Рис. 2. Выраженность самоотношения по всей выборке (№ 100)

всеми показателями шкал особенностей волевой регуляции. Параметр «Интегральное самоотношение» показало среднюю положительную связь с пятью из шести показателями волевой регуляции. Единственной шкалой, показавшей обратную корреляцию по всем показателям волевой регуляции, стало «Самообвинение». Полученные данные могут свидетельствовать в пользу представления многих исследователей о взаимной детерминации волевой регуляции и самоотношения [2, 4, 5].

Корреляционный анализ показал 45 положительных и 5 отрицательных связей самооценок волевых качеств и параметров самоотношения молодых людей (см. табл. 2).

Согласно полученным данным, «Самопонимание» показало наибольшее количество прямых связей (12) с самооценками волевых качеств. «Самоуважение» и «Самоуверенность» показали одинаковое количество положительных связей (9) с одними и теми же самооценками волевых качеств. Интегральное самоотношение

Таблица 1. Связь особенностей волевой регуляции и самооотношения по итогам корреляционного анализа по критерию Спирмена (№ 100)

Самоотношение	Волевая регуляция					
	Контроль за действиями при планировании	Контроль за действиями при реализации	Контроль за действиями при неудаче	Эмоциональный самоконтроль	Поведенческий самоконтроль	Социальный самоконтроль
Шкала S Интегральная	,250*	,262**	,235*	,247*	0,161	,275**
Шкала I Самоуважение	,346**	,260**	,314**	,270**	,267**	,352**
Шкала II Аутосимпатия	0,125	,226*	0,151	0,19	0,07	,260**
Шкала III Ожидание положительного отношения от других	0,031	,226*	-0,026	0,139	0,079	0,098
Шкала IV Самоинтерес	-0,023	,243*	-0,016	0,196	,242*	0,061
1 Шкала самоуверенности	,299**	,197*	,244*	,230*	,204*	,266**
2 шкала Ожидания отношения других	-0,052	0,163	-0,01	,219*	0,025	0,076
3 Шкала самопринятия	-0,013	0,175	0,093	,253*	0,093	,240*
4 шкала саморуководства	0,103	0,193	0,026	,208*	0,177	,199*
5 Шкала самообвинения	-,214*	-0,142	-,224*	-0,17	-0,059	-,272**
6 Шкала самоинтереса	0,024	,204*	-0,011	,210*	0,141	0,154
7 шкала самопонимания	,292**	0,127	,307**	,203*	0,026	0,182

Таблица 2. Связь самооценок волевых качеств и параметров самооотношения по итогам корреляционного анализа по критерию Спирмена (№ 100)

Самооценка волевых качеств	Самоотношение											
	Шкала S Интегральная	Шкала I Самоуважение	Шкала II Аутосимпатия	Шкала III Ожидание полож. отношения	Шкала IV Самоинтерес	1 Шкала Самоуверенности	2 шкала Ожидания отношения других	3 Шкала Самопринятия	4 шкала Саморуководства	5 Шкала Самообвинения	6 Шкала Самоинтереса	7 шкала Самопонимания
Целеустремлённый	,314**	,344**	,214*	0,172	0,120	,325**	0,097	,210*	0,045	-,221*	0,160	,373**
Настойчивый	,214*	,247*	0,083	0,064	-0,060	,317**	0,026	0,075	0,017	0,017	0,015	,249*
Решительный	,373**	,343**	,279**	0,038	0,063	,343**	-0,039	0,168	-0,048	-,285**	0,053	,321**
Волевой	,274**	,295**	0,182	-0,030	0,102	,360**	0,011	0,163	-0,080	-0,152	-0,013	,224*
Самостоятельный	0,167	,217*	0,146	0,003	-0,055	,259**	-0,040	0,122	0,088	-0,159	0,007	,212*
Энергичный	,290**	,312**	,206*	0,022	0,061	,313**	0,036	,231*	0,006	-,199*	0,181	,347**
Терпеливый	0,129	0,126	0,060	-0,059	0,084	0,120	0,036	0,055	-0,018	-0,054	0,043	,245*
Упорный	0,159	,278**	0,044	0,073	0,064	,220*	0,105	0,075	0,086	-0,052	0,042	,289**
Спокойный	0,097	0,130	0,078	-0,145	0,142	-0,018	-0,073	0,028	-0,067	-0,114	-0,045	,290**
Деловитый	0,123	0,136	-0,026	0,067	0,111	0,133	0,128	-0,074	-0,033	-0,008	0,018	,209*
Уверенный	,307**	,257**	,213*	0,128	0,112	,334**	0,088	0,188	-0,164	-,249*	0,057	,347**
СБВК	,378**	,376**	,259**	0,041	0,170	,432**	0,030	,200*	-0,037	-,230*	0,109	,386**

показало 7 прямых корреляций. «Аутосимпатия» положительно связана с пятью самооценками волевых качеств. «Самообвинение», единственная шкала, показавшая обратную связь. Самооценки таких волевых качеств, как от-

ветственный, дисциплинированный, принципиальный, обязательный, инициативный, выдержанный, организованный и внимательный не показали статистически значимых корреляций с параметрами самооотношения.

Таким образом, полученные в ходе данного исследования результаты анализа подтверждают **выдвинутую основную гипотезу**: особенности волевой регуляции положительно связаны с позитивным самоотношением.

Заключение

В результате исследования выявлено, что особенности волевой регуляции положительно связаны с позитивным самоотношением. Самоуважение и самоуверенность положительно коррелируют со всеми шестью исследуемыми нами особенностями волевой регуляции. Позитивное самоотношение в целом прямо связано с выраженностью самоконтроля. Позитивное самоотношение напрямую связано с двенадцатью самооценками волевых качеств. Позитивное самоотношение положи-

тельно коррелирует с показателями шкалы контроля за действиями.

Полученные в нашем исследовании данные проведены на небольшой выборке (№ 100), преимущественно женского пола (84 %) и имеют слабую и среднюю корреляцию, что не позволяет делать надежных выводов. Но полученные результаты требуют дальнейшего исследования этого вопроса. Одним из направлений дальнейших исследований может быть вопрос о гендерных различиях связи особенностей волевой регуляции и самоотношения людей. Другим направлением дальнейших исследований может стать вопрос о том, какие именно «детерминирующие» эмоции «помогают» реализации намерения в действии. Данные исследования могут внести вклад в развитие представлений о волевой регуляции и улучшить методологию работы психологов-консультантов с клиентами.

Литература:

1. Барабанов Д. Д. Апробация методики самооценки волевых качеств / Д. Д. Барабанов // International Journal of Medicine and Psychology. — 2022. — Т. 5, № 2. — С. 18–24.
2. Высоцкий А. И. Волевая активность школьников и методы ее изучения: учеб, пособие / А. И. Высоцкий. — Челябинск: ЧГПИ, 1979. — 69 с
3. Иванников В. А., Барабанов Д. Д., Монроз А. В., Шляпников В. Н., Эйдман Е. В. Место понятия «воля» в современной психологии // Вопросы психологии, 2014. № 2. — С. 15–23.
4. Ильин Е. П. Психология воли, СПб.: Питер, 2017. — 621 с.
5. Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание / И. С. Кон. — М.: Политиздат, 1984. — 335 с.
6. Никифоров Г. С. Психология самоконтроля, Л.: Изд-во СКИФИЯ. 2020. — 232 с.
7. Психологическая диагностика развития подростков (с практикумом): учебное пособие для студентов / И. И. Маркова; «Воронежский государственный педагогический университет». — Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2022. — 151 с.
8. Шапкин С. А. Экспериментальное изучение волевых процессов. — 1997.
9. Шляпников В. Н. Динамика волевой регуляции в процессе профессиональной адаптации личности: автореф. дис... канд. психол. наук. М., 2008. — 26 с.
10. Шляпников В. Н. Роль волевой регуляции в процессе профессиональной адаптации молодых специалистов // Вопросы психологии, 2010. № 6 — С. 78–90.
11. Шляпников В. Н., Иванников В. А. Связь особенностей волевой регуляции с достижениями в спорте // Познавание и переживание, 2021. — Т. 2. № 1. — С. 83–103.

Особенности формирования психологической устойчивости у кадет, мотивированных на достижение высоких результатов в спорте

Тугушева Галина Викторовна, педагог-психолог
Ставропольское президентское кадетское училище

В статье рассматриваются особенности формирования психологической устойчивости у кадет, стремящихся к высоким спортивным достижениям. Определяется понятие психологической устойчивости применительно к данной группе, анализируются основные трудности, с которыми сталкиваются кадеты в процессе спортивной подготовки и выступлений, а также обосновывается необходимость развития устойчивости для успешного достижения целей. Предлагаются условия и методы формирования психологической устойчивости, способствующие повышению эффективности тренировочного процесса и спортивных результатов.

Ключевые слова: психологическая устойчивость, кадеты, мотивация, высокие спортивные достижения.

Иntenсивные физические нагрузки, характерные для обучения в кадетском училище, предъявляют по-

вышенные требования не только к физической, но и к психологической устойчивости воспитанников. Психоло-

логическая устойчивость — это способность человека справляться с жизненными трудностями, стрессами, неудачами, сохраняя при этом психическое равновесие и продолжая двигаться к поставленным целям. Это важное качество личности, которое позволяет эффективно адаптироваться к изменениям, преодолевать препятствия и не терять мотивацию в сложных ситуациях [12, с. 54].

Для кадет, мотивированных на высокие спортивные достижения, эта характеристика особенно важна, поскольку их подготовка сочетает интенсивные тренировки, академические обязанности и дисциплинарные требования. Формирование устойчивости в этой группе требует комплексного подхода, учитывающего индивидуальные, социальные и организационные факторы.

Психологическая устойчивость включает в себя несколько аспектов. Сюда входит умение контролировать свои эмоции и реакции на внешние воздействия. Человек с высокой психологической устойчивостью способен сохранять спокойствие в стрессовых ситуациях, не допуская эмоционального перегорания. Он может адекватно оценивать происходящее и принимать решения, не поддаваясь влиянию негативных эмоций [1, с. 61]. Также психологическая устойчивость связана с умением адаптироваться к изменениям и быстро приспосабливаться к новым условиям. Человек, обладающий этим качеством, не теряет веры в себя и свои способности даже в сложных ситуациях. Его отличает готовность к переменам и поиску новых путей решения проблем. Ещё одним важным аспектом психологической устойчивости является умение управлять своими мыслями и убеждениями. Человек с хорошей психологической устойчивостью способен контролировать свое внутреннее состояние, не допуская негативных мыслей и убеждений, мешающих ему двигаться вперед. Он умеет переключать внимание с проблем на поиски решений и возможностей.

Психологическая устойчивость — это динамическое качество, позволяющее индивидам не только выживать в кризисных ситуациях, но и расти под их влиянием [1, с. 128]. У кадет она проявляется в способности справляться с травмами, поражениями и высокими нагрузками без потери мотивации. Значение устойчивости для мотивированных кадет велико: она снижает риск выгорания, повышает производительность и способствует долгосрочному успеху в спорте и жизни.

Кадетская среда отличается от обычной спортивной подготовки строгими правилами, коллективным проживанием и интеграцией спорта с образованием. Это создает уникальные вызовы: интенсивные тренировки, экзамены, социальное давление и ограниченная свобода. Мотивация на высокие результаты часто связана с патриотическими или карьерными целями, что усиливает стресс [14]. Особенности формирования устойчивости здесь включают:

- Высокий уровень стресса: кадеты сталкиваются с многогранными нагрузками, требующими быстрой адаптации;
- Коллективную динамику: поддержка сверстников и тренеров играет ключевую роль, но также может усиливать конкуренцию.

— Дисциплинарные нормы: обучение с приоритетным военным компонентом подчеркивает стойкость, но может подавлять выражение эмоций, что требует специальных методов развития.

Психоэмоциональное состояние кадет порой оказывается нестабильным, так как они сталкиваются с множеством новых требований и ожиданий. Кроме того, интенсивная физическая активность может стать источником эмоционального напряжения и стресса. Важно заметить, что наличие стресса не всегда негативно; в разумных пределах он может служить фактором, способствующим личностному росту и повышению производительности. В то же время, чрезмерный стресс может привести к снижению мотивации, ухудшению физического состояния и общей психологической устойчивости кадет [2].

Формирование устойчивости у кадет происходит под влиянием взаимосвязанных факторов, которые можно разделить на четыре группы:

1. Индивидуальные факторы:

— Мотивация и целеустремленность. Внутренняя мотивация (стремление к самореализации) помогает преодолевать барьеры. Она способствует формированию устойчивости, поскольку мотивированные воспитанники лучше справляются со стрессом, фокусируясь на долгосрочных целях. Так, кадет, видящий спорт как путь к дисциплине, легче восстанавливается после поражений, используя их как урок для роста [4, с. 87].

— Эмоциональный интеллект: Способность управлять эмоциями снижает уязвимость к стрессу. Способность распознавать и управлять эмоциями (например, контролировать гнев или тревогу) снижает уязвимость и укрепляет устойчивость [6, с. 204]. Так, во время соревнований кадет с развитым эмоциональным интеллектом сохраняет спокойствие, избегая импульсивных решений.

— Оптимистичный взгляд и самооффективность. Позитивное мышление и вера в способности позволяют интерпретировать вызовы как возможности и рассматривать неудачи как временные трудности. Это снижает уязвимость к депрессии [4, с. 92]. Так, после травмы кадеты с высокой самооффективностью быстро возвращаются к тренировкам, веря в восстановление.

— Физическая подготовка и здоровье. Хорошая физическая форма снижает уязвимость к стрессу и влияние усталости, поскольку тело лучше справляется с нагрузками. Здоровье (сон, питание) напрямую влияет на психологическую устойчивость [3, с. 114]. Регулярные тренировки укрепляют не только мышцы, но и ментальную стойкость, делая кадет менее подверженными выгоранию.

2. Социальные факторы. Влияние окружения играет ключевую роль, поскольку кадеты живут и тренируются в коллективной среде:

— Поддержка тренеров и наставников. Тренеры, предоставляющие конструктивную обратную связь и эмоциональную поддержку, помогают кадетам развивать устойчивость. Положительное подкрепление усиливает уверенность. Так, тренер, обсуждающий стратегии пре-

одоления стресса после неудачи мотивирует кадета на продолжение занятий.

— Взаимодействие со сверстниками и командой. Атмосфера взаимопомощи в команде снижает чувство изоляции и повышает социальную устойчивость. Чувство принадлежности хорошо укрепляют регулярно проводимые групповые тренинги по командообразованию. Кадеты, поддерживающие друг друга во время интенсивных тренировок, легче справляются с одиночеством и развивают коллективную устойчивость.

— Семейная поддержка. Положительное влияние семьи (поощрение, эмоциональная опора) способствует формированию базовой устойчивости. Внешняя эмоциональная опора помогает справляться с внутренними конфликтами. Родители, посещающие соревнования и предоставляющие моральную поддержку, помогают кадету быстрее восстанавливаться после стрессовых ситуаций.

— Влияние культурных и этических норм. В кадетской среде ценности дисциплины формируют коллективную устойчивость. Традиции училища, подчеркивающие стойкость, мотивируют кадета преодолевать личные слабости.

3. Организационные факторы. Структура тренировочного и образовательного процесса напрямую влияет на развитие устойчивости.

— Градуированная нагрузка и прогрессивные тренировки. Постепенное увеличение сложности (от простых упражнений к соревновательным) позволяет адаптироваться к стрессу, формируя привычку к преодолению трудностей. Тренировки с элементами неопределенности (например, симуляция соревнований) учат кадета сохранять концентрацию в хаотичных ситуациях [10, с. 139].

— Система обратной связи и оценки. Регулярная, сбалансированная обратная связь (позитивная и конструктивная критика) развивает устойчивость, помогая кадетам учиться на ошибках. Так, после анализа тренировок кадет корректирует стратегии, что повышает уверенность и снижает страх неудачи.

— Доступ к ресурсам восстановления. Организация отдыха, медицинской помощи и психологической поддержки в училище предотвращает выгорание. Регулярное время отдыха и программы релаксации помогают кадетам восстанавливаться, укрепляя долгосрочную устойчивость.

— Интеграция спорта и образования. Сочетание спортивной подготовки с учебой развивает многозадачность и устойчивость к многогранным вызовам. Пример: кадеты, балансирующие тренировки и экзамены, учатся управлять временем и стрессом, что переносится на спортивные достижения.

4. Психологические факторы. Психолого-педагогическое сопровождение направлено на создание условий для формирования у кадета устойчивости к стрессу и неудачам, поддержание их мотивации, способствующих достижению высоких спортивных результатов за счет развития внутренних и внешних ресурсов.

Работа психолога по формированию психологической устойчивости у кадета, мотивированных на достижение

высоких результатов в спорте, включает следующие ключевые направления:

1. Диагностика и оценка устойчивости.

Психолог проводит комплексное обследование с использованием специализированных методик (например, опросников эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости) для выявления сильных и слабых сторон каждого кадета. Регулярный мониторинг и оценка психоэмоционального состояния кадета помогает учитывать изменения, которые происходят в процессе интенсивной физической активности. Систематическое проведение психодиагностики позволяет своевременно выявлять возможные проблемы и принимать соответствующие меры по их устранению. Регулярные опросы и беседы с кадетами об их состоянии помогают обнаружить ранние признаки стресса и эмоционального выгорания, дают возможность определить индивидуальные потребности, предотвратить негативные последствия и риски и своевременно организовать поддержку или коррекционные меры [7, с. 175].

2. Индивидуальное консультирование и сопровождение.

Психолог работает с кадетом индивидуально, помогая развивать навыки саморегуляции, управления стрессом и эмоциональной адаптации. Ведь успешная интеграция кадета в спортивную деятельность невозможна без учета индивидуальных особенностей каждого молодого человека. Психологическое сопровождение опирается на понимание индивидуальных потребностей и особенностей кадета, что помогает не только устранить нежелательные психоэмоциональные состояния, но и развить потенциал каждого воспитанника. В данном контексте важным является внедрение дифференцированных подходов в процессе обучения и тренировок. Психологом широко используются техники когнитивно-поведенческой терапии, методы релаксации, визуализации и постановки целей. Консультации с психологом, фокусирующиеся на индивидуальных проблемах, способствуют раннему выявлению и коррекции возникающих трудностей, помогают кадетам сохранять мотивацию в условиях высокого давления. Важна поддержка в переосмыслении неудач и формировании позитивного мышления [9].

3. Групповые тренинги и командообразование.

Психолог организует групповые занятия, направленные на развитие навыков коммуникации, поддержки в коллективе, совместного преодоления трудностей и повышения командного духа и сплоченности. Участие в командных тренировках и групповом взаимодействии помогает развивать навыки коммуникации, сотрудничества и взаимопомощи, что в свою очередь создает положительную атмосферу в команде, способствует созданию благоприятной социальной среды, укрепляющей устойчивость. Это особенно важно в условиях, когда успех зависит не только от индивидуальных заслуг каждого, но и от взаимодействия с другими членами команды и тренерским составом. Тренинги по управлению стрессом по-

могут перестраивать негативные мысли. Групповые занятия по визуализации успехов перед соревнованиями снижают тревогу и повышают устойчивость [8].

Как индивидуально, так и во время групповых занятий проводится обучение кадет психологическим техникам и стратегиям преодоления. Кадеты обучаются конкретным инструментам — например, техникам дыхания, медитации, методам контроля внимания и эмоционального состояния, что помогает быстро восстанавливаться после стрессовых ситуаций. В практике используется обучение кадет стратегиям адаптивного преодоления, таким как рефрейминг (переосмысление неудач). Применяются модели вроде SMART-целей (конкретных, измеряемых), что увеличивает внутреннюю мотивацию. Постановка личных целей с поэтапным прогрессом мотивирует кадет на ежедневные усилия, формируя привычку к устойчивости. Регулярные занятия и тренинги, направленные на развитие этих качеств, непосредственно влияют на то, как кадеты справляются с физическим и эмоциональным напряжением в процессе тренировок и соревнований. Данные показатели становятся особенно актуальными во время соревнований, когда уровень стресса значительно повышается [13, с. 223]. Кроме того, повышенная стрессо-

устойчивость способствует лучшей концентрации и формированию позитивной самооценки, что позволяет кадетам достигать более высоких спортивных результатов.

В работе психолога по формированию психологической устойчивости у кадет важно взаимодействие с тренерским составом и преподавателями для интеграции психологических подходов в тренировочный процесс и образовательную среду. Это обеспечивает комплексную поддержку и согласованность усилий.

Каждая программа, разработанная или адаптированная психологом, учитывает специфику среды, индивидуальные потребности кадет, особенности их физической активности и спортивной мотивации и включает систематическую работу над психологическими ресурсами и адаптацию к нагрузкам.

Таким образом, формирование психологической устойчивости у кадет — это многогранный процесс, требующий учета специфики среды и мотивации. Комплексный подход, включающий индивидуальные, социальные, организационные и психологические факторы, позволяет кадетам не только достигать высоких результатов в спорте, но и способствует общему личностному развитию кадет, подготовке их к будущим профессиональным вызовам.

Литература:

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни: психологические основы устойчивости личности / К. А. Абульханова-Славская. — М.: Мысль, 1991. — 304 с.
2. Боброва Г. В. Организация спортивной деятельности кадет с учетом психологической характеристики подрастающего поколения / Г. В. Боброва, О. В. Подкопаева // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. — 2021. — № 8 (198). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-sportivnoy-deyatelnosti-kadet-s-uchetom-psihologicheskoy-harakteristiki-podrastayushchego-pokoleniya> (дата обращения: 24.02.2025).
3. Горбунов Г. Д. Психопедагогика спорта: учебник / Г. Д. Горбунов. — М.: Физическая культура, 2007. — 280 с.
4. Иванов П. С. Психологическая подготовка спортсменов / П. С. Иванов. — М.: Физкультура и спорт, 2017. — 256 с.
5. Ильин Е. П. Психология спорта: учебник / Е. П. Ильин. — СПб.: Питер, 2008. — 400 с.
6. Лазарев В. В. Психология спорта: теория и практика / В. В. Лазарев. — М.: Наука, 2018. — 320 с.
7. Марищук В. Л. Методики психодиагностики в спортивной практике: учеб.-метод. пособие / В. Л. Марищук, Ю. М. Блудов, В. А. Плахтиенко, Л. К. Серова. — М.: Просвещение, 1984. — 256 с.
8. Педагогическая система сплочения учебных групп кадет и формирования в них благоприятного психологического климата [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-sistema-splocheniya-uchebnyh-grupp-kadet-i-formirovaniya-v-nih-blagopriyatnogo-psihologicheskogo-klimata/viewer>, (дата обращения: 24.02.2025).
9. Педагогические инструменты формирования личности подростка в условиях спортивной секции [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-instrumenty-formirovaniya-lichnosti-podrostka-v-usloviyah-sportivnoy-seksii> (дата обращения: 24.02.2025).
10. Серова Л. К. Психологическая подготовка спортсменов к соревнованиям: учеб.-метод. пособие / Л. К. Серова. — М.: Советский спорт, 2012. — 192 с.
11. Сибирякова Н. В. Динамика и особенности психологической адаптации кадет к образовательному процессу / Н. В. Сибирякова // Кронос. — 2022. — № 3 (65). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-i-osobennosti-psihologicheskoy-adaptatsii-kadetov-k-obrazovatelnomu-protssessu> (дата обращения: 24.02.2025).
12. Смирнова Е. А. Психологическая устойчивость в спорте / Е. А. Смирнова. — СПб.: Питер, 2020. — 256 с.
13. Стамбулова Н. Б. Психология спортивной карьеры: учебник / Н. Б. Стамбулова. — СПб.: Центр карьеры, 2006. — 320 с.
14. Уманская И. А. Самоэффективность и совладающее поведение учащихся кадетского корпуса / И. А. Уманская, Е. В. Тихомирова, П. И. Каменский // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. — 2019. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samoeffektivnost-i-sovladayuschee-povedenie-uchaschihsya-kadetskogo-korpusa> (дата обращения: 24.02.2025).

Individuality and its development characteristics in primary school

Yunusova Alena Yuryevna, master's student

Scientific advisor: Ogneva Elena Anatolyevna, doctor of philological sciences, professor, head of department
Belgorod State National Research University

The issue of developing a child's individuality in the early years of schooling occupies a fundamental place in modern pedagogical and psychological discourse. Primary education represents a sensitive and formative period, during which the child moves from predominantly play-based activity to structured learning activity.

Individuality is not a fixed characteristic but a developmental construct shaped by the dialectical interaction between the child's internal potential and the external socio-cultural context. The school environment plays a decisive role in this process, providing structured conditions for the manifestation of personal uniqueness, the expansion of cognitive interests, and the establishment of initial motivational-value orientations. Within this framework, individuality encompasses not only cognitive and emotional-volitional aspects but also the formation of self-awareness, communicative competence, and the capacity for self-regulation in learning activity.

Keywords: individuality, primary school age, elementary education, personal development, pedagogy, psychology, differentiated approach, educational environment.

Индивидуальность и особенности её развития в начальной школе

Юнусова Алена Юрьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Огнева Елена Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Проблема развития индивидуальности ребёнка в раннем школьном возрасте занимает основополагающее место в современном педагогическом и психологическом дискурсе. Начальное образование представляет собой сензитивный и формирующий период, в течение которого ребёнок переходит от преимущественно игровой деятельности к структурированной учебной.

Индивидуальность — это не фиксированная характеристика, а конструкт развития, формирующийся в диалектическом взаимодействии внутреннего потенциала ребёнка и внешнего социокультурного контекста. Школьная среда играет решающую роль в этом процессе, обеспечивая структурированные условия для проявления личностной уникальности, расширения познавательных интересов и формирования исходных мотивационно-ценностных ориентаций. В этом контексте индивидуальность охватывает не только когнитивные и эмоционально-волевые аспекты, но и формирование самосознания, коммуникативной компетентности и способности к саморегуляции учебной деятельности.

Ключевые слова: индивидуальность, младший школьный возраст, начальное образование, личностное развитие, педагогика, психология, дифференцированный подход, образовательная среда.

The concept of individuality indicates that a person, from the diversity of social roles and functions, the totality of connections and relationships with others, identifies their own, personal essence; making them the absolutely valuable content of their true self [1, p. 354]

«Individuality is the character traits and psychological makeup that distinguish one individual from another. Individualism is a moral principle that places the interests of the individual above the interests of society» [7, p. 769].

Individuality has many facets and manifestations. It is in this context that B. G. Ananyev proposes to consider individuality. According to him, it is a unique system of an individual's mental properties, individual personality traits, and special mental abilities formed on the basis of natural inclinations and under specific social environmental conditions; a generalized characteristic of a person's individual psychological characteristics. The first component of individuality is psychodynamic characteristics, determined genetically, manifested in the subject's character and realized at the next level. Thus, the second level of individuality

can be defined as personality traits, which form a kind of personal thesaurus. Particularly noteworthy is the following: the more pronounced a certain characteristic is, the greater the person's tendency to develop a particular pathology.

Both contribute to the individual's unique manifestation in social space, harmoniously combining temperament, character, social experience, worldview, and other qualities that are, on the one hand, genetic and, on the other, formed through the process of socialization [1, p. 12].

Having studied the causes of individual differences in intelligence and personality (including psychopathological manifestations) for many years, R. Plomin and D. Daniel concluded that one of the main causes of psychological variability is the influence of the social environment in which a child's individuality is formed (in particular, parental relationships and their attitudes toward children, various forms of education, and interaction with peers).

A. V. Toropova views individuality as an integral whole, which manifests itself at three basic levels:

- 1) the organismic (natural) level;
- 2) the strictly psychological;
- 3) the social.

Rubinstein noted that a child's development occurs through upbringing and education; the transition from one level of development to the next becomes possible through the realization of the potential of the previous level; the ontogenetic development of each person depends on how they navigate their individual life path and is essentially the development of their individuality [2, p. 162]. Individual psychological characteristics of a person that are a prerequisite for the successful implementation of a particular activity and that determine differences in the acquisition of necessary knowledge, skills, and abilities are called abilities [1, p. 378]. General abilities are often referred to as giftedness and are sometimes equated with intelligence [2, p. 540]. Both general and specific abilities, manifested in various types of activity, are interconnected. Creativity is an activity that facilitates the creation and discovery of something previously unknown to a given person, and creativity is both the ability to create and the opportunity to realize this ability.

The development of individuality should be based on the formation of the personality as an open system with great freedom and ambiguity. The objective psychological basis of this approach is the interrelations between personal variables. Individuality is formed under the condition that these connections are less rigid and less deterministic, which characterizes the space of the «possible». If these connections are «shaken», i.e. By ensuring the prevalence of differentiation processes, more opportunities for various forms of their integration appear, thereby laying the foundation for the development of greater variability in individuality and increased individual complexity. In this case, the decisive factor in the organization of a person's own activity is the voluntary influence on the cause-and-effect patterns that influence their life, i.e., the factor of self-determination [1].

According to V. Slobodchikov, from a psychological perspective, a person represents the mutual complementarity of five images of subjective reality: the individual, the subject, the personality, individuality, and the universe [2]. According to A. Skripchenko and other scholars, individuality is one of the seven hypostases of a person and represents a combination of a person's mental characteristics that shape their uniqueness and distinction from others [4]. A creative individual is a unique, distinctive personality, realizing themselves through creative activity.

The development of individuality is influenced by education and upbringing, the family environment, and the street. Enriching a child's intellectual and creative abilities requires educational activities in various areas. For example, the creation of clubs, sections, and children's interest groups at school can facilitate students' creative self-expression. In this context, it is clear that the primary role in shaping a student as a creative individual belongs to the family and school, with the active participation of extracurricular institutions.

The use of project-based and information technologies promotes the development of logical, creative, and critical thinking in primary school students; the ability to independently explore and solve problems; a holistic understanding of the world based on systems thinking and the place of one's self in the world; the ability to self-knowledge and self-understand; the emotional sphere of the individual, their abilities, inclinations, and interests; and information competence. Students enjoy learning, their intellectual potential increases, they absorb material more easily, and they develop good learning skills [8, p. 214].

Thus, primary school age is characterized by high sensitivity, which provides significant opportunities for personal development in children.

The leading activity of this age is educational, within the framework of which psychological neoplasms are formed, which characterize the most significant achievements in the development of children of primary school age and are the basis for ensuring development at subsequent age stages.

References:

1. Леонтьев, Д. А. Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному / Д. А. Леонтьев // Вопросы психологии. — 2011. — № 1. — С. 3–27.
2. Общая психология / С. Д. Максименко, В. О. Зайчук, В. В. Клименко, М. В. Папуча, В. О. Соловьев / ред. от С. Д. Максименко. — Винница: Новая книга, 2004. — 704 с.
3. Общая психология: Учебник / О. В. Скрипченко, Л. В. Долинская, З. В. Огороднийчук. — Киев: Лебедь, 2005. — 464 с.
4. Перевозкина Ю. М. Системный подход к психологии индивидуальности / Ю. М. Перевозкина, М. И. Федоришин // Ярославский психологический вестник. — 2019. — № 3 (45). — С. 12–13.
5. Проблемы духовных ценностей в философии и культуре / под общей ред. С. С. Чернова. — Новосибирск: Сиб-принт, 2010. — С. 10–47.
6. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — СПб.: Питер, 2007. — 713 с.
7. Слободчиков, В. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъектности: учебник для вузов / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. — М.: Школа-Пресс, 1995. — 384 с.
8. Юрловская, И. А. Метод проектов и информационные технологии как средство развития личности учащихся начальной школы / И. А. Юрловская // Современные технологии в образовании. — 2013. — № XIII. — С. 211–215.

Professional activity satisfaction as a factor of subjective well-being of personality

Janson Maria Andreevna, master's student
Belgorod State National Research University

Scientific advisor: Buchek Albina Aleksandrovna, doctor of psychology, professor
State University of Education (Moscow)

The article analyzes the concept of «professional activity satisfaction» in the context of subjective well-being of personality. It provides a description of related concepts used in Russian and foreign psychology. The article analyzes studies devoted to the relationship between indicators of satisfaction of basic psychological needs and the level of subjective well-being and social well-being in life. Existing ways to achieve job satisfaction are highlighted.

Keywords: professional activity satisfaction, subjective well-being, professional well-being.

Modern personality psychology examines professional activity as one of the key spheres of life self-determination and personal development. According to many psychological studies, understanding the importance of professional development and improvement in the workplace is inseparable from a person's productive social well-being. Thereby, research in the field of continuous professional development, searching for mechanisms of developing professionalism, and creative self-improvement in various spheres of human activity: production, culture, society, becomes relevant [2].

At the same time, the interest in comprehending the subject of these categories traditionally leads scientists to research motivation for professional activity, attitude to work, and ideas of the prestige of the acquired profession. At the same time, an important aspect of this research area is the problem of an individual's satisfaction with their professional activity.

It seems that the problem of work satisfaction can be discussed at multiple levels, from assessing the safety of working conditions, compliance with social expectations and needs, the presence of professional difficulties and deficits achieving success in the profession and reaching the peaks of personal self-actualization (A. G. Asmolov, I. K. Adizes, G. P. Bessokir-naya, L. V. Vroom, F. Herzberg, M. S. Guseltseva, E. P. Ermolaeva, A. L. Zhuravlev, A. G. Zdravomyslov, A. V. Karpov, A. A. Kissel, D. A. Leontiev, V. A. Mazilov, A. K. Markova, T. D. Martsinkovskaya, A. M. Novikov, E.Yu. Pryazhnikova, V. D. Shadrikov, L. B. Shneider, A. V. Yurevich, V. A. Yadov, C. Johnson, L. Hammond, N. J. Salkind, etc.).

An analysis of the state of the problem shows that professional activity satisfaction can be a basic parameter measuring the quality of life of both an personality and a social group or even society as a whole, along with family well-being, health, spiritual and moral development, socially significant activities, etc.

The purpose of the article is to analyze the concept of «professional activity satisfaction» in the context of an individual's subjective well-being.

Professional activity satisfaction is correlated with such concepts as «professional well-being» (R. A. Berezovskaya), «subjective quality of working life» (V. A. Ryabov), as well as «psychology of professional health» (S. W. Butterworth, A. Linden, W. McClay), «happiness at work» (P. Warr), more commonly used by foreign researchers.

In Russian science, the professional activity of the working subject is considered mainly through the phenomenon of professional activity (K. A. Abulkhanova-Slavskaya, N. S. Pryazhnikov, A. N. Leontiev, S. L. Rubinstein), understood as a manifestation of subjective activity (L. G. Dikaya), engagement in work demonstrated in professional activity, which ensures the degree of interaction and the nature of relationships, and also reflects the hierarchy of an individual's motives, designed to ensure optimal human functioning in life. In this sense, work satisfaction becomes one of the significant characteristics of the quality of satisfaction of a person's psycho-emotional, personal, and social needs.

Research on a diverse range of professions—including educators, healthcare and academic staff, law enforcement personnel, and others—has established a robust correlation between the satisfaction of basic psychological needs and levels of subjective and social well-being (Demidenko et al.; Kras-noshlykova et al.; Fedosenko; Fedyaeva; Shefer; Deci & Ryan).

This relationship is empirically demonstrated across various professional groups. For instance, a large-sample study (N=656) of industrial enterprise employees confirmed significant correlations between job satisfaction and distinct facets of subjective well-being, such as psychological strain and sensitivity, psycho-emotional state, mood variability, the significance of social environment, self-rated health, and satisfaction with daily activities [5]. Equally significant findings emerged from a study on sample of teachers (N=550), which identified that low job satisfaction correlates with high levels of anxiety, depression, psychosomatic symptoms, and cardiovascular diseases [4].

Research based on teachers' satisfaction with their professional activities in the Kemerovo region allowed to identify the specifics of the emotional evaluative attitude towards the teaching profession in a large sample (N= 4767).

It revealed that teachers' axiological aspirations, which align with higher-order social needs for self-development and self-expression, positively influence their self-esteem and professional engagement. Moreover, the study found that key value orientations extend beyond the dissemination of knowledge, student development, upbringing, and socialization to include a creative approach to work, initiative, responsibility, and a commitment to continuous professional development [3].

Accordingly, subjective well-being can be either directly or inversely related to satisfaction with professional activity: a high level of subjective well-being may be indicative of work satisfaction, and conversely, satisfaction with one's professional activity can induce a feeling of subjective well-being in life in general. Determining which factor is dominant in this case may become a prospect for our further research.

The methods for achieving job satisfaction are also of significant research interest. These are generally understood through two primary lenses: the organization of the professional environment and the development of employees' personal characteristics.

The former involves structuring the work environment through:

- facilitating interpersonal contacts;
- providing material and non-material incentives;
- managing and controlling work processes and content;
- leveraging the power of a collaborative management culture.

The latter focuses on fostering individual traits, such as:

- emotional response to the alignment between job expectations and outcomes;
- commitment to personal growth and professional development;

- the intensity of work-related feelings;
- an orientation toward self-improvement;
- the development of a positive self-concept [1].

In the context of a rapidly changing labor market, creativity and personal adaptability have become key determinants of professional well-being (e.g., K. Udinski, T. Amabile, R. Sternberg). Research indicates that satisfaction increases when employees perceive opportunities for self-realization, the implementation of new ideas, and professional growth. This is particularly crucial for individuals in creative fields, the IT sector, and entrepreneurship.

Another distinct factor contributing to work satisfaction is the employee's level of acceptance of the organizational relationship model. This includes alignment with the values promoted by leadership and cooperation with, rather than resistance to the force of the corporate culture.

A synthesis of existing approaches to enhancing professional activity satisfaction (focused on the social, personal, and value-based contexts) can be viewed not only as factor of professional well-being but also as method for managing its base characteristics. This integrated perspective offers individuals new avenues for improving their subjective psychological well-being and overall sense of happiness.

References:

1. Berezovskaya, R. A. (2016). Professional'noye blagopoluchiye: problemy i perspektivy psikhologicheskikh issledovaniy [Professional well-being: Problems and prospects of psychological research]. *Psikhologicheskiye Issledovaniya*, 9(45), 2. https://inpsy.org/publications/berezovskaya_ra_professionalnoe_blagopoluchie/547_file_1.pdf
2. Demidenko, N. N. (2022). Teoreticheskiye osnovy psikhologii professionalizma sub'yekta nauchno-pedagogicheskogo truda [Theoretical foundations of the psychology of professionalism of a subject of scientific and pedagogical work: A monograph]. Tver State University. (In Russ.) <https://elibrary.ru/item.asp?id=48274176>
3. Krasnoshlykova, O. G., Shefer, I. V., & Sadretdinova, M. V. (2021). Rezul'taty issledovaniya «Udovletvorennost' pedagogov professional'noy deyatel'nost'yu» v kontekste realizatsii regional'nogo proekta «Uchitel' budushchego» [Results of the study «Teachers' satisfaction with professional activity» in the context of the implementation of the regional project «Teacher of the Future»]. *Gumanitarnyye Nauki*, (3), 48–62. (In Russ.) <https://cyberleninka.ru/article/n/rezultaty-issledovaniya-udovletvorennost-pedagogov-professionalnoy-deyatelnostyu-v-kontekste-realizatsii-regionalnogo-proekta/viewer>
4. Fedosenko, E. V. (2018). Lichnost' i professiya: k probleme udovletvorennosti trudom [Personality and profession: On the problem of job satisfaction]. *Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya Truda*, 3(4), 90–114. (In Russ.) <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document412.pdf>
5. Fedyaeva, I. Yu. (2020). Vzaimosvyaz' udovletvorennosti trudom s sub'yektivnym blagopoluchiyem i udovletvorennost'yu zhizn'yu rabotnikov promyshlennogo predpriyatiya [The relationship of job satisfaction with subjective well-being and life satisfaction of industrial enterprise employees]. *Vestnik Vyatskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 1(135), 158–166. (In Russ.) [https://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/vyatsu/135\(1\)2020/fedyaeva.pdf](https://vestnik43.ru/assets/mgr/docs/vyatsu/135(1)2020/fedyaeva.pdf)

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 41 (592) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 22.10.2025. Дата выхода в свет: 29.10.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.